

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП**

ж 30184

**7 И Ю Л Ь
1 9 3 8**

И з д а т е л ь с т в о Г л а в с е в м о р п у т и

СОДЕРЖАНИЕ

Новая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных	3
Беспосадочный перелет В. Коккинаки	6
Блестящий перелет советских летчиц	8
И. Папанин. Научная работа станции „Северный полюс“	9
А. Январский. Новые ледоколы „И. Сталин“ и „Л. Каганович“	16
И. Трофимов. В отрыве от основных задач	23
Н. Бегичев. Работу полярных станций на высшую ступень	29
Л. Филатов. Ликвидировать последствия вредительства в Издательстве Глав- севморпути	34
В. Кононов. Полностью освоить средства по профбюджету	36
Д. Кацнельсон. Труд и его организация в нашей системе	38
А. Мантьев. О технике безопасности	39

ПОЛЯРНАЯ АВИАЦИЯ

По путевке великого Сталина	42
Я. Мошковский. Рудольф — Северный полюс	44
И. Спирин. Возвращение на Большую землю	48
Т. Караваева. Старейший полярный летчик (М. С. Бабушкин)	58

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Л. Колесникова. Больше организованности в работе	63
С. Александров. Опыт выращивания овощей и цветов на острове Диксона	68
П. Мантейфель. Аклиматизация животных на Крайнем Севере	74
Г. Мосолов. Опыт посева овощей на Чукотке	82
Б. Патрикеев. Семеноводство на Крайнем Севере	83
М. Гордеев. Помидоры на Омском Севере	84
Животноводство в полярных условиях	86

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Борис Рихтер. Искусство полярных исследований	88

НАМ ПИШУТ

А. Вольский. Гидрография на Енисее	92
Н. Рихтер. Солнечный свет в полярную ночь	95
И. Лебедев. Влияние рек на льды арктических морей	95
В. Антипин. Морской зверь на Новой Земле	91
В. Скалон. Походное снаряжение для полярников	102

ХРОНИКА

Школы Крайнего Севера	104
Медицинская помощь населению	106
Наши культбазы	107
Станция „Северный полюс“ на выставке	110
Музей в Енисейске	11
Строительство больниц на Севере передано Главсевморпути	11
Эвенкийские и нанайские песни на пластинке	112
Сто узкокопленочных передвижек	112

НОВАЯ ПОБЕДА СТАЛИНСКОГО БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ

Сталинский блок коммунистов и беспартийных одержал новую блестящую победу. На выборах Верховных Советов союзных и автономных республик народы нашей страны еще раз показали свое нерушимое морально-политическое единство, свою безграничную преданность партии Ленина—Сталина, выразили глубокую ненависть к врагам народа — троцкистско-бухаринским и буржуазно-националистическим выродкам.

Поистине замечательная победа завоевана советским народом на прошедших выборах.

На выборах депутатов в Верховный Совет РСФСР участвовало в голосовании 59 936 715 избирателей, что составляет 99,3% от общего количества граждан, имеющих право голоса. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 59 542 993 человека, что составляет 99,3% всего числа избирателей, участвовавших в голосовании.

По Украинской Советской Социалистической Республике голосовало 17 467 909 человек, или 99,62%. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 17 387 683 человека, или 99,55%.

По Белорусской Советской Социалистической Республике голосовало 3 030 148 избирателей, или 99,65%. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 3 005 609 человек, или 99,19%.

В Грузинской Советской Социалистической Республике голосовало 1 883 608 избирателей, или 99,2%. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 1 876 391 человек, или 99,6%.

В Армянской Советской Социалистической Республике голосовало 605 907 избирателей, или 99,06%. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 603 469 человек, или 99,6%.

В Азербайджанской Советской Социалистической Республике голосовало 1 562 396 избирателей, или 99,36%. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 1 556 012 человек, или 99,59%.

В Казахской Советской Социалистической Республике участвовало в голосовании 2 963 033 избирателей, или 99,2%. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 2 948 868 человек, или 99,5% к числу голосовавших.

Огромных успехов достиг сталинский блок коммунистов и беспартийных и по всем другим союзным и автономным республикам. По всем республикам отмечена исключительно высокая политическая активность

трудящихся. Выборы явились всенародным праздником. Советские избиратели с огромным воодушевлением и с полным сознанием своего долга единодушно голосовали за кандидатов сталинского блока.

Этим всеобщим подъемом выражено настроение народов СССР, голосующих за великую партию Ленина — Сталина, за советское правительство, за коммунизм. Победа сталинского блока коммунистов и беспартийных во всех республиках Союза входит ярчайшей вехой в историю великих побед ленинско-сталинской национальной политики.

Верховные Советы союзных и автономных республик избраны. Своим первым депутатом народы нашей родины избрали своего любимого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. С именем Сталина и его ближайших соратников шел советский народ к избирательным урнам. За сталинских питомцев, партийных и непартийных большевиков, патриотов нашей родины, за людей, до конца преданных делу партии Ленина — Сталина, голосовали избиратели союзных и автономных республик.

Своим всенародным голосованием на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции народы нашей страны избрали в Верховные Советы лучших своих сынов и дочерей, непоколебимых борцов за счастливую жизнь рабочих и крестьян, за родину.

Избиратели голосовали за свою родную партию Ленина — Сталина, за сталинский ЦК ВКП(б), за советское правительство, освободившие угнетенные народы от царского варварства и насилия. Страна, в которой при палочном режиме Романовых проливалась кровь рабочих и крестьян, царили произвол и эксплуатация, превратилась при советской власти в цветущий край изобилия и всенародного счастья. На одной шестой части мира построено могучее социалистическое государство, способное дать сокрушительный удар по тем, кто попытается посягнуть на нашу священную землю. Внешняя и внутренняя политика нашей партии и правительства обеспечила народам Союза Советских Социалистических Республик все блага жизни и процветания.

Рабочие, крестьяне, интеллигенция голосовали за партию Ленина — Сталина, ибо они видят, что именно партия большевиков превратила нашу родину в могучую социалистическую державу, на которую устремлены взоры трудящихся всего мира.

Голосуя за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных, трудящиеся нашей страны тем самым выразили свою глубочайшую ненависть к врагам народа — троцкистам, бухаринцам, буржуазным националистам и прочей фашистской мрази, покушающейся на свободу и независимость нашей могучей страны. Этим презренным вырождакам никогда не остановить победоносного движения народов, объединившихся под великим и непобедимым знаменем Ленина — Сталина.

Сталинский блок коммунистов и беспартийных еще раз показал свою жизнотворную силу. В нынешнюю избирательную кампанию наша советская демократия развилась еще дальше, она еще глубже вошла в народ, охватив новые пласты населения городов и сел нашей необъятной страны. Депутатами в Верховные Советы союзных и автономных республик избраны самые лучшие представители нашего народа, воспитанники партии Ленина — Сталина. Среди избранных депутатов мы видим знатных людей промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, стахановцев, Героев Советского Союза, преданных и мужественных борцов за интересы рабочих и крестьян, за социализм. Все они достойные представители народов нашей родины, их верные сыны и дочери, отдающие себя целиком на службу социализму.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик подняли трудящихся нашей страны, патриотов своей родины на новые подвиги, на героическую борьбу за независимость, за мир, за коммунизм.

В то время как фашисты капиталистических стран готовят новую империалистическую бойню, подавляют у порабощенных народов всякое проявление демократии, трудящиеся Советского Союза, под руководством партии, завоевывают все новые и новые победы в строительстве социалистического хозяйства и социалистической культуры.

Под руководством партии большевиков, при помощи русских рабочих и крестьян, свергнувших власть помещиков и капиталистов, народы нашей страны успешно строят свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. Мудрая ленинско-сталинская национальная политика призвала к жизни и процветанию все народы, населяющие нашу необъятную территорию. Гением Ленина и Сталина обеспечено дальнейшее движение вперед, дальнейший расцвет и укрепление могущества социалистического строя.

Избранные в Верховные Советы союзных и автономных республик депутаты как политические деятели ленинского типа должны свято хранить и нести в своем сердце указание товарища Сталина, высказанное им на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 11 декабря прошлого года. Товарищ Сталин говорил:

„Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были так же свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были так же мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин“.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик еще более умножили силы нашей страны. Они вошли в историю нашего социалистического государства как величественная демонстрация несокрушимой верности народов СССР великому и непобедимому знамени Ленина — Сталина.

К успехам сталинского блока коммунистов и беспартийных приковано внимание и народов зарубежных стран, еще находящихся под пятой капиталистической кабалы. Победа сталинского блока в нашей стране прозвучала как новый мощный призыв к освобождению от капиталистического гнета многомиллионных трудовых масс во всем мире.

БЕСПОСАДОЧНЫЙ ПЕРЕЛЕТ В. К. КОККИНАКИ

СООБЩЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ БЕСПОСАДОЧНОГО ПЕРЕЛЕТА МОСКВА — ХАБАРОВСК — РАЙОН ВЛАДИВОСТОКА

Вылетевший 27 июня в 8 часов 36 минут со Щелковского аэродрома (вблизи г. Москвы) в беспосадочный перелет по маршруту Москва — Хабаровск — район Владивостока экипаж в составе летчика Коккинаки В. К. и штурмана Бряндинского А. М. на двухмоторном самолете „Москва“ конструктора Ильюшина С. В. блестяще выполнил поставленное задание и 28 июня в 9 часов 12 минут по московскому времени благополучно произвел посадку в Спасске в 155 километрах от Владивостока.

Трасса воздушного пути Москва — Хабаровск и далее до места посадки в Спасске равна по прямой 6850 километров. Фактически пройдено за 24 часа 36 минут свыше 7600 километров при средней скорости — 307 километров в час.

Перелет происходил по прямой линии Москва — Киров — Чердынь — Ванавара — Бодайбо — Зея — Хабаровск и далее в район Владивостока.

Трасса полета проходила по неисследованной местности, над тундрой и тайгой. Полет осуществлен в чрезвычайно тяжелых метеорологических условиях. За весь путь экипаж видел землю только на протяжении 1000 километров, остальной путь пройден за облаками и в облаках. Высота полета колебалась от 30 до 7000 метров. При подходе к Хабаровску самолет „Москва“ встретил мощный грозовой фронт с облачностью до земли. Выход из облаков в горных условиях стал невозможным. Обойдя грозовой фронт, экипаж вышел к берегу моря, где пробил облака и продолжил полет по намеченному маршруту. Материальная часть самолета после посадки находится в полной исправности. В баках самолета осталось еще 500 килограмм горючего. Самочувствие отважных летчиков хорошее.

Героический экипаж самолета „Москва“ вписал блестящую страницу в историю советской и мировой авиации.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОМИССИЯ.

***Товарищам СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ,
ВОРОШИЛОВУ, ЕЖОВУ***

Перелет Москва—Владивосток выполнен за одни сутки

***Летчик КОККИНАКИ
Штурман БРЯНДИНСКИЙ***

Товарищам СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ

Ваше доверие оправдал, задание выполнил.

КОККИНАКИ

ВЛАДИВОСТОК

Т.т. В. Коккинаки, А. Бряндинскому.

Горячо поздравляем вас с блестящим выполнением правительственного задания.

Героический перелет Москва—Хабаровск—район Владивостока, покрывший свыше 7600 километров труднейшего пути в течение 24 часов и 36 минут, вписывает новую замечательную страницу в историю советской и мировой авиации.

Трудящиеся Советского Союза гордятся вашей победой.

Обнимаем вас и жмем ваши руки.

***И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
К. ВОРОШИЛОВ
М. КАЛИНИН
Л. КАГАНОВИЧ
А. МИКОЯН***

***А. АНДРЕЕВ
А. ЖДАНОВ
Н. ЕЖОВ
Н. ХРУЩЕВ
М. КАГАНОВИЧ
А. ЛОКТИОНОВ***

БЛЕСТЯЩИЙ ПЕРЕЛЕТ СОВЕТСКИХ ЛЕТЧИЦ

СЕВАСТОПОЛЬ — АРХАНГЕЛЬСК

Беспосадочный перелет военных летчиц Осипенко, Ломако и Расковой

2 июля 1938 года, в 4 часа 36 минут по московскому времени, на одномоторном гидросамолете „МП-1“ военные летчицы — старший лейтенант Полина Денисовна Осипенко, старший лейтенант Вера Федоровна Ломако и штурман лейтенант Марина Михайловна Раскова начали беспосадочный перелет по маршруту Севастополь — Киев — Новгород — Архангельск.

В 15 часов 09 минут тов. Осипенко благополучно произвела посадку на Холмовском озере (15 километров южнее Архангельска).

Весь путь протяжением в 2416 километров пройден самолетом „МП-1“ за 10 часов 33 минуты со средней скоростью 228 километров в час.

На участке Гомель — Витебск — Великие Луки — Новгород полет происходил в облаках, вне видимости земли. От Водлозера до Архангельска самолет шел под облаками, сверх облаков и большей частью в облаках.

Советские летчицы Осипенко, Ломако и Раскова блестящим образом выполнили поставленную перед ними задачу. (ТАСС).

ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА, 2 июля—38 г.

МОСКВА, КРЕМЛЬ

***Товарищам СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ,
КАЛИНИНУ, КАГАНОВИЧУ, ЕЖОВУ***

С радостью сообщаем о выполнении вашего задания — беспосадочного перелета Севастополь — Архангельск. Готовы выполнить любое задание партии, правительства.

ОСИПЕНКО, ЛОМАКО, РАСКОВА

АРХАНГЕЛЬСК

***Старшим лейтенантам т.т. Осипенко,
Ломако и лейтенанту т. Расковой***

Горячо поздравляем славных летчиц т.т. Полину Осипенко, Веру Ломако и Марину Раскову с успешным выполнением беспосадочного перелета на гидросамолете по маршруту Севастополь — Архангельск.

Гордимся мужеством, выдержкой и высоким мастерством советских женщин-летчиц, вписавших своим блестящим перелетом еще один рекорд в историю советской авиации.

Крепко жмем Ваши руки.

И. СТАЛИН

М. КАЛИНИН

В. МОЛОТОВ

Л. КАГАНОВИЧ

К. ВОРОШИЛОВ

Н. ЕЖОВ

Герой Советского Союза
И. Д. Папанин

И. ПАПАНИН

НАУЧНАЯ РАБОТА СТАНЦИИ „СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС“

Капитализм превратил науку в орудие эксплуатации. Наука и образование в руках капиталистов являются средством для того, чтобы держать в рабстве громадное большинство людей. Ленин говорил: „...Только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грозного капиталистического корыстолюбия“.¹

И сейчас, в сталинскую эпоху, мы видим, как оправдываются слова великого Ленина. Наука вошла в плоть и кровь народа, заняла подобающее ей место в социалистическом строительстве, стала служить интересам освобожденного народа.

Партия Ленина—Сталина и советское правительство создали в нашей стране безграничные перспективы для научной работы, обеспечили все предпосылки для подлинно свободного научного творчества. Яркое подтверждение этого — работа дрейфующей станции „Северный полюс“, которая обогатила науку результатами, имеющими громадное теоретическое и практическое значение.

21 мая 1937 года флагманский самолет воздушной экспедиции, руководимой академиком Отто Юльевичем Шмидтом, опустился в сердце Центрального Полярного бассейна, в районе Северного полюса. Этим

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3-ье, стр. 41.

было положено начало большой планомерной работе по изучению Северного полюса.

Основной задачей, поставленной перед станцией „Северный полюс“, были научные наблюдения. Пройдет еще много месяцев, пока полностью будут обработаны научные материалы дрейфующей станции. Но уже сегодня можно говорить о некоторых беспорных выводах, которые сделаны на основании предварительных материалов нашего девяти-месячного дрейфа на льдине от Северного полюса до восточных берегов Гренландии.

Чем отличалась наша советская экспедиция от всех предшествовавших ей экспедиций к Северному полюсу? Прежде всего — научной целеустремленностью, планомерностью и организованностью. Именно эти качества работы помогли нам дать такие сведения, которые не были и не могли быть получены всеми предшествовавшими полярными путешественниками и исследователями.

Было бы слишком долго в этой статье перечислять имена всех замечательных полярников — деятелей как науки, так и практики, — которые на протяжении многих десятилетий стремились достигнуть воображаемой географической точки, именуемой Северным полюсом. Следует лишь напомнить, что только одному исследователю — американцу Роберту Пири — после двадцати трех лет борьбы с полярной стихией, после неоднократных штурмов, удач и поражений, удалось достигнуть полюса. Но победа его имела весьма относительный характер. Роберт Пири был смелый и отважный человек, к которому люди советской науки относятся с большим уважением. Но что дала мировой науке, чем обогатила сокровищницу мирового познания экспедиция Роберта Пири? К сожалению, ничем или почти ничем. Подходя к полюсу, Пири записал в своем дневнике: „Цель всей моей жизни на виду, но усталость, опасности пути, бесконечно тяжелый путь одолели меня, и я не знаю, смогу ли пройти эти последние километры“. Пири дошел до полюса, оставил на полюсе флаг, но никаких научных наблюдений сделать там не мог. Пробыв в районе полюса около суток, он повернул в обрат-

Е. К. Федоров строит снежный домик для астрономических и гравитационных работ

ный путь к берегам Гренландии. И не мог поступить иначе, ибо экспедиция была организована таким образом, что каждый лишний день промедления в пути угрожал опасностью для жизни полюсной партии Роберта Пири.

Больше никто на Северном полюсе не был. Над полюсом пролетел Амундсен, направляясь к берегам Аляски. До полюса долетели Бэрд на самолете и Нобиле на дирижабле „Италия“, трагически погибшем спустя несколько дней после этого. Но отрывочные наблюдения с воздуха, сделанные этими исследователями, не дали никаких существенных результатов. Они не ответили даже на вопрос, на который, казалось бы, можно было получить ответ — о характере ледяного покрова в районе полюса. Ни о каких научных наблюдениях, конечно, и говорить не приходилось.

Центральный Полярный бассейн до самого последнего времени оставался неизученным, неисследованным. И почетная задача изучить, исследовать его выпала на долю советских людей, советских ученых.

Было бы ошибкой представлять себе нашу победу как результат лишь личного мужества и самоотверженного труда четырех рядовых граждан СССР. Эта победа была подготовлена двадцатью годами борьбы советского народа под руководством большевистской партии и правительства за индустриализацию, за техническую реконструкцию, за культуру, за науку — за социализм. Эта победа была победой всей нашей славной могучей родины.

Впервые в мировой истории перед наукой, перед свободной мыслью исследователя открылись бескрайние просторы, широкие, неограниченные возможности. На одной шестой части земного шара было создано правительство, могущество и мудрость которого признаны всем миром. Это правительство говорит ученым:

„Держайте, обогащайте свою родину открытиями. Будьте смелыми новаторами. Результаты ваших трудов послужат на пользу всему прогрессивному человечеству“.

Инициатором завоевания и изучения Северного полюса является Иосиф Виссарионович Сталин. Нам — советским людям — выпало счастье осуществить задание этого гения человечества.

Но правительство, партия, великий Сталин не только дали нам путевку на полюс. Они создали все условия для того, чтобы задача, поставленная перед нами, была успешно выполнена. Мы не смогли бы провести наших научных наблюдений, если бы у нас не было героической авиации, детища всей страны. Сталинские соколы-летчики доставили нас на Северный полюс вместе со всем снаряжением экспедиции. Страна снабдила нас всем необходимым. Десятки заводов и научных институтов готовили для нас все необходимое. Ни одна экспедиция в мире не была так прекрасно обеспечена, как наша. Десять тонн, десять тысяч килограммов различных грузов доставили четырехмоторные краснокрылые гиганты на полюс. Это было — оборудование, продовольствие, горючее, научные приборы, аппаратура радиостанции.

Двести семьдесят четыре дня длился наш дрейф от Северного полюса до семидесятой параллели. Улетели самолеты назад на Большую землю, и мы остались одни. Но мы были так же спокойны, как и тогда, когда рядом с нами, распластавшись громадными крыльями, стояли самолеты и шумел на полюсе оживленный советский поселок. Мы оставались спокойны все эти двести семьдесят четыре дня дрейфа, так как

Е. К. Федоров на станции „Северный полюс“ за работой

Фото М. Трояновского

знали, что за нашей работой и жизнью следит весь наш великий, могучий и свободный советский народ, посланцами которого мы были на полюсе. В сознании нашем горела мысль о том, что мы выполняем задание товарища Сталина и советского правительства. Мы знали: что бы с нами ни случилось, наше правительство, наша партия, наш народ протянут нам братскую руку помощи. И мы работали спокойно и уверенно. Родина своей заботой вдохновляла нас на преодоление стихии. Мы повседневно чувствовали любовь великого советского народа. Ясно, что при всех этих условиях мы могли вернуться в Москву, к родному Сталину, только с победой.

Мы стремились сделать как можно больше. Объем работы, выполненной нашей полярной станцией, требовал в обычных условиях десяти—двенадцати сотрудников. Мы выполнили эту работу вчетвером. План научных работ полярной станции, детально разработанный в Москве, был обширен, сложен и многообразен. Мы его не только выполнили, но по некоторым разделам даже перевыполнили. Мы предполагали производить свои на-

блюдения — „научные станции“ — каждые восемь-десять дней. К концу нашего пребывания на льдине дрейф значительно ускорился. За один и тот же промежуток времени мы стали проходить гораздо большее расстояние, чем прежде, и наблюдения производились нами уже каждые два-три дня. Отсюда понятно, что и нагрузка наша возросла в три или четыре раза. Но мы продолжали работать с прежним подъемом, чувствуя поддержку всего нашего народа, правительства, товарища Сталина.

Научный персонал нашей станции был представлен двумя молодыми советскими учеными — Ширшовым и Федоровым. Для того чтобы дать им возможность все свое рабочее время посвятить научным наблюдениям, мы с Эрнстом Теодоровичем Кренкелем освободили наших молодых товарищей от каких бы то ни было хозяйственных работ. Вся деятельность нашей зимовки, всех четырех вместе и каждого из нас в отдельности, была подчинена одной основной цели: собрать возможно больше научного материала.

Петр Петрович Ширшов и Евгений Константинович Федоров, питомцы сталинской эпохи, замечательные представители советской науки, работали самоотверженно, с вдохновением. Рабочий день их редко был меньше шестнадцати — восемнадцати часов. А иногда, когда научные

наблюдения требовали этого, Ширшову и Федорову приходилось проводить по тридцать и больше часов без сна.

Я приведу здесь несколько строк из своей тетради с черновыми записями, которые я вел на льдине. Вот одна из записей о Федорове: „Федоров относится к работе исключительно любовно и не пропускает ни одного дня, чтобы не сделать наблюдений. В хорошую же погоду он сидит в своей ледяной обсерватории сутками. Вот вчера он много нервов потратил во время наблюдений — весь день мы переживали на льдине толчки, и все его усилия пропали. Сегодня Федоров восстановил свои наблюдения“.

С наступлением полярной ночи условия работы нашего маленького ученого коллектива ухудшились, и вот какую запись я нахожу в своем дневнике: „Условия для работы стали гораздо тяжелее, особенно Ширшову. В июле-августе он затрачивал на полную станцию двенадцать часов, а теперь приходится работать двадцать шесть часов. Ширшов берется голыми руками за железную лебедку, но на него холод не действует. Ежедневно он добросовестно работает у лунки. Своим любовным отношением к делу он достигнет больших ценных результатов“.

Результаты научной работы дрейфующей станции „Северный полюс“ действительно оказались чрезвычайно плодотворными. Каковы же основные выводы научного характера, какие были сделаны нами за время дрейфа от полюса до той точки на широте $70^{\circ}48'$, когда мы покинули льдину?

Прежде всего твердо и окончательно установлено, что в районе Северного полюса никакой земли не существует. В центре Полярного бассейна имеется глубокая впадина, постепенно возвышающаяся по мере приближения к Гренландии.

Измерения, сделанные Ширшовым при помощи гидрологической лебедки, показали, что глубина океана у полюса превышает четыре тысячи метров.

**Н. П. Ширшов у
гидрологической
лебедки**

Далее установлено, что в Центральном Полярном бассейне существует животный и растительный мир. Этим опровергается гипотеза великого арктического исследователя Фритьофа Нансена об отсутствии жизни в Центральном Полярном бассейне. На полюс к нам прилетали птицы — пуночка, чайка. Во время дрейфа к нам приходили медведи, и мы видели нерпу, лахтака — морского зайца. Беря пробы воды с различных глубин при помощи батометров, Ширшов изучил своеобразный мир микроскопических животных и растений, обитающих в Ледовитом океане.

Путем изучения температуры воды на различных глубинах было установлено, что к Северному полюсу и далее на разных горизонтах проходит теплое Атлантическое течение.

Благодаря непрерывным астрономическим наблюдениям Федорова, которые давали нам возможность систематически определять свое местонахождение, мы располагаем сейчас подробной картой дрейфа нашей льдины. Изучение дрейфа, проделанное нашими молодыми учеными, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Анализ дрейфа станции „Северный полюс“ поможет составлению ледовых прогнозов для судов, идущих по Северному морскому пути.

Каждые шесть часов, в продолжение всего дрейфа, Федоров делал метеорологические наблюдения. В результате этих наблюдений, передававшихся по радио синоптикам всего мира, мы получили сведения об изменениях погоды на протяжении девяти месяцев в совершенно неизученных северных районах.

Чрезвычайно важными являются также работы Федорова по изучению географического распределения земного магнетизма в околополюсном районе. Прежде приходилось гадать о поведении компаса в районе полюса. Мы не располагали точной картой магнитных склонений для района, в котором проходил дрейф станции. Магнитные склонения этого района определялись лишь теоретически, предположительно. Сейчас мы имеем точную карту, составленную на основании 55 определений магнитных склонений и 36 определений магнитных наклонений, сделанных Федоровым. Говорить о значении этой карты для навигационных целей, для нужд трансполярной авиации не приходится.

Не меньший научный интерес представляют гравитационные наблюдения Федорова — определения силы земного притяжения. Работа по определению силы тяжести чрезвычайно сложна, тяжела, ответственна и требует исключительной точности. Каждое измерение, чтобы быть уверенным в правильности результатов, Федоров производил трижды. Серия наблюдений по гравитации в каждом пункте отнимала у Федорова трое суток. Федоров провел гравитационные наблюдения в 22 пунктах!

Систематически и планомерно вели свою работу участники нашей зимовки.

Но природа относилась к нам не всегда одинаково любезно, и временами, ощущая происходившие где-то неподалеку сжатия льдов, мы невольно вспоминали, что под ногами у нас километры воды и что мы по существу находимся как на вулкане. Отгоняя от себя эту мысль, внутренне уверенные в благополучном исходе нашего путешествия на льдине, мы, тем не менее, не могли не беспокоиться о судьбе собранных нами материалов. Поэтому мы решили кратко итоги проделанной работы сообщать в Москву. Раз в месяц радист нашей зимовки Э. Т. Кренкель передавал в эфир отчет о кратких

итогах проделанной нами работы. И мы знали, что, что бы с нами ни случилось, наши труды не пропадут зря, а послужат науке нашей родины.

Впрочем, не только нашей советской науке. Величайшие ученые и исследователи современности, моряки, летчики, полярники за рубежом подчеркивают значение проделанной нами работы. Небезынтересно познакомиться с отдельными откликами в зарубежной печати о „Полярной Одиссее папанинцев“. Правда, фашистская печать сделала все возможное, чтобы скрыть от своих читателей успешный полет советских аэропланов на полюс, высадку там нашей четверки, пребывание на льдине и успешное завершение всей экспедиции. На все голоса германская пресса кричала о „фиаско советских планов в Арктике“, о неизбежной гибели „сумасшедших“ советских ученых. Но зато даже консервативная печать других стран не могла не признать замечательной работы, которую проводят большевики в Арктике, одним из образцов которой является наша работа.

Английская газета „Обсервер“ назвала нашу экспедицию „величайшей в истории исследований“. Английская газета „Таймс“, отнюдь не склонная преувеличивать наши успехи, пишет: „Поставив перед собой определенные задачи и используя все ресурсы современной науки, папанинцы расширяют наши знания о Северном полюсе с быстротой и глубиной, заслуживающими безграничного восхищения... Их каждодневные наблюдения несомненно представляют собой ценнейший материал для исследователей, летчиков и метеорологов... Папанин и его товарищи рисковали собой не ради глупой бессмысленной авантюры, а ради определенной задачи, необходимой для осуществления великих планов освоения Арктики“. А хорошо известный советским полярникам американский исследователь Стефанссон утверждает: „Ни одна полярная экспедиция не была более совершенной по организации и проведению, чем папанинская. Эта организованность чувствовалась с момента основания станции Папанина на Северном полюсе до посылки ледоколов с аэропланами. Исследователи и ученые всего мира восторженно отзываются о советском правительстве, оказывающем методическую помощь в исследованиях в больших размерах, чем какая-либо другая страна“...

...Дрейф станции „Северный полюс“ окончен. Мы, я и мои товарищи — Кренкель, Ширшов и Федоров, находимся на Большой земле, на родной советской земле. Все полученные нами во время девятимесячного дрейфа материалы в целости и сохранности, до последнего листочка, доставлены на родину. Мы счастливы от сознания того, что наша работа увенчалась успехом, что в результате нашей экспедиции на дрейфующей льдине родная страна может заявить: тайны Центрального Полярного бассейна советскими людьми разгаданы.

НОВЫЕ ЛЕДОКОЛЫ „И. СТАЛИН“ И „Л. КАГАНОВИЧ“

...Как алмаз стекло грызет,
Ледокол прорежет лед,
И сквозь бурю и туман
Путь отыщет капитан.
Север, знай, — ты будешь наш,
Ты все тайны нам отдашь!

Вас. Лебедев-Кумач
(Из стихотворения „Ледокол“)

В конце прошлого столетия у русского адмирала С. О. Макарова возникла мысль о преодолении полярного льда посредством мощного ледокола. Разработав проект, Макаров решил обратиться с ходатайством о поддержке своей идеи в Академию наук, Географическое общество и к отдельным „сиятельным“ лицам. „Сиятельные“ особы ответили Макарову отказом.

На одной из докладных его записок, присланных в морское министерство, управляющим министерством адмиралом Тыртовым была наложена такая резолюция:

„...Может быть идея адмирала Макарова и осуществима, но так как она, по моему мнению, никоим образом не может служить на пользу флоту, то морское министерство никоим образом не может оказать содействие адмиралу ни денежными средствами, ни тем более готовыми судами [имелось в виду, что Макаров для снабжения ледокола в пути углем хотел использовать один из крейсеров.—А. Я.], которыми русский военный флот вовсе не так богат, чтобы жертвовать их для ученых, к тому же проблематических задач“.

Но Макаров не отказался от задуманного плана. С огромным трудом добился он ассигнований на строительство. Строили „Ермака“ не в России, а на одной из верфей (в Нью-Кастле) в Англии.

В связи с некоторыми первыми неудачами „Ермака“ в 1898 году скептицизм к идее Макарова еще более возрос. „Ермак“, из-за многих его несовершенств, нужно было переделывать, средства на это отпускали крайне неохотно. Макаров с горечью писал:

„...Говорят, что непобедимы торосы Ледовитого океана. Это ошибочно. Торосы поборимы, непоборимо лишь людское суеверие...“

Эту очень характерную историю строительства „Ермака“, показывающую отношение царского правительства и его министров к „ученым задачам“ — исследованию Арктики, полезно вспомнить теперь, когда наше правительство не только отпускает огромные средства на изучение Крайнего Севера, не только посылает одну за другой научно-исследовательские экспедиции и организует густую сеть полярных станций, но и строит новые мощные, оборудованные по последнему слову техники ледоколы.

Дальнейшее освоение Арктики, Северного морского пути вызывает большую потребность в пополнении советского ледокольного флота. Именно поэтому советской судостроительной промышленности партия и правительство, по инициативе товарища Сталина, дали боевое задание — выстроить новые мощные ледоколы.

Один из ледоколов, флагман советского арктического флота, „И. Сталин“, выстроенный в Ленинграде на заводе им. С. Орджони-

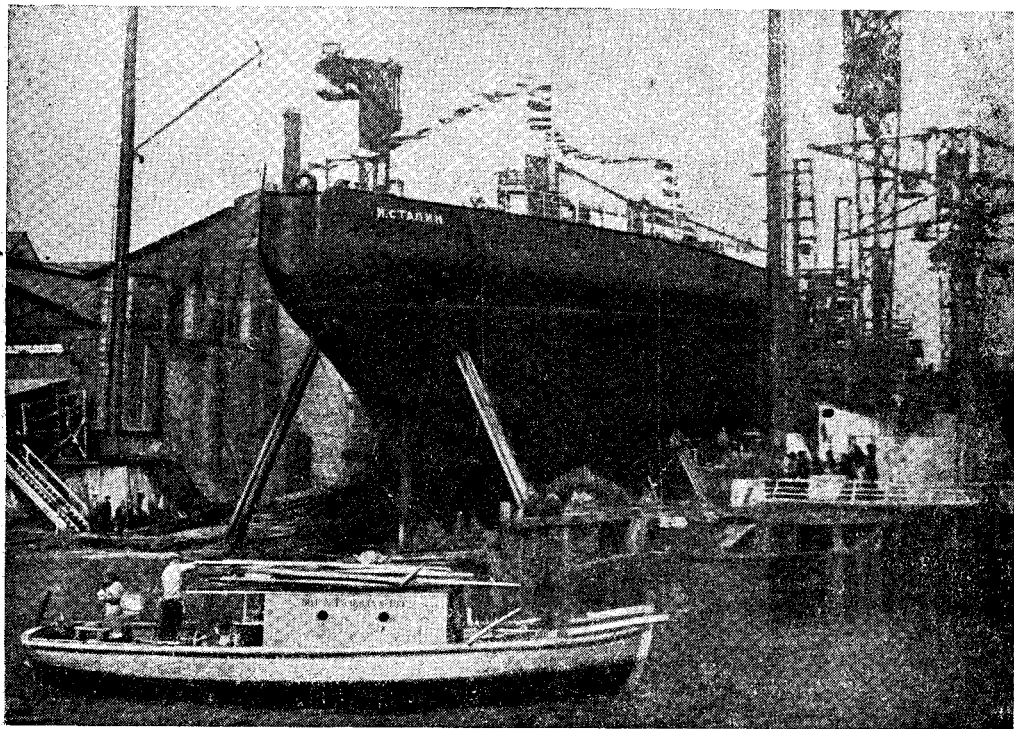
кидзе, носит имя вождя народов товарища Сталина. Это самый мощный ледокольный корабль в мире. До его постройки самым мощным был ледокол „Красин“, купленный в Англии царским правительством во время мировой войны. Теперь „Красин“ и другие корабли, строившиеся за границей, уступают новым мощным ледоколам.

* * *

Интересны некоторые сравнительные данные. Водоизмещение „И. Сталина“ 11 тысяч тонн, „Красина“ — 9 тысяч тонн. Длина ледокола „И. Сталин“ 106 метров, ледокола „Красин“ 96. Ширина первого 23 метра, второго 21.

Мощность механизмов „И. Сталина“ 10 тысяч лошадиных сил, осадка с полным грузом 9,15 метра. Наружная обшивка корабля состоит из 12 поясьев, 4 из которых имеют двойную обшивку. Толщина листов обшивки от 20 до 25 мм, и, следовательно, в месте двойной обшивки — ледовом поясе — толщина достигает 40—45 мм. Имеется целый ряд бортовых продольных связей (стрингеров). Только в носовой части на каждом борту их 7 штук.

Все это вместе взятое (учащенные шпангоуты, усиленные палубы, бортовые стрингеры и двойная обшивка) делает корабль мощным тараном, которому не страшны льды. А сама форма корабля (яйцевидная) сохраняет его от сжатия льдов.

Спуск ледокола „И. Сталин“ на заводе имени Орджоникидзе

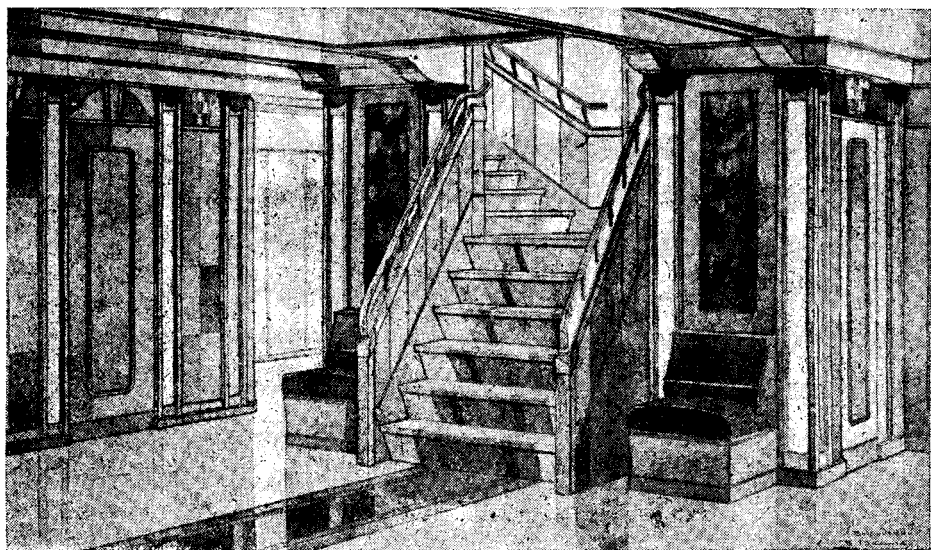
Три главные паровые машины, расположенные в двух машинных отделениях, относятся к типу облегченных, с более низким расходом пара. В машинных отделениях размещено большое количество вспомогательных механизмов, обслуживающих как машинную, так и котельную установки. Девять паровых котлов будут приводить в движение все механизмы флагманского корабля. Интересно отметить, что диаметр каждого котла, составляющий около 5 метров, вполне достаточен для того, чтобы через него мог проехать автомобиль.

Бортовые отсеки, имеющиеся по всей длине корабля (часть из них носит название креновых), наполняются водой и дают возможность создавать искусственный крен судну с борта на борт, тем самым облегчая проход его в тяжелых льдах.

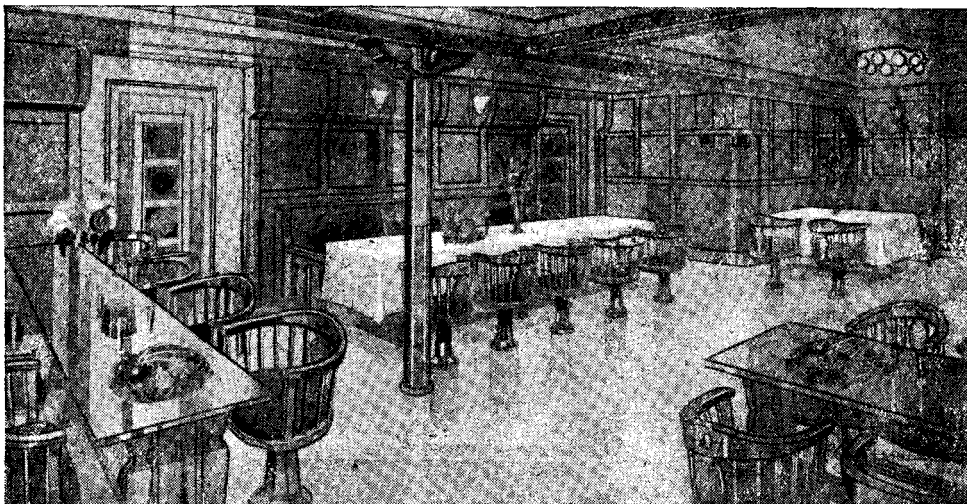
Большое энергетическое хозяйство у ледокола „И. Сталин“. Он имеет четыре грузовых электрических крана, грузоподъемностью по три тонны, два крана по полторы тонны и две грузовых лебедки грузоподъемностью по четыре тонны каждая. Клинетные двери с электрическими проводами, с центральным постом на мостике, обеспечивают быструю изоляцию какого-либо отсека, в который может попасть вода в случае пробоины.

Специальная система трубопроводов, проведенная по всему кораблю, диаметром около 0,5 метра, дает возможность производить перекачку больших масс воды из одних отсеков в другие, из носа в корму, из борта на борт. Балластно-спасательный насос, устанавливаемый на ледоколе, имеет производительность 1500 тонн в час.

С одной стороны, мощный корпус, а с другой — отличные спасательные и предохраняющие средства обеспечат ледоколу безопасность плавания в арктических водах. К этому необходимо прибавить, что первенец советского ледокольного флота оснащен новейшими навигационными приборами и мореходными инструментами. На борту ледо-

Вестибюль на ледоколе „И. Сталин“.

Столовая команды на ледоколе „И. Сталин“

кола эхолот, лаг Черникеева, электромеханический лот Томпсона, гидрокомпас, радиопеленгатор, мощные радиоустановки. Все это — вместе с тремя самолетами, которые расположатся на палубах корабля для воздушных разведок ледовых полей, должно обеспечить успех экспедиции, идущей на ледоколе „И. Сталин“ в Арктику.

Целая сеть научных лабораторий даст возможность гидрологам, гидрохимикам, биологам, гидрографам и другим специалистам спокойно и плодотворно вести свои научные исследования. С помощью особых приборов (прогибомеры), которые установлены на корабле, кораблестроители смогут установить повреждение корпуса во время работы во льдах, во время сжатий. Эти приборы дадут огромный материал большого научного значения для советского судостроения.

* * *

... 13 августа 1937 года. Не сотрется этот день в памяти строителей первого мощного советского ледокола. Водолазы в последний раз проверили исправность пусковой дорожки, и микрофон разнес слова команды главного инженера строительства С. М. Каганова:

— Приготовиться к пуску!

А через минуту:

— Боковые упоры — вон! Кормовые стрелы — вон! Носовые стрелы — вон! Рубить задержники...

Красавец-ледокол плавно, легко и стремительно соскользнул со ступеней и ушел в воду. Прошло всего несколько минут, как могучий корпус, вспенивая воду, врезался в Неву. Качнувшись, ледокол выпрямился. Загремел якорь. Корабль на плаву. Высоко над водой, вздымаяются его борты.

Ледокол „И. Сталин“ стал у причальной стенки завода. Был закончен важнейший этап строительства судна. Коллектив строителей ледокола одержал огромную победу, завоеванную в упорной борьбе.

Старые мастера Балтийского завода им. Орджоникидзе, построившие сотни кораблей, не припомнят такой сложной постройки, каким явилось строительство этого ледокола. Близкое расстояние между шпангоутами, острое образование в носу и в корме создавали особые трудности. Достаточно указать, что каждый лист наружной обшивки в районе выхода гребных валов требовал горячей обработки не менее пяти рабочих смен. Форма этих листов была настолько сложна, что на месте приходилось дополнительно подгонять листы в продолжение 10—15 рабочих смен.

Строители корабля—это молодые скромные люди. На их долю выпала честь строить первый советский флагманский ледокол. Они пришли на завод по зову Ленинградского горкома комсомола и в совершенстве овладели трудным мастерством корабельного дела. Замечательные кадры выросли в процессе стройки ледокола.

Стахановское вдохновение, желание во что бы то ни стало выполнить наказ партии и правительства о постройке ледокола—вот что двигало этих людей. Бригадир-комсомольцы Егор Манин, Ваня Коршунов, Сеницын, Доморацкий, Пуков, Ремизов, Андреев—все они горячо работали на стройке, не считаясь со временем, показывая изумительные образцы трудового героизма.

В ответственные дни завершения строительства бригада комсомольца Шутова, работавшая по установке поворотных вентиляторов, довела ежедневную выработку норм до 300%. Молодые судосборщики В. Афанасьев, Н. Воробьев довели выработку норм на установке общей судовой вентиляции до 275%.

На стройке ледокола было занято и немало старых рабочих-судостроителей. Так, старый мастер, пенсионер Г. Д. Морозов не бросил своей любимой работы. На строительстве флагманского ледокола он решил передать молодым строителям свой богатый опыт, накопленный в продолжение четырех трудовых десятилетий. Ильин, имеющий за плечами 35 лет производственного стажа, также показал образцы стахановской работы. Его бригада, работавшая по установке телеграфа, систематически выполняла нормы на 170—200%. Небывалых темпов в практике судостроения добились строители ледокола на монтаже машин, сборке и балансировке гребных валов, установке трубопроводов и прочем.

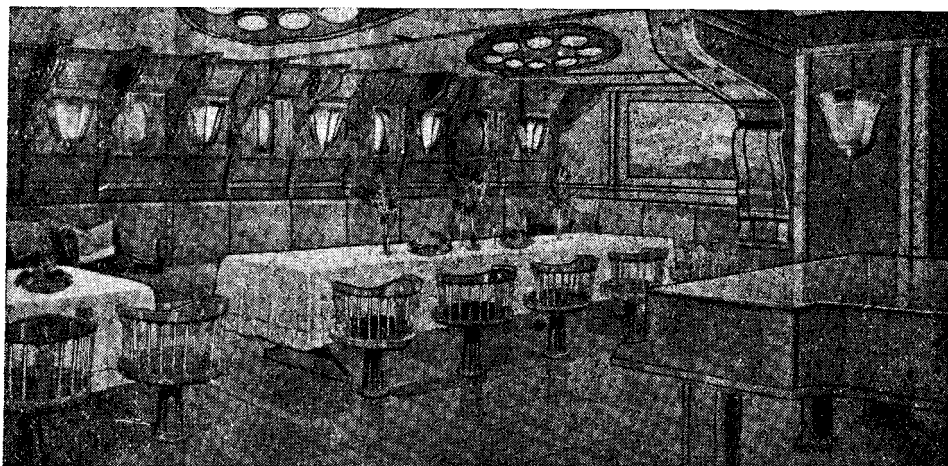
Строить корабль было поручено молодому советскому инженеру Семену Михайловичу Каганову. Хотя он всего восемь лет назад окончил Одесский политехнический институт, но им уже накоплен большой производственный опыт. Каганов построил десятки кораблей. И всю энергию и напористость, умение и опыт он перенес на строительство ледокола „И. Сталин“.

Первую заклепку во время закладки ледокола вбил полярник, ныне известный всему миру—Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин. Уже на второй день после возвращения на родину с зимовки на дрейфующей льдине Иван Дмитриевич посетил строителей корабля. Большое восхищение выразил Папанин, осмотрев красавец-ледокол.

— Ваша задача, — сказал он, обращаясь к кораблестроителям, — быстрее закончить строительство ледокола и рапортовать товарищу Сталину о досрочном окончании работ. На таком ледоколе мы сумеем выполнить любое задание партии и правительства.

Призыв отважного полярника нашел живейший отклик у строителей. С утроенной энергией провели они работу по завершению грандиозной стройки.

* * *

Кают-компания на ледоколе „Н. Сталин“

Этот огромный корабль, высотой с шестизэтажный дом, строился с исключительной заботой о человеке. Командному составу, экипажу, научным сотрудникам, находящимся на борту ледокола, созданы все удобства.

Известно, что на старых ледоколах и вообще на судах с большой командой нет отдельных кают, имеются лишь общие кубрики на 12—16 и больше человек. На новом же ледоколе в отдельных каютах разместятся по 4 человека. Каюты уютно обставлены. На койках — пружинные сетки, около каждой из них шкаф для одежды и белья. В каютах имеются письменные столы, полки для книг, зеркала и т. д.

Архитектурно-художественное оформление помещения — яркое и радостное напоминание полярникам о великой социалистической родине, пославшей их изучать и завоевывать Арктику.

Ленинградские архитекторы Алексеев, Выгодский, Ганиге, Данини, Краминский, Титов приложили много усилий и умения для архитектурного оформления 22 помещений ледокола и проектирования 150 типов мебели и armатуры. У мебели, разнообразной по назначению и конструкции, единый стиль.

Стены, потолки да и сама мебель отделаны главным образом различными породами полированного дерева. Кают-компания, например, оформлена полированным кавказским орехом и частично светлым кленом. Мебель обита коричневой кожей. Световая armатура двух типов: потолочная и бортовая из полированной латуни и молочного стекла.

В кают-компании центральное место в архитектурной композиции занимают портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Вывешены два художественных панно о Сталинской Конституции и Сталинской национальной политике, исполненные художниками Степашкиным и Спириным.

Столовая команды отделана светлым дубом. В ней размещены 6 графических работ художников Каплуна и Королева. Темы графиков — завоевание Арктики большевиками и роль товарища Сталина в освоении Севера. Столовая оборудована киноустановкой и радио.

Светлым и темным дубом оформлен вестибюль. В центре его — орнаментальное изображение государственного герба СССР, инкрустирован-

ное различными породами дерева. В красном уголке, отделанном ясенем, находятся радио, пианино и т. д.

Каюты капитана, начальника экспедиции и помполита состоят каждая из кабинета, кают-спален, ванны с душем и т. д. Все они отделаны карельской березой, орехом, серым буком и другими ценными сортами дерева.

Оформление внутренних помещений, особый характер планировки, многочисленные корабельные элементы в сочетании с полированным деревом отделки, сверкающим металлом и блестящим стеклом световых приборов, красочные пейзажи картин, живописные панно — все это придает своеобразный, замечательный вид корабельным помещениям ледокола „И. Сталин“.

И, несомненно, отлично обставленные помещения для командного состава, экипажа и участников полярных экспедиций послужат лишним стимулом для их плодотворной работы в Арктике.

* * *

...Выстроенный в Николаеве на заводе им. Марти ледокол „Л. Каганович“ однотипен „И. Сталину“. Оборудование и отделка его помещений в основном построены на тех же началах.

Изменено лишь расположение некоторых элементов корабельного оборудования, использованы иные породы дерева — чинара, явор, клен, бук, принят другой способ отделки поверхности металла — хром по никелю. Все это создало новые, другие композиционные приемы и создало иной стиль в архитектурных формах.

Живописные панно, спокойный свет молочных абажуров, настенных бра, мягкие ковры, южные цветы декоративных панно, рояль, радио — вся удобная культурная обстановка для экипажа и экспедиционного состава на ледоколе „Л. Каганович“ будет контрастна суровой природе Арктике, она даст полярникам необходимый отдых.

Никогда еще ни русские судостроительные заводы в дореволюционное время, ни наши советские судостроители не строили таких мощных ледоколов, какими являются „И. Сталин“ и „Л. Каганович“.

Огромная победа одержана советскими судостроителями. Не только трудящиеся Советского Союза — весь мир восхищается замечательным образцом советской судостроительной техники.

В морях Арктики, на трассе Северного морского пути будут работать новые советские ледоколы, завоеывая во славу социалистической родины новые, неизведанные просторы, помогая ученым проникать в сокровенные тайны Арктики и Крайнего Севера, которые волею большевиков поставлены на службу социалистическому строительству.

В ОТРЫВЕ ОТ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ

(Гидрографическое управление)

Гидрографическое управление Главсевморпути призвано исследовать и изучить условия плавания по трассе Северного морского пути и рекам Сибири и обеспечить безопасность кораблевождения. Однако практическая работа этого управления показала, что оно не справляется с этими задачами, что деятельность его отстает от требований социалистической экономики Севера.

Гидрографическое управление за все время своей деятельности не имело четкого профиля и целеустремленности в работе. Одной из основных причин этого является отсутствие четких директивных указаний и заданий, а также проверки работы со стороны Главного управления Севморпути. По существу Гидрографическое управление Севморпути было предоставлено самому себе.

Освоение трассы Севморпути и практическая работа флота должны основываться на ледовых прогнозах, для составления которых требуется проведение ряда гидрологических и метеосиноптических работ, сбор материалов, их обработка и т. д.

Казалось бы, что для получения лучших результатов все дело ледовой службы должно быть сконцентрировано в одной организации. Однако вопросами ледовой службы занимается ряд организаций, не связанных между собой: Гидрографическое управление, Арктический институт, Полярное управление, Гидрологический институт Главного управления Метеослужбы и Междуведомственное бюро ледовых прогнозов при Главсевморпути. Фактически же навигационные прогнозы даются отдельными учеными (проф. Визе, проф. Зубов и др.) и лишь обсуждаются и сводятся Бюро ледовых прогнозов. Важнейший участок работы, от которого во многом зависит освоение трассы, передан в руки отдельных работников, и налаженной ледовой службы в системе Главсевморпути, по существу, нет.

Гидрографическим управлением систематически из года в год не выполнялись планы работ по обследованию и ограждению трассы Северного морского пути (подход к проливу Вилькицкого, северо-земельские проливы, проливы Новосибирских островов и подходы к ним, пролив Лонга). Под разными предлогами экспедиции перебрасываются с наиболее ответственных участков трассы в наименее важные районы или в районы, которые не решают освоения трассы.

Это подтверждается следующими данными:

Наименование работ	Число экспедиций за 1935—1937 гг.	
	по плану	фактич.
Район Новой Земли с проливами	8	15
Карское море	2	6
Обская губа, р. Енисей, р. Пясины	7	7
Архипелаг Норденшельда	4	1
Пролив Вилькицкого .	2	1 ¹
Море Лаптевых (исключая Хатангский залив)	1	—
Пролив Дм. Лаптева . .	3	3 ²

Переключение на другую работу проводилось без учета степени важности работ.

Качество полевых работ во многих случаях низкое, имели место случаи, что поступающие из экспедиций материалы невозможно было использовать. Работы за 1934 и 1935 годы в проливе Дм. Лаптева (начальники экспедиций Чирихин и Браун) оказались совершенно негодными, экспедиция 1936 года была вынуждена начать работу снова. Триангуляционная работа в шхерах Минина настолько неудовлетворительна, что положить острова на карту не представляется возможным. Остров Русский впервые был нанесен на карту согласно морской описи, произведенной г/с „Таймыр“ в 1932 году. В 1934 году астрономом Блохиным на л/п „Малыгин“ был определен на острове астрономический пункт, от которого и проведены все работы по триангуляции и съемке. Однако оказалось, что астропункт определен ошибочно, и остров Русский, повернутый на 18°, занимает на карте неправильное положение. В 1936 году л/п „Малыгин“ (начальник экспедиции Белоусов) сел на мель. Несмотря на то, что в его отряде было свыше 30 специалистов гидрографов и гидрологов, промер и определение банки произведены не были. Судно смялось с мели и пошло по своему назначению. В дальнейшем для определения этой банки была направлена специальная

¹ Работа оказалась неполноценной.

² Из них экспедиция 1935 г., а также предыдущая 1934 г. дали совершенно негодный материал.

партия, которая банки не нашла. Таких фактов можно было бы привести много.

Каковы же причины невыполнения плана гидрографических работ по объему и получению во многих случаях дефектных полевых материалов?

Прежде всего отметим неправильное организационное построение экспедиций. Как правило, все экспедиции снаряжались в Ленинграде и подчинялись непосредственно и исключительно Гидрографическому управлению. Такое положение приводило к тому, что отдельные начальники экспедиций, проводя работу в смежных районах одного моря, не были связаны друг с другом; общая связь и последовательный план работ отсутствовали. Не было начальника, отвечающего за выполнение всего комплекса работ в определенном районе.

Основным направлением в организации полевых работ было обеспечение больших экспедиций на ледокольных судах, которые во всех отношениях получали преимущества перед экспедициями на мелких судах и зимовочными отрядами. На ледокольные суда подбирались лучшие специалисты, число их часто превышало потребность. Стоимость таких экспедиций исчислялась в 500—600 тысяч рублей. В то же время мелкие гидрографические суда и зимовочные отряды обычно получали специалистов более низкой квалификации и значительно худшее снабжение.

Начальники экспедиций и отрядов подбирались за несколько дней до отъезда из Ленинграда (начальник Анадырского отряда Подгородецкий за 5 дней, начальник Чаунского отряда Бордюк за 10 дней и т. д.), когда все снаряжение экспедиций и комплектование личного состава были закончены. Начальник не только не подбирал людей себе в отряд, но даже не знал, с кем отправляется на зимовку. Подбор начальников отрядов производился наспех, без проверки кандидатур; в результате начальниками назначались иногда весьма сомнительные люди. Так, начальник Анадырского гидроотряда Подгородецкий развалил работу отряда и проявил себя только с отрицательной стороны. Несмотря на это, ни Анадырский политотдел (бывшие начальники И. Чачурина и Гайдаулов), ни в дальнейшем руководство Гидрографического управления (Суслов) не приняли соответствующих мер. Подгородецкий был уволен без всяких последствий.

Производственные задания отрядам и экспедициям составлялись второстепенными работниками и штамповались руководством; выезжающие на место работники практических указаний о порядке выполнения этих заданий не получали. Поэтому допускался целый ряд ошибок. Так, по Колымскому гидроотряду работа экспедиции плавиновалась исключительно на навигационный период, тогда как в действитель-

ности наиболее интенсивная работа была в весенний период еще по льду и в осеннее время. Работа топогеодезической партии была запланирована таким образом, что топографы должны были ждать результатов работы геодезистов или давать неполноценную продукцию. План этого отряда не предусматривал работу в Походской протоке, которая никогда и никем не обследовалась, а предусматривал работу в Каменной, где раньше работали другие экспедиции.

Соотношение рабочих и технического персонала в отрядах и экспедициях устанавливалось неправильно. Число рабочих занижалось. Этим самым технический персонал в известной доле выполнял роль рабочих. Снижалась эффективность работы, повышалась ее стоимость. Так, в Анадырском гидроотряде на 15 чел. технического персонала было 18 чел. рабочих, тогда как по нормам для выполнения задания отряду требовалось технического персонала 16 чел. при 27 рабочих; такое же явление было и по Чаунскому гидроотряду.

Береговые футшточные наблюдения проводились в недостаточном размере. Возмем пролив Дм. Лаптева, являющийся лимитирующим по глубинам для всей трассы Северного морского пути. Казалось бы, первой задачей Сектора навигационных характеристик было поставить за ряд лет футшточные наблюдения, чтобы определить размер колебаний уровня моря и дать более правильную оценку проходимости пролива. Однако это не проведено.

Нелучше обстоит дело и со снабжением ряда экспедиций инструментом и оборудованием. На измерения базисов для триангуляционных работ никаких инструментов Гидрографическое управление не давало (за исключением лишь обычной землемерной ленты, которая, понятно, не могла обеспечить требуемой точности).

Мелкими пловучими средствами работы не обеспечивались. Так, экспедиция л/п „Малыгин“ в 1937 году имела два моторных катера, один из которых совершенно не работал из-за неисправности мотора, а второй с большим риском только три раза спускали на воду. Анадырский гидроотряд в числе 36 чел., приехав во Владивосток, не нашел готовых катеров и сидел там два с половиной месяца в ожидании плавсредств, которые были заказаны только после прибытия всего отряда. В результате летний сезон первого года работы зимовочного отряда был фактически сорван по вине начальника Гидрографического сектора Воробьева.

Как по гидрографическим, так и по гидрологическим работам не были введены определенные формы. Не были разработаны инструкции по проведению гидрографических работ. Это вело к разнообразию и не давало возможности предъявить определенные требования к качеству представляемых материалов.

В итоге— основные, решающие для судо-
вождения участки далеко еще не изучены,
а руководители Гидрографического управ-
ления и ответственные работники секто-
ров должной борьбы за освоение наиболее
узких мест трассы не вели.

* * *

Аэрофотосъемка применяется во
многих областях хозяйства нашей страны.
Для целей гидрографии, особенно в Арк-
тике, где время работ ограничено, приме-
нение аэрофотосъемки представляет особую
ценность.

Несмотря на это, руководство Гидрогра-
фического управления не обеспечило вне-
дрения этого метода работы в Арктике.
Ежегодно при организации съемочной
работы самолеты, арендуемые Сектором
аэрофотосъемки у Управления полярной
авиации Главсевморпути, предоставлялись
с большим опозданием. Так, в 1937 году
самолеты, выделенные для работ, лишь в
середине июня стали под оборудование,
фактически аэрофотосъемка на месте нача-
лась в середине августа, а 12 сентября
съемочные работы были прекращены.

Камеральная обработка материалов аэро-
фотосъемки ведется в совершенно непри-
способленном помещении; дорогостоящее
импортное оборудование для камеральной
обработки используется не эффективно.

Сектору аэрофотосъемки не приданы
специалисты-астрономы и геодезисты. Ру-
ководством Гидрографического управления
работа по астрогеодезической основе для
съемки возложена на местные гидроотделы,
которые эту работу совершенно не обеспе-
чили. Так, для определения астропунктов
р. Лены бывшим начальником Якутского
гидроотдела Пестовым был направлен не-
опытный астроном Мезенцев, который не
дал правильной основы для всей после-
дующей работы съемки, чем осложнил и
обесценил ее.

В итоге, израсходовав около двух ми-
лионов рублей, Сектор аэрофотосъемки
продукции почти не дал (выпущена лишь
карта района Дудинка—Хатанга, требую-
щаяся для целей аэронавигации, и в об-
работке имеются заземки реки Лены и
восточного берега Таймыра).

Радиодальномерным делом Гид-
рографическое управление занимается
с 1934 года. За это время израсходовано
на аппаратуру и различные опыты около
900 тысяч рублей, не считая стоимости
содержания трех судов в течение года.
Однако фактически никакой производствен-
ной работы не произведено, и все работы
носят экспериментальный характер.

Для обсуждения новых технических
предложений в области гидрографии был
создан при Гидрографическом управлении
Научно-технический совет, который за все
время своей работы, рассматривая сравни-

тельно мелкие вопросы (например, прибор
для определения освещенности и другие),
самоустраивался от рассмотрения двух ос-
новных вопросов новой техники— аэро-
фотосъемки и радиодальномеров.

* * *

До 1938 года имелись лишь лоции
Карского моря. Изданных лоций восточного
сектора нет. Есть отдельные разрозненные,
несистематизированные материалы.

Атласы течений изданы для Карских
Ворот как Гидрографическим управлением,
так и Арктическим институтом; атласы те-
чений Юшара подготовлены к печати Ги-
дрографическим управлением, но вследствие
издания атласа ВАИ Гидрографическое
управление от издания отказалось. Парал-
лелизм и несогласованность в работе при-
вели к тому, что средства и труд по
Юшару затрачены напрасно, атласы по
Карским Воротам не отвечают всем требо-
ваниям судоводителей.

Атласы ледовых карт изданы за
1935 и 1936 годы, ледовые же ежегодники
еще не печатались. Каких-либо обобщаю-
щих материалов и выводов по состоянию
льда на трассе не составлялось.

Книги по отдельным вопросам издавались
непланово (из 25 плановых в 1936 году
издано 4, из 22 в 1937 году издано 9). От-
сутствует какая-либо целеустремленность
в издательской работе. Авторы, а также
редакторы почти исключительно принадле-
жат к узкому кругу специалистов и руко-
водящего состава (Воробьев, Кухарский,
Киреев, Орловский, Суслов, Миттельман
и др.). Научные материалы поступают почти
в монопольное пользование руководящих
специалистов, которые создают себе имя
и положение „видных ученых“. Порой со-
бранные материалы годами лежат неисполь-
зованными, представляя собою мертвый
капитал (например, часть I „Лоций Кар-
ского моря“, материалы экспедиции „Ма-
лыгина“, гидрологические материалы экспе-
диции „Челюскина“).

За 1935—1937 годы планом было преду-
смотрено издать 75 карт, а издана 71 карта
(вместе с речными атласами). Совершенно
отсутствует контроль над производством
карт, и неудивительно, что некоторые карты
имели крупные недостатки. Просмотр поле-
вых материалов, по которым составлялись
карты №№ 1491, 1493, показал: полевой
планшет топографа Верюжского № 148—
149 был перечерчен с большими искаже-
ниями конфигурации береговой черты и
пропуском деталей (на планшете пропущены
все береговые камни, занесенные на ранее
изданных картах по материалам Н. Н. Мату-
севича); на полевом планшете написано „не-
числить Шарин“, в результате на карту
№ 1493 издания 1935 и 1936 года пропу-
щенные камни не попали.

Гидрографическое судно „Мурманец“, плавая в районе шхер Минина, село на камень при входе в пролив Сталинец, который при корректуре карты 1547 не был на нее нанесен, несмотря на то, что на промерном планшете № 253 этот камень нанесен и указан как опасный.

На карте № 1504, основываясь на извещении мореплавателей (№ 171, от 1937 года), нанесена осушная банка в широте $74^{\circ}01'$ и долготе $121^{\circ}16'$; по данным г/с „Хронометр“ эта банка находится в широте $74^{\circ}02,5'$ и долготе $120^{\circ}34'$: определение этого судна и должно было явиться основанием к нанесению банки. Ошибка допущена в 5,5 мили; несмотря на то, что банка находится на пути следования судов, эта ошибка не выправлена.

Для проверки качества картографического материала была образована в октябре прошлого года специальная комиссия, которая разобрала за все время материалы лишь двух экспедиций (Чаунской и Обской). Конкретных же выводов и выявления виновников в представлении дефектных материалов комиссия и, в частности, председатель комиссии Карцев не сделали. Все факты дефектного выпуска карт остались незамеченными и нерасследованными.

Ведение формуляров и корректурных книг, а также хранение материалов, являющихся основанием для составления карт, поставлены в картсекторе совершенно неудовлетворительно. В картсектор не поступил материал от ряда экспедиций (материалы по Оленекской протоке, гидропартии на мысе Шмидта, по триангуляции полуострова Быков мыс, отчет партии мыса Шелагского, отчет шхун „Смольный“ и „Ленсовет“ и др.). Все эти материалы остались неиспользованными.

Руководство Гидрографического управления (Орловский и Суслов) не обращало на издание карт внимания, не проверяло использования всех материалов; научно-техническое руководство не обеспечило ни принципиального направления, ни качества выпускаемой продукции. Начальник картсектора Карцев не наладил четкой работы сектора.

* * *

Материалы полевых работ отрядов и экспедиций, как правило, принимались в архив Гидрографического сектора и Сектора навигационных характеристик без сверки с фактически проведенной работой. Таким образом руководители и отдельные работники отрядов и экспедиций могли ничего не сдать, и в этом случае никаких требований со стороны управления не последовало бы.

Такой „порядок“ приема полевых материалов давал широкие возможности к хищению и использованию ценных материалов

врагами народа. Так, пропали следующие материалы: отчет Новоземельского отряда по Матшару 1937 года; отсутствует одна карта температуры и солёности по работам на пароходе „Анадырь“ 1935 года; отсутствуют журнал футшточных наблюдений на мысе Болванский Нос 1934 года, а также материал по водному посту в протоке Быкова. В делах Гидрографического управления отсутствуют материалы по теплomu течению в юго-западной части Карского моря 1936 года. В архиве вообще не значатся материалы по л/п „Челюскин“ 1934 года и по л/к „Красин“ 1934 года.

Качество полевых материалов не устанавливалось, и обычно дефекты обнаруживались лишь при камеральной обработке. Привезенные материалы, а также работы экспедиций и отрядов по Гидрографическому сектору не подвергались никакому обсуждению и критике. Мер воздействия в отношении лиц, представляющих дефектный материал, не принималось, также не поощрялись отдельные работники, проводившие работы действительно по-ударному и дававшие хорошие и даже блестящие результаты. Налицо полная обезличка и уравниловка экспедиционного состава. Надо прямо удивляться, что при таком отношении еще имеются отдельные факты высоких показателей стахановской работы. Подлинные энтузиасты и преданные делу молодые честные специалисты не могут в полной мере реализовать свои знания из-за бюрократизма руководства. В то же время вся постановка приема и контроля полевого материала создавала удобные условия для тех, кто не хотел работать. Лодырям и сомнительным элементам (вроде бывшего начальника Анадырского отряда Подгородецкого) отряды и экспедиции были самым удобным местом для пристанища.

Примерами безразличного отношения руководителей экспедиций к сдаче материалов могут служить следующие. Тов. Киреев (л/к „Малыгин“), отправляясь в новую экспедицию 1937 года, не потрудился сдать материалы по прошлым экспедициям, которые хранились вне стен управления. Уже без него были доставлены эти материалы в управление в несистематизированном виде. Тов. Смирницкий (начальник экспедиции) после камеральной обработки материалов по экспедиции в проливе Дм. Лаптева не сдал их сам в научно-технический архив, а, уезжая в экспедицию 1937 года, поручил это сделать совершенно постороннему лицу, не имевшему никакого отношения к этой экспедиции.

В практике работ Гидрографического управления были прямые случаи вредительства (уничтожение пожаром ценных материалов, например во время зимовки Анадырского гидроотряда в 1936/37 году и др.; хищение материалов по выбору аэродромов на Енисее и Дудинке; уничтожение огради-

тельных знаков в дельте Оби, на Анадыре и др.; вредительские акты при выпуске судов из строительства и ремонта и т. д.). Отдельные лица были разоблачены, но это было сделано помимо руководства Гидрографического управления. Руководство управления мер к расследованию не предприняло, а также никаких обобщающих выводов из этих фактов не сделало и не предприняло шагов к предупреждению подобных явлений. Руководство (Орловский и Суслов) проявило беспечность и политическую близорукость, пройдя молчаливо мимо фактов, имеющих большое политическое значение.

Большую тревогу вызывает состояние судового хозяйства Гидрографического управления. На строительстве первой серии судов был заключен договор Гидрографическим управлением (Сердюков) с судовой верфью в феврале 1935 года со сроками постройки: одного судна 31 июля 1935 года, второго 10 августа 1935 года, третьего 1 сентября 1935 года и четвертого 15 сентября 1935 года. Однако ни чертежи, ни материалы во время не были представлены. Верфь уже в марте-апреле 1935 года начинает составлять акты на простой. Затяжка в представлении материалов, чертежей, оборудования привела к прекращению строительства. Пришлось в декабре 1935 года заключить дополнительное соглашение со сроком окончания строительства в июне 1936 года.

Суда по окончании строительства были приняты Гидрографическим управлением с большими конструктивными недостатками, которые повели к производству ремонта сразу же после приема (в августе 1936 года), а также после возвращения из плавания (на ремонт и доделки в 1936—1937 годах израсходовано 156,8 тыс. руб.). Общий перерасход по строительству судов первой серии выразился в 652,8 тыс. руб.

Постройка судов второй серии производилась на той же верфи, и опять сроки не были выдержаны. Наблюдается полное несоответствие между сроками, обусловленными договором с верфью на окончание строительства, и фактическими сроками постройки.

Строительство судов со стороны Гидрографического управления велось преступно бесхозяйственно. Руководство управления (Орловский и Суслов) и руководство сектора плавсредств (Сердюков и Пестов) фактически допустили срыв строительства (непредоставление верфи чертежей, материалов, оборудования), что повлекло к тому, что, в частности, трасса Северного морского пути в восточном секторе Арктики остается необеспеченной гидрографическими судами.

Ремонт судов в 1936/37 году был проведен таким образом, что некоторые суда вышли в море на 1½ месяца позднее установленного срока.

Неудовлетворительный ход судоремонта должен был внушить тревогу работникам сектора плавсредств и его начальнику Пестову за своевременность судоремонта, однако в секторе царили благодушные и самоуспокоенность.

* * *

Стахановскому движению в системе Гидрографического управления не были созданы со стороны руководства соответствующие условия. До 1937 года не существовало никаких норм на гидрографические работы. Впервые нормы были разработаны и изданы (как временные) в 1937 году, причем в изданной брошюре имеется раздел „принципы стимулирования и оплаты“. В конце брошюры приведены примеры расчета. Однако оказалось, что этот порядок не был согласован с руководством Главсевморпути, не был установлен источник финансирования работ при перевыполнении плана. Вместо пользы, изданные при таких условиях нормы принесли только вред, так как работники отрядов и экспедиций считают себя обманутыми.

Руководство Гидрографического управления в некоторых случаях выдвигало и премировало совершенно негодных работников. Так, астроном Блохин, работы которого (определение 16 астропунктов за сезон) все низкого качества, премирован месячным окладом, и тем самым предложено равняться на такого работника. Это может рассматриваться лишь как дискредитация принципов премирования и отличия.

В камеральной обработке были отдельные попытки построить работу по-стахановски, но так как руководство систематически не занималось по-серьезному вопросами стахановского движения, то получалась „кампанейщина“.

Однако и эти отдельные попытки выявили уже подлинных стахановцев, давших высокие показатели производительности труда. Так, астроном Косой выполнял нормы на 300—500 %, Трофимов на 200 %, Альсевич — на 225 %, Макарова — 150 % и т. д. Это свидетельствует о том, что при создании благоприятных условий стахановское движение и в камеральной обработке могло бы дать исключительно ценные результаты.

Разве может быть при таком засоренном составе кадров успех в работе? Большая текучесть личного состава создавала благоприятные условия для засорения аппарата сомнительными, случайными людьми и проникновения в аппарат чуждых элементов. Текучесть кадров по одному лишь Гидрографическому сектору видна из следующих данных: всего с 1934 по 1937 год принято 181 чел., из них уволено 111 чел., по настоящее время работают 70 чел.

Обращают на себя внимание „методы“, применяемые руководством гидрографии

(Суслов) при увольнении сотрудников и работников экспедиций и отрядов. Всего за 1937 и 1938 годы было разобрано заявлений в конфликтном порядке 118, из них 90 решений РКК было в пользу сотрудников; конфликтных заявлений экспедиционных работников было 24, из них в пользу сотрудников решено 22. Как видно из приведенных данных, большая часть конфликтов разрешена в пользу работников. Создание конфликтов — это своего рода перестраховка решением РКК, вместо того чтобы твердо принять на себя всю ответственность. Такая „система“ естественно вызвала справедливое недовольство работников.

В системе гидрографии есть много молодых честных специалистов, которые могут быть использованы с большим производственным эффектом, однако при руководстве Орловского и Суслова молодые специалисты были в загоне, ими не интересовались, не давали возможности расти и не выдвигали их на руководящую работу. Так, четыре молодых специалиста (Соскин, Геваркиянц, Никифоров, Носков), все члены ВКП(б) и члены ВЛКСМ, окончившие Ленинградский государственный институт морской гидрологии, были вынуждены уйти из управления из-за созданных им невозможных условий работы.

Единственный выдвиженец — молодой специалист т. Тимофеев, занимающий должность начальника Сектора навигационных характеристик, получает зарплату в размере 525 рублей, в то время как прочие начальники секторов получают по 700 — 800 руб. Сделанное в 1936 году Тимофеевым открытие (о наличии теплого течения в юго-западной части Карского моря) было встречено старыми специалистами (Малышевым, Торбеевым и др.) с недоверием, и, вместо того чтобы внимательно и деловито разобраться в этом деле, эти специалисты создали для Тимофеева совершенно невозможные условия для работы, вплоть до снижения ему зарплаты. Повторная же работа, проведенная в 1937 году, подтвердила полностью явление, открытое Тимофеевым.

Что сейчас надо в первую очередь сделать для оздоровления работы Гидрографического управления?

В порядке предложения мы считаем необходимым провести следующие мероприятия.

Руководство Главсевморпути должно установить повседневный контроль и помощь в практической работе гидрографии, давая оперативное направление работе по исследованию трассы Северного морского пути.

Гидрографические отделы территориальных управлений необходимо передать в непосредственное подчинение во всех отношениях Гидрографическому управлению. За теруправлениями надо оставить лишь только контроль. Гидрографическое управление должно нести полную ответственность за обеспечение трассы Северного морского пути гидрографической службой на научных основах.

Необходимо обратить особое внимание на гидрологические работы, которые до последнего времени считались второстепенными. Нужно создать для осуществления их все условия.

Надо перестроить организацию ледовой службы и службы прогнозов, ликвидировать раздробленность, сосредоточить весь комплекс работ в одном Гидрографическом управлении путем организации в нем специального отдела ледовой службы.

Пора обратить самое серьезное внимание на внедрение и широкое применение аэрофотосъемки береговой черты, обеспечив для этого грамотное определение астропунктов.

Необходимо установить определенные требования к качеству производимых экспедициями, отрядами и партиями работ, приводя их работу к одним категориям (классам), для чего надо выработать определенные инструкции и правила как для полевых, так и для камеральных работ. Следует усилить практику посылки комплексных зимовочных отрядов, как дающих наибольшую эффективность в своих работах.

Гидрографическое управление должно коренным образом изменить отношение к продвижению и созданию условий работы молодых специалистов. Гидрографическая служба должна быть укреплена квалифицированными, честными, преданными своему делу кадрами работников.

РАБОТУ ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЙ НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ

I

Решение СНК СССР от 28 марта 1938 года, в котором признается неудовлетворительной работа Главсевморпути за 1937 год, совершенно правильно устанавливает, что причинами этого являются „плохая организованность в работе Главсевморпути, наличие самоуспокоенности и зазнайства, а также совершенно неудовлетворительная постановка дела подбора работников Главсевморпути, что создало благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов ГУСМП“.

Исходя из этого решения правительства, необходимо рассматривать и работу полярных станций системы Главсевморпути. Нужно извлечь все уроки, чтобы в кратчайший срок поднять работу и заслужить достойную, положительную оценку.

Как же мы работали в 1937 году?

Пробравшиеся в нашу систему враги народа всячески пытались пакостить и вредить и на этом участке. Они вредительски проводили строительство радиоцентров, радиоузлов, строя их параллельно с существующими от НКСвязи. Строительство проводилось без планов, проектов и смет, что еще более затрудняло своевременное вскрытие истинных причин разбазаривания государственных средств на дублированные с НКСвязью стройки или на строительство их в таких пунктах, где в этом нет особой надобности.

На периферию нередко посылались плохо обученные кадры, непригодные к работе в Арктике ни по политическим, ни по деловым соображениям. На полярные станции сплошь и рядом посылались некомплектные оборо-

дование, средства из-за неиспользованной аппаратуры замораживались, что при полном отсутствии борьбы за установление ее стандартизации давало возможность презренным врагам народа замечать следы своей подрывной работы. На станции засылались также некондиционные и скоропортящиеся продукты, некондиционные промтовары в количествах, не соответствующих потребностям; вредительски упаковывались громоздкие предметы, посылаемые в Арктику; систематически срывались планы завоза стройматериалов и т. д. Враги народа всячески тормозили использование ветровой энергии в Арктике, засылая ветряки без запасных частей и без учета ветрового режима.

Суровая, но справедливая оценка СНК СССР должна вызвать у нас высокую волну политической и производственной активности для скорейшей ликвидации всех последствий вредительства. Мы должны вообще поднять на должную высоту нашу работу, которая хромает также и потому, что самый стиль работы у многих честных и преданных советской власти людей, работников Управления полярных станций системы Главсевморпути, еще очень далек от того стиля работы, которому неустанно учил нас Ленин и учит товарищ Сталин.

* * *

В результате совершенно неудовлетворительного подбора кадров мы имели много недостатков в работе нашей периферии. Например, на полярной станции Уэлен не могли даже организовать ни одного запуска змея (старший аэролог Жуков), создав „теорию“, что Уэлен ограничен в запуске змея направлением ветра и неудачным расположением станции. В Русской Гавани обра-

Полярная станция на острове Белом

ботка метеорологических материалов производилась старшим метеорологом Можаяевым, который не справился с этой задачей. На Вайгач в 1936 году прибыли работники слабой квалификации, например — „радиотехник“ Минеев (окончивший курсы), за которого приходилось работать старшему радиотехнику, а „метеоролог“ Максименко совершенно не знал своей специальности. В 1937 году в Тикси прибыли три работника, окончившие курсы, из них смог работать только один. По причине слабой подготовки посылаемых в Арктику кадров нормы выработки по радиосвязи Главсевморпути значительно отстают от норм НКСвязи: полярные станции дают 50—60 слов в минуту, а нужно и можно дать 200—250 слов (при условии непрерывной работы). Личный состав станций в прошлом подбирался и назначался, включая начальников станций и старших по зимовкам, за несколько дней до отъезда, без соответствующего инструктажа.

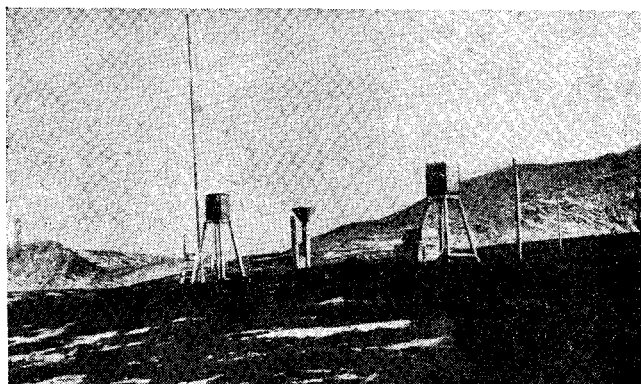
В 1937 году 30% вернувшихся зимовщиков были совершенно из системы Главсевморпути. Над этим тревожным фактом стоит призадуматься. Основной причиной текущей, по нашему мнению, является недостаточно внимательный отбор кандидатов для отправки на курсы полярных работников или на зимовку. Люди не проверяются с необходимой в данном случае тщательностью ни с точки зрения политической благонадежности, ни со стороны квалификации, ни в отношении пригодности их к специфическим условиям работы в Арктике по физическому состоянию. Существующие до сих пор совершенно нетерпимые бытовые жилищные условия для большинства вернувшихся из Арктики резервистов в Москве и Ленинграде никак не могут служить стимулом к закреплению полярных кадров.

Известно, что на зимовках у нас работают кружки по специальностям, но как они работают, по какой программе, каковы ре-

зультаты — этого никто не знает, ни отдел кадров, ни специальные службы Управления полярных станций.

А исследовательские работы в Арктике? Известно, что в результате их имеются рационализаторские предложения. На остров Уединения, например, в гидрологических работах впервые пробы производили на кислороде (вместо хлора). Там же механик т. Высоцкий автоматическим регулированием выключателя (выключал штепсель постоянного газа) уменьшил расход горючего до 1584 кг вместо установленной нормы в 2260 кг. На мысе Шелагском радистка Людмила Шрадер и механик Ламан изменили систему жеклеров, заменили радиатор бочкой с водой для охлаждения моторов, что значительно целесообразней в данных случаях. Радиотехник Архипенко проделал большую работу по монтажу в радиорубке, смонтировал щит, проводку сделал от аккумуляторного шкафа. В результате зарядка происходит в минуту, вместо ранее затрачиваемых 1—1,5 часа. В Ванкареме радиотехник Яковлев сконструировал малоомный длинноволновый передатчик, работающий на двух лампах „УБ-107“ с радиусом действия ключом до 600 км. Передатчик находится уже год в эксплуатации, но о нем сведений на других станциях нет, как нет и заключения радиослужбы. На этой же станции гидролог Толмачев приспособил к коробкам самописцев суконную защиту, предохраняющую механизм самописцев от заноса снегом.

Мы могли бы во много раз расширить перечень рационализаторских предложений, которые достойны самого внимательного рассмотрения, соответствующих выводов и решений. Ведь проведение в жизнь большинства из этих предложений облегчит работу на полярных станциях, а поощрение авторов предложений в общественном и материальном порядке стимулирует работу десятков и сотен новых рационализаторов.

Метеоплощадка на мысе Столбовом

Необходимо уже в 1938 году в части подготовки кадров создать нормальные условия работы курсов полярников, дифференцировать обучение на курсах, т. е. удлинить срок обучения до двух лет с пересмотром всего учебного плана и программ для радиотехников, аэрологов, электромехаников и др.; организовать группы метеорологов, радиооператоров с шестимесячным сроком обучения, создать постоянный штат подготовленных к этому делу преподавателей из работников Арктики и, наконец, построить собственное здание курсов за городом, где организовать все подсобные учреждения для нормальной учебы: опытные полярные станции, лаборатории, общежития курсантов, столовую, клуб и т. д.

Необходимо шире охватить подготовкой работников Арктики из местного национального населения, ненцев, дураветлан (чукчей) и др., населяющих приарктические и арктические территории СССР. В настоящее время работников (в основном учеников) из местного населения имеется на наших морских полярных станциях всего лишь 30 человек. Эта незначительная цифра объясняется в первую очередь слабой работой среди местного населения, особенно по втягиванию его в производственную работу. Между прочим, недавно стахановец-охотник эскимос Таян выдвинут начальником острова Врангеля — это первый начальник полярной станции из местного населения.

* * *

Снабжение полярных станций как продовольствием, промтоварами, так и оборудованием происходило до последнего времени неудовлетворительно.

Приведем отдельные характерные примеры. В 1936 году на Билингс, где зимовщики не сменялись, совершенно не завезли овощей, копченостей, шоколада, какао, сыра, а из оборудования — динамо, кварца, аккумуляторов, термометров и др.

На мыс Шелагский в 1936 году не за-

везены: рыбные консервы, макароны, печенье, галеты, хрен, огурцы, клюква, лимоны, папиросы высших сортов и др.

В результате плохого завоза мы имеем по одному только продовольствию испорченных продуктов на сумму 785,5 тыс. руб. Кроме того, находится в излишке по станциям на 850 тыс. руб. продовольствия, из которого часть, по всей вероятности, тоже испорчена.

На мысе Шелагском не выполнены наряды на обмундирование по дополнительному штату на 4 человека; туда же завезли 8 ламп 30-линейных, а стекол к ним только 20, но зато зэслади большое количество стекол 15-, 20-, 25-линейных и ни одной лампы к ним.

На остров Диксона зэслади двигатель „Победа“ в 25 HP, а запасные части к нему от 20-сильного двигателя.

На мыс Желания прислали мотор к вездеходу, которого на станции совершенно не было. Осенью 1936 года пришлось отправить обратно, как излишне завезенные, 14 бочек селедков, 46 ящиков сливочного масла и т. д. и т. д.

В условиях Арктики продукты питания и меховая одежда при отсутствии соответствующих складских помещений быстро портятся. Между тем, даже на таких станциях, как Диксон, куда заходят десятки пароходов, имеются большие излишки меховой одежды.

На Колгуе меховой одежды, спальных мешков, малиц, пимов хватит на двадцать лет.

Проблема удобной и теплой одежды в Арктике должна быть разрешена в ближайшее время. Опыт наших героев-папанинцев в данном случае должен быть обязательно использован. Индивидуальная пошивка папанинской четверке меховой и прочей одежды и обуви для жизни и работы на дрейфующей льдине, испытание отдельных видов этой одежды в различных условиях погоды в Арктике и пр. — все это должно быть учтено при массовом изго-

Селение Лагерное
в проливе Матшар

Фото Б. Дзержевского

товлении одежды и обуви для наших полярников.

Завоз научного оборудования и приборов на наши полярные станции осуществляется также плохо.

На Сердце-Камень в 1936/37 году завозились радиоприемники (предназначенные для центральных областей), которые сейчас лежат без всякого употребления.

На Биллингс в разное время заслано большое количество ценных приборов (6 анероидов, 6 гидрометров, 5 анемометров Фусса), которые не используются, а необходимых приборов не заслали.

На остров Уединения излишне завезены 4 приемника „КУБ-4“, передатчики „Дельфин“, передатчик „Норд-25“, большое количество ламп „УБ-107“, „УБ-110“ (по сто штук).

На Вайгаче в международные дни не было аэрологических наблюдений, потому что, кроме инструкции, никаких приборов не прислали; ни шкалы пилотов, ни теодолитов и т. д. На эту же станцию прислали хорошо запакованную бутылку; на бирке написано „серная кислота“, а когда вскрыли, оказалось вместо кислоты... малиновое варенье.

Много еще можно было бы привести примеров годовотяпского или вредительского завоза научных приборов и оборудования на наши полярные станции, но и этого достаточно, чтобы сделать вывод о необходимости самым решительным образом наладить снабжение.

* * *

Правильно составить план и программу научных работ можно только в том случае, если подготовлены первичной обработкой материалы прошлой зимовки. Всесоюзный Арктический институт, как правило, с первичной обработкой материалов станций отстает, и составление программ и инструкций происходит без учета итогов материалов станций за прошлую зимовку. Гидрометеослужба, не имея итогов первичной обработки материалов, не может даже проинструктировать начальников станций и специалистов, отъезжающих на зимовку.

Вот что пишет институту Полярный отдел Омского теруправления: „Вследствие полного отсутствия методического руководства по обработке и производству метеонаблюдений возможны очень грубые ошибки и неточности в работе метеогруппы и метеосети“.

А начальник Красноярского теруправления Казарян в телеграмме институту пишет: „Работа нашей метеосети запущена, обработка также, просим оказать помощь, прислав инструктора по обработке материалов, можем выслать копии отработанных текущих наблюдений по некоторым станциям с целью получения ваших критических замечаний. Телеграфуйте ответ“.

Из Арктического института эту телеграмму направляют в Гидрометеослужбу с надписью: „Бочкову [начальнику Гидрометеослужбы] для сведения“, а Гидрометеослужба пишет бумагу институту с просьбой сообщить о мероприятиях по существу дела. Получается какой-то заколдованный круг, сплошная неразбериха. Недаром начальник Гидрометеослужбы в одной из своих докладных записок (от 29 августа 1937 года) пишет: „Из-за отсутствия единого руководства до 50% затрачиваемых средств на гидрометеорологические работы идут впустую, так как материалы наблюдений получают недоброкачественные и бракуются, миллионы рублей в результате выбрасываются на ветер“. Вот она, плохая организованность в работе Главсевморпути, о которой говорит постановление СНК СССР от 28 марта этого года.

В порядке предложения — необходимо разгрузить Арктический институт от первичной обработки материалов станций, составления программ, инструкций и методического руководства станциями, оставив за ним функции научно-исследовательского характера и руководство экспедициями института, которые он посылает.

Нужно ускорить опубликование работ Арктического института по итогам наблюдений за прошлые годы (научные выводы), что окажет значительную помощь в практической работе полярников.

Гидрометеослужбе нужно начать, наконец, вплотную руководить станциями, взяв в свои руки первичную обработку материалов, составление программ, инструкций и руководство всей практической работой на периферии, периодически посылая инструкторские группы на места.

* * *

Когда познакомишься с материалами начальников полярных станций, то видишь, что, за исключением отдельных упоминаний, совершенно обходятся вопросы соревнования на зимовках. Начальники станций обычно пишут, что „заключили договор с соседней точкой, такой-то станцией, работа на станции поднялась“. А как проводилось соревнование, какие даны показатели, кто из работников улучшил свою работу, — этих сведений нет. Есть жалобы на то, что соответствующие отделы и службы Управления полярных станций не спускают на периферию норм, не указывают объектов для заключения социалистических договоров. Жалоба основательная, она обязывает наше управление серьезно заняться приведением в ясность этого вопроса, добиться полного понимания всеми работниками станций практического осуществления стахановских методов работы.

Управление полярных станций должно в кратчайший срок обеспечить выработку

нормативов, где их еще нет, по отдельным специальностям для заключения содоговоров, составить примерный содоговор и дать указания о порядке подытоживания и учета результатов соцсоревнования и, наконец, выделить особый фонд (деньги и предметы) в распоряжение начальников станций для премирования стахановцев и лучших ударников.

II

В 1938 году в целях лучшего оперативного обслуживания зимовок Управление полярных станций переходит к районной (кустовой) организации станций, которых предположено иметь 13—15 с подчинением им 1—2—3 тяготеющих к районной станции территориально более мелких станций. Например — к районной полярной станции мыса Шмидта прикрепляются полярные станции мыс Шелагский, мыс Биллингса, Ванкарем, на которых находятся старшие по зимовке, подчиняющиеся в определенном отношении начальнику полярной станции мыс Шмидта.

На районной полярной станции будет начальник, на прочих — старшие по зимовкам, совмещающие с этой работой какую-либо специальность: радиста, механика, метеоролога и т. д.

Начальники прикрепляются на ряд лет к определенной станции и району с тем, чтобы условия работы данной станции были ими изучены возможно лучше.

Управление полярных станций, взяв курс на подбор в Арктику лиц, могущих совместить 1—2 специальности, а также в связи с районированием полярных станций, имеет возможность значительно сократить штат работников на полярных станциях, не снижая качества их работы. Мы имеем утвержденный руководством штат работников на полярных станциях на 1938/39 год в количестве 448 чел. (было их 603). Таким образом, благодаря вышеуказанным мероприятиям, мы сокращаем количество завозимых людей на 155 чел. против фактического наличия в настоящее время.

Одновременно реорганизуется и самый аппарат управления. В частности, Плановый сектор реорганизуется в Планово-финансовый отдел с передачей ему также функций планирования прод-промтехнического снабжения и строительства, чем занимался до сего времени упраздняемый Оперативный сектор. Гидрометеослужба должна будет, наряду с выполняемой работой, заниматься первичной обработкой получаемых материалов с полярных станций и в дальнейшем осуществлять единое руководство всей гидрометеослужбой системы Главсевморпути. Сектор кадров,

в связи с еще более возросшими требованиями к вопросу подбора, подготовки и использования кадров, должен быть укреплен необходимыми квалифицированными работниками, знакомыми на опыте с условиями работы на полярных станциях.

Масштаб работы Управления полярных станций в 1938 году определяется следующими показателями:

По метеорологии — обеспечить 76 160 серийных наблюдений за метеофакторами.

По аэрологии — обеспечить подъем 3200 шаро-пилотов, 765 радиозондов, 360 змейковых пусков, 40 самолетных подъемов.

По атмосферному электричеству — провести 3135 наблюдений.

По земному магнетизму — провести 290 серийных наблюдений.

По синоптике — создать 7700 синоптических карт.

По радио — за год произвести по радиостанциям и радиостанциям обмен 60 000 000 слов.

Далее, надо обеспечить правильное расходование свыше 25 млн. руб. операционной сметы на 1938 год, с должным результатом использовать 1721 тыс. руб. по капитальному строительству.

В кратчайший срок необходимо ликвидировать последствия вредительства в самом аппарате управления и на обслуживаемой им периферии.

Нужно как следует поработать над оживлением партийно-массовой работы, поднять партработу партгруппы Управления полярных станций, очищая партийный состав от чуждых, неисправимо переродившихся элементов, вовлекая в члены партии и группу сочувствующих ВКП(б) всех честных и преданных советской власти и делу Ленина—Сталина работников. Развить оосоревнование и стахановские методы работы на основе большевистской действительной критики и самокритики. Все это обеспечит нам возможность на деле осуществить революционную бдительность.

Нашим работникам надо знать во всех деталях порученное им дело, хорошо знать людей, растить и воспитывать кадры, уметь учиться самому и особенно у самих масс, все свои действия, всю свою административную, хозяйственную, научную работу умело сочетать с политической, отнюдь не отрывая одну от другой. При соблюдении именно такого стиля в нашей работе мы гарантируем успех и пресечем преступную руку врагов народа, троцкистско-бухаринских выродков, которые пытаются всеми способами — изменой, вредительством, провокацией, замаскированным двурушничеством — мешать нашей работе по освоению Арктики.

ЛИКВИДИРОВАТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ ВРЕДИТЕЛЬСТВА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ГЛАВСЕВМОРПУТИ

Постановление Совнаркома СССР о работе Главсевморпути за 1937 год с большевистской прямотой вскрыло ошибки в работе нашей системы. Плохая организованность, наличие самоуспокоенности и зазнайства, совершенно неудовлетворительная постановка дела подбора работников Главсевморпути создали благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов ГУСМП.

Одним из таких органов, пораженных вредительством в благоприятной обстановке неорганизованности, зазнайства и случайного подбора кадров, является и издательство Главсевморпути.

Около четырех лет существует в Ленинграде это издательство. Оно выпустило немалое количество научных трудов и „солидную“ на первый взгляд „Полярную библиотеку“.

Литература полярной серии имеет до сорока названий. Издания Амундсена, Нансена, Норденшельда, отпечатанные на высококачественной прекрасной бумаге, в переплете с золотым тиснением, обильно украшенные рисунками, фото; книги Шеклтона, Грили, Стефанссона, Бэрда и многих других иностранных исследователей Арктики, с внушительной ценой по 12—15 рублей за книгу.

Отдельные издания иностранных исследователей Арктики (как Амундсен и др.) имеют, конечно, ценность для советского читателя, для познания истории исследования Арктики. Но разве допустимо, что среди тридцати шести книг „Полярной библиотеки“ имеется только шесть книг советских авторов, все остальные переведены с иностранных языков.

Издательство с готовностью шло на издание любой переведенной книги, лишь бы не печатать советских авторов. Кроме уже изданных книг, в портфеле издательства образовался завал многих других подготовленных к печати рукописей: „К небесам“ — Бэрда, „Южное полярное путешествие“ — Джойса, „Юг“ — Шеклтона, „Первая арктическая ночь“ — Кука, „Рассказ о путешествии в поисках Северо-западного прохода 1829—1838 гг.“ — Росса и другие. Среди них находится рукопись фашиста Нобиле „Перелет из Рима на Аляску“, за которую услужливые дельцы издательства выплатили 12 тысяч рублей.

В редакционный портфель издательства собиралось все, что подвернется под руку, все, что подsunут щедро оплачиваемые случайные переводчики. Факты показывают, что советские книги, готовые к печати,

лежали годами, а вместо них усердно протаскивалась иностранная литература.

Так было с книгой товарища Ширшова, мариновавшейся в издательстве два года. Так было и с рядом других книг.

Это объясняется нежеланием бывшего руководства издательства издавать советскую книгу, вскрывает „линию“, направленную к тому, чтобы показать, перепечатать, восхвалять все, что сделано иностранными исследователями, вплоть до фашистских, затереть, не издавать советских авторов, скрыть великие исторические победы большевиков, советских полярников в Арктике.

Нетрудно понять, что это за „линия“, проводившаяся ныне разоблаченными врагами народа Бергавиновым и др. вкупе с бывшим управляющим издательством, буржуазным перерожденцем, казнокрадом Новиковым.

Враги не без успеха проводили свою подлую вредительскую подрывную работу. В результате среди книг из „Полярной библиотеки“ нет ни единого слова о завоевании большевиками Северного полюса, о работе папанинцев на дрейфующей льдине. В то время как другие издательства выпустили целый ряд книг на эту тему. Историческая челюскинская эпопея представлена в одной лишь небольшой книге, которую издательство затирало два года и постаралось выпустить хуже всех своих изданий, отпечатанной трудно читаемым шрифтом и с грязными пятнами вместо фотографий.

Осталась „незамеченной“ издательством вся многообразная героическая борьба советских полярников, блестящие, невиданные в истории завоевания Арктики, непревзойденные победы, одержанные нашей родиной под руководством великой партии большевиков, мудрого вождя и друга полярников товарища Сталина.

Бывшее руководство издательства не только не стремилось к привлечению и изданию советских авторов, а наоборот — отталкивало их.

Упомянутая выше книга товарища Ширшова была выпущена только под большим нажимом общественности. Книга полярника-орденоносца К. Званцева задерживается на год. Та же судьба постигла книгу Героя Советского Союза В. Молокова. Сорвано издание книги известного полярника-орденоносца товарища Минеева, книги старшего механика „Ермака“ товарища Малинина, книги Виленского и Черненко и др.

Организовать хорошие книги и показать советские достижения в Арктике издательство не хотело, ссылаясь на загруженность авторов и якобы нежелание их заниматься

писанием книг. А ненужную книгу Броунштейна „Ермак во льдах“ издательство обрабатывало два года. К редактированию ее привлекалось восемь редакторов. Но и впоследствии, когда уже был отпечатан почти весь тираж этой книги, ее пришлось во многих местах переделывать.

Ранее издательством была [выпущена книга Васильева, Кириушиной и Меньшикова „Два года в тундре“. Эта книжка не была обеспечена нужной редактурой. Молодым авторам не было оказано необходимой помощи. В результате в книге допущены грубейшие политические ошибки. Несмотря на это, издательство сопроводило эту книгу предисловием, в котором пишет, что для работников, отъезжающих на Чукотку, „книжка „Два года в тундре“ может служить тем путеводителем, по которому (!) им придется продвигаться вперед, выполняя свое трудное и славное дело освоения этой необычайно богатой и в то же время суровой страны“.

Все это характерно для „деятельности“ бывшего руководства издательства, направленной также к омертвлению и разбазариванию государственных средств.

На 15 апреля по серии популярной литературы договорный портфель издательства составлял 220 авторских листов. В рукописном портфеле насчитывалось 460 авторских листов и в производственном портфеле около 115 авторских листов. В общей сложности портфели издательства составляют около 800 авторских листов, часть из которых находится в производстве, большая часть в принятых рукописях и часть обеспечена договорами. Это значит, что почти все они оплачены, что затраты исчисляются в сотни тысяч рублей.

Сотни тысяч рублей, вложенные в издательские портфели, преступно омертвлены, и часть средств просто выброшена на ветер, ибо много рукописей не будет использовано совершенно.

Омертвление государственных средств не исчерпывает всей вредительской практики издательства. В завершение всего фашистские агенты и пособники их превратили издательство в источник доходов для врагов, жуликов и всякого рода проходивцев. В издательстве долгое время орудовала шайка казнокрадов, возглавляемая бывшим управляющим Новиковым.

Воровские махинации велись под разными предлогами, под видом „вознаграждения за политредактуру“, „разъездов на такси“, „усиленного питания“ и т. д. и т. п. Враги народа, друзья и знакомые управляющего систематически кормились из кассы издательства.

От некоего Ростовцева требовались двести невразумительные, неграмотные фразы о какой-либо рукописи, будь то научно-исследовательские труды любой отрасли или художественное произведение, чтобы систе-

матически получать тысячи рублей за „политредактуру“.

Стоило управдому жакта, где проживает управляющий издательством, продержат день-два гранки уже читанной книги, чтобы получить деньги за „корректуру“.

Потребовались Обществу кровного собачководства средства на строительство собачьего питомника, их берут... в издательстве.

Понравились приехавшему начальнику первые издания Пушкина — их покупают за 2800 рублей и списывают за счет торговых расходов.

Цепь больших и малых фактов, антигосударственных преступлений и мелкого жульничества не имела конца.

Преступные дела, так долго творимые бывшим управляющим издательством Новиковым, говорят прежде всего о случайности подбора кадров издательства, говорят о том, что издательство было в значительной мере засорено сомнительными элементами, врагами народа и людьми, лишенными политического доверия.

Партийная организация издательства не обеспечила развертывания большевистской критики и самокритики и, находясь в атмосфере самоуспокоенности и благодушия, проглядела преступные дела управляющего. Коммунисты, работающие в издательстве (Грибакин, Зельцер и др.), редакторы издательства (Кучеров, Смирнов) не проявили должной большевистской бдительности, были на поводу у проходивца Новикова.

Подлая шайка вредителей, пробравшаяся в руководство Главсевморпути и в издательство, успела немало напакостить и навредить. И сейчас требуется коренная перестройка всей издательской работы — как по линии изданий популярной серии, так и по изданию научных трудов учреждений Главсевморпути. Необходимо немедленно очистить аппарат от всех сомнительных элементов и прихлебателей, которых развели враги вокруг издательства.

Для ликвидации последствий вредительства в ближайшее же время надо исправить однобоко показанную в „Полярной библиотеке“ историю завоевания Арктики.

Обилие изданной переводной литературы смазало роль великих русских исследователей Арктики.

Известно, что роль русских исследователей в истории завоевания Арктики является одной из ярчайших, не говоря уже о блистательных победах нашей родины в Арктике в советский период, одержанных под руководством великого вождя народов товарища Сталина.

Достаточно вспомнить одного из выдающихся русских исследователей Георгия Седова, чтобы убедиться в исторической неправде, пропагандируемой продукцией издательства Главсевморпути.

Георгий Седов — один из храбрейших сынов великого русского народа. Об экспе-

диции Седова на Северный полюс остались богатые материалы, остались живые свидетели, участвовавшие в экспедиции и ныне работающие в Главсевморпути. У старожилов села Кривая Коса на Украине, где родился Г. Седов, имеются интереснейшие воспоминания, фотографии. Найден документальный кинофильм.

Создание книги о Седове не представляет даже больших трудностей. А разве мало других славных русских имен записано на скрижалях истории исследования Арктики?

Разве недостойна, например, большой книги славная сорокалетняя история ледокола „Ермак“? Сколько интереснейших, захватывающих страниц принадлежит нашему „Ермаку“!

Все это надо собрать в „Полярной библиотеке“. Это одна из основных обязанностей издательства.

Еще более ответственная задача, требующая немедленного разрешения, это налаживание дела издания книг советской тематики. Здесь в первую очередь необходим показ научного опыта первой дрейфующей станции Папанина и завоевания полюса. Изда-

тельство давно должно было составить конкретный план издания материалов папанинцев и обеспечить своевременный выпуск в свет ряда книг на эту тему.

Издательство Главсевморпути должно дать советскому народу целую серию популярных книг о многообразной кипучей работе партийных и беспартийных большевиков, советских полярников в Арктике и на Крайнем Севере.

Авторов у нас сколько угодно. Десятки и сотни. Их надо только поискать среди самих полярников, мореплавателей, радистов, зимовщиков и т. д. Найти — и помочь создать книгу.

Надо, чтобы вокруг издательства водились не прихлебатели, ищущие легких заработков, а настоящий творческий актив советских авторов. Когда будет этот актив, он многому научит и самих работников издательства, подскажет им, как надо работать.

От работников издательства требуется настоящая большевистская борьба по ликвидации последствий вредительства. Надо по-настоящему поставить дело издания полярной литературы на советский лад.

В. КОНОНОВ

ПОЛНОСТЬЮ ОСВОИТЬ СРЕДСТВА ПО ПРОФБЮДЖЕТУ

Решения VI пленума ВЦСПС обязывали все профорганизации „обратить особое внимание на воспитание членов профсоюзов в духе социализма, на развертывание общеобразовательной работы и повышение квалификации рабочих и служащих, организацию разумного отдыха и развлечения, развертывание массового туризма, загородных экскурсий в выходные дни, физкультуры и спорта, художественной самодеятельности“.

Как же осуществляются эти указания в нашей системе? Надо прямо сказать, что областные комитеты проводят эту работу неудовлетворительно.

Небрежное отношение к освоению ассигнованных ЦК союза на 1937 год средств по профбюджету можно объяснить только безответственностью и беспечностью отдельных руководителей обкомов.

Приведем примеры.

На подготовку профкадров не освоено 46 491 руб., или 53,4%. Самыми отсталыми обкомами по освоению средств на подготовку профкадров являются: Якутский обком — было ассигновано 21 500 руб., а израсходовано 11 57 руб.; Мурманский обком — 19 000 руб., а освоено 6 618 руб.; Владивостокский горком — 7 000 руб., ничего не израсходовал; Иркутский межрай-

ком — 5 000 руб., тоже не израсходовал ни одной копейки.

Разве для Якутии или для Мурманска не нужны профсоюзные кадры? Разве некого готовить в этих организациях? Наоборот, потребность в профсоюзных кадрах в этих организациях стоит особенно остро.

Возьмем другой участок — работу по ликвидации неграмотности и малограмотности. Эта работа в условиях Крайнего Севера приобретает особое значение. Однако постановление ЦК ВКП(б) и СНК по завершению ликвидации неграмотности и малограмотности нами не выполнено, хотя все возможности для этого имелись.

На ликвидацию неграмотности и малограмотности по всем обкомам было отпущено 280 883 руб., а освоено 152 709 руб., т. е. 53% к плану.

Архангельскому обкому было отпущено 35 000, а израсходовано 19 865 руб.; Якутскому обкому — 71 850 руб., а израсходовали 12 771 руб.; Игарскому обкому 47 000, а израсходовано 11 713 руб.

Товарищ Сталин на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) поставил важнейшую задачу овладения большевизмом, ликвидации политической беспечности. Эти указания обязывали все профсоюзные

организации поднять на высоту политическое воспитание своих членов. Однако ряд обкомов, проведя неплохо подготовку к выборам в Верховный Совет, растерял золотой фонд агитаторов, пропагандистов и беседчиков, не сумел закрепить достигнутые успехи, ассигнованные средства на подготовку не освоил.

На политпросвещение не освоено 69 тыс. руб., или 74,4% к плану.

Мурманскому обкому было ассигновано на политпросвещение 21 000 руб., а израсходовано 4889 руб.; Якутскому обкому — 15 000 руб., а израсходовано 377 руб.; Архангельскому обкому — 20 000 руб., а израсходовано 347 руб.; Владивостокскому горкому — 8000 руб., а израсходовано 325 руб.

И это несмотря на то, что в указанных обкомах нет в достаточном количестве учебников для слушателей кружков, нет наглядных пособий, нет карт, диаграмм и т.д.

Красные уголки и клубы находятся в неудовлетворительном состоянии. Кадры клубных работников не подобраны, средства расходуются не по назначению. Ряд клубов не имеет своего бюджета, несмотря на то, что средства недорасходованы. Так, например, на зарплату и административные расходы отпущено 59 852 руб., а израсходовано 43 000 руб. На приобретение культинвентаря отпущено 81 420 руб., а израсходовано 64 344 руб.

По Игарскому обкому на культинвентарь отпущено 5000 руб. и ничего не израсходовано; по Архангельскому обкому ассигновано 33 122 руб., а израсходовано лишь 19 025 руб.

Наряду с этим имеет место небрежное хранение культинвентаря, а порой и расхищение. Точного учета в своем клубном доме нет.

Средства, отпущенные на художественную самодеятельность, проведение и организацию музыкальных, хоровых и драмкружков, проведение олимпиад художественного творчества, также не израсходованы.

Так, на содержание руководителей было отпущено 76 827 руб., а израсходовано 26 526 руб.

Якутскому обкому было отпущено 62 727 руб., а израсходовано 2119 руб.; Игарскому обкому — 9600 руб., а израсходовано 4459 руб. и т. д.

На организацию художественной самодеятельности, олимпиад и карнавалов отпущено 7000 руб., а освоено 4404 руб.

Книга на Севере имеет исключительное значение. Несмотря на это, передвижные библиотеки почти отсутствуют. В оленсовхозах обмен книг не производится.

Ассигнованные на библиотечную работу средства недорасходовались. Например, было отпущено 207 400 руб., а израсходовано лишь 58 218 руб. Самые отстающие обкомы: Мурманский — отпущено 23 900 руб.,

а израсходовано 14 820 руб.; Архангельский — 37 500 руб., а израсходовано 13 579 руб.; Игарский — 15 000 руб., а израсходовано 2026 руб.; Иркутский межрайком — 10 000 руб., а израсходовано 3759 руб.

«Все это показывает, что обкомы недооценивают библиотечную работу, не создают стационарных и передвижных библиотек, не производят систематического пополнения и обмена книг.

Физкультурная и осовавиахимовская работа до последнего времени находилась в совершенно неудовлетворительном состоянии.

Оргбюро ЦК союза работников Севморпути отпустило большие средства на развертывание физкультурной и оборонной работы. Так, на зарплату инструкторам физкультуры и обслуживающему персоналу отпущено 52 529 руб., а израсходовано 29 652 руб., или 56,3%.

Якутскому обкому отпущено 17 609 руб., а израсходовано 1062 руб.; Игарскому обкому 2000 руб., не израсходовано ни копейки.

Вот еще пример. На осовавиахимовскую работу отпущено 65 940 руб., а израсходовано 29 791 руб.

О чем говорят все эти примеры?

Враги народа, пробравшиеся к руководству отдельных оргбюро, всячески пытались сорвать культмассовую работу, а пришедшие к руководству новые кадры не сумели быстро принять меры по ликвидации последствий вредительства.

Результаты беспечности и политической близорукости оргбюро обкомов, МК, а также оргбюро ЦК союза налицо. ЦК союза, а за ним и места не приняли должных мер по ликвидации последствий вредительства, не привлекли актива к обсуждению планов. Не было отчетности перед широкими массами членов союза о ходе освоения отпущенных средств на культмассовую работу.

Нельзя обойти молчанием и партруководство, в частности, в Якутии, Архангельске и Мурманске. Как могло случиться, что эти обкомы плетутся в хвосте по освоению средств? Политотделам надо руководить по существу, а не вообще.

Руководство обкомов и ЦК союза должно организовать широкое обсуждение всех вопросов, касающихся профбюджета, наметить конкретные мероприятия по каждому разделу и систематически отчитываться перед широкими массами членов профсоюза. Ревизионные комиссии должны систематически проверять расходование средств по профбюджету и своевременно вскрывать недостатки.

Значительный рост профбюджета на 1938 год дает полнейшую возможность добиться дальнейшего улучшения культурно-бытового обслуживания членов нашего союза.

ТРУД И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ В НАШЕЙ СИСТЕМЕ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Вспомним, что еще XVII Съезд партии осудил функционалку в деле руководства и вынес решение о ликвидации функциональной системы построения советско-хозяйственных аппаратов и перестройке их по производственно-территориальному признаку.

Ни в какой, пожалуй, другой области функционалка не пустила в свое время таких глубоких корней, как в области организации труда, технормирования и заработной платы. Все дело руководства этими вопросами было передоверено специальным отделам, оторванным от непосредственного оперативного руководства. Производственные отделы и управления оставались в стороне от разрешения этих, по существу кровных для их работы, вопросов.

Потребовались исторические решения XVII Съезда партии, постановления партии и правительства по Донбассу и железнодорожному транспорту, чтобы сломить функциональную систему и открыть путь конкретным методам руководства. Старые пережитки и навыки в руководстве пустили слишком глубокие корни, и потребовалась упорная борьба, чтобы новые методы руководства стали одерживать верх не по форме только, но и по существу.

В своем выступлении на Первом всесоюзном совещании стахановцев товарищ Молотов сказал: „Труд и его организация — тут завязан узел наших задач“.

Посмотрим, какое место этому важнейшему вопросу отводится в организациях Главсевморпути.

Надо прямо сказать, что это дело в нашей системе поставлено совершенно неудовлетворительно. По существу весь комплекс вопросов, связанных с организацией труда и заработной платы, находится в беспорядочном положении. В марте этого года было создано при руководстве Главсевморпути (заместитель начальника т. Хохлов) совещание по вопросам тарифа. Совещание показало, что руководители оперативных управлений и отделов вынуждены были в своих выступлениях откровенно признать свою неподготовленность и некомпетентность в этих вопросах.

Ясно, что разрешение этих задач возможно лишь в том случае, если в распоряжении начальника Главсевморпути будет в достаточной мере сильная и квалифицированная рабочая группа по труду и зарплате, работающая по его непосредственным директивам и заданиям. Однако такой группы в Главсевморпути нет, и фактически вопросами организации труда, зарплаты

и технормирования никто не руководит. Все эти вопросы передоверены небольшой группе труда (в составе двух человек) в Плановом отделе.

Что мы имеем в наших отраслевых управлениях и отделах? Начальники их, когда им приходится брать на себя проработку трудовых вопросов, передоверяют это дело своим экономистам, имеющим по роду своей работы другие функции. При этом страдают и темпы, и качество работы, и, в конечном счете, насущнейшие интересы хозяйства.

В территориальных управлениях положение не лучше. Оно и не может быть лучше, если учесть, что сама система существующей постановки вопросов труда и его организации в Севморпути, ее несоответствие достигнутому уже уровню освоения отраслей работы с неизбежностью приводят к беспризорности этого важнейшего участка работы.

И не приходится удивляться тому, что нормы выработки, тарифно-квалификационные характеристики не упорядочены, тарифные сетки и ставки оплаты в ряде случаев случайны, недостаточно обоснованы, страдают излишним многообразием, пестротой, элементами уравниловки (например, по Амдерме, Нордвикстрою, Пеледуйской верфи, рыбоконсервным предприятиям). Стахановское движение предоставлено самотеку, организованная помощь его развертыванию, как правило, отсутствует. Отсутствует также оперативная информация о состоянии основных показателей по труду (производительность труда, заработная плата, стахановское движение и пр.). И как следствие этого — понижение производительности труда, срывы производственных планов, удорожание работ, перерасходы фондов.

Чтобы поставить эту работу на должную высоту, необходимо раз и навсегда покончить с недооценкой в системе Севморпути данной области работы.

В порядке предложения мы считаем целесообразным провести ряд мероприятий.

Надо организовать при начальнике Главсевморпути крепкую группу труда и зарплаты в составе высококвалифицированных работников по технормированию, организации труда и заработной плате.

Необходимо ликвидировать функциональную группу труда в Плановом отделе, с сохранением за этим отделом функций планирования производственных заданий, производительности труда, штатов, фондов зарплаты, себестоимости — на основе тех-

нических и других показателей, представляемых оперативными хозорганизациями. Поставить на должную высоту оперативную работу по труду (техническое нормирование, тарификация, системы оплаты, развертывание стахановского движения, трудовое право и т. д.) в отраслевых отделах и управлениях Главсевморпути, в теруправлениях, водных конторах и других хозорганах, а также непосредственно на предприятиях.

На предприятиях заводско-промышленного типа особое внимание должно быть обращено на разработку технически обоснованных норм выработки, устанавливаемых с учетом рационального использования организационных и технических ресурсов и опыта стахановцев.

Участок технормирования у нас особенно запущен, а между тем „Без технических норм невозможно плановое хозяйство“ и „Технические нормы — это большая регулирующая сила, организующая на производстве широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса“ (из речи товарища Сталина на Первом все-союзном совещании стахановцев). Работа по технормированию должна проводиться при непосредственном участии администра-

тивно-технического персонала и лучших стахановцев.

Необходимо обеспечить широкую организованную помощь стахановскому движению — дать конкретные указания, поставить учет, обмен опытом, возглавить стахановское движение на местах инженерно-техническим и руководящим хозяйственным персоналом.

Давно уже назрел вопрос о поставке оперативной отчетности. Необходимо учесть, что этот важнейший участок работы предоставлен по существу самотеку, а без регулярной информации о состоянии и динамике хотя бы основных показателей на ведущих предприятиях руководящие работники лишены возможности вести планомерную работу по вопросам труда и его организации.

Эта перестройка является неотложной задачей. Она потребует значительных усилий, в особенности в подборе и подготовке кадров.

Мы должны обеспечить вопросам труда и его организации то положение, которое соответствовало бы хозяйственному значению Севморпути и его возросшему удельному весу в общей системе нашего народного хозяйства.

А. МАНТЬЕВ

О ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Законодательство СССР предусматривает все необходимое, чтобы обеспечить здоровые, безопасные условия труда и нормального отдыха трудящихся. Партия и правительство уделяют большое внимание вопросам охраны труда и техники безопасности на производстве. На эти цели ежегодно ассигнуются большие средства.

Однако на практике работа в этой области ведется хозяйственниками и профсоюзами все еще неудовлетворительно.

VI пленум ВЦСПС отметил, что на многих предприятиях этому участку работ не было уделено нужного внимания, и там, где была ослаблена революционная бдительность, врагам народа удалось пробраться к руководству делом охраны труда и использовать технику безопасности во вред рабочим. Тов. Шверник в докладе на VI пленуме сказал, что только притуплением политической бдительности профсоюзов можно объяснить безнаказанное орудование вредителей в области охраны труда. Только забвение насущнейших интересов членов союза могло привести к позорным фактам, которые мы имеем в этой области.

В резолюции VI пленума говорится: „Профсоюзные организации, получив от государства такой мощный рычаг улучшения условий труда рабочих, как работу по

охране труда и технике безопасности, не сумели ее организовать и не создали действенного контроля широких масс над соблюдением советского трудового законодательства“.

Хозяйственники на предприятиях Севморпути охране труда и технике безопасности также не уделяли внимания. Профсоюзная же работа в период до организации своего союза была распылена между рядом отраслевых союзов (угольщиков, моряков, речников, рыбаков, сельхозработников и других), которые мало уделяли внимания сравнительно небольшим предприятиям Севморпути, к тому же далеко расположенным.

В частности же работу по технике безопасности само оргбюро ЦК нашего Союза начало организовывать только после доклада т. Шверника на VI пленуме ВЦСПС 28 апреля 1937 года.

Работа эта страдает еще многими недостатками. Большинство обкомов до сих пор не имеет технических и санитарных инспекторов.

В результате такой неорганизованности работы по технике безопасности — на некоторых предприятиях и на строительных площадках происходят частые нарушения законов о труде и правил по технике безопасности. Следствием таких нарушений являются не-

счастливые случаи на производстве и травматизм.

Например, проекты новых зданий и сооружений, особенно временного или вспомогательного характера, большею частью не согласовываются в порядке преднадзора с органами охраны труда. Построенные объекты пускаются в эксплуатацию (часто в не вполне законченном виде и с большими недостатками) не только без соответствующего разрешения, но даже без уведомления об этом органов охраны труда. Это нарушает ст. 138 Кодекса Законов о труде.

Постановление СНК СССР от 22 апреля 1937 года о передаче котлонадзора в ведение хозяйственников руководством Главсевморпути выполнено формально: отдан приказ о создании в составе Главсевморпути Инспекции котлонадзора, назначен (по совместительству) исполняющий обязанности начальника Инспекции котлонадзора и утверждено положение об инспекции. Но штата инспекторов нет, не использованы также возможности кооперирования надзора с другими ведомствами, и до сих пор котлы предприятий Севморпути работают без всякого надзора. А между тем в их работе допускаются нарушения правил безопасности.

Например, во Владивостоке на судовой верфи, очевидно для экономии места, горизонтальный паровой котел был поставлен вертикально. Когда запретили работу этого котла — администрация вышла из положения очень просто: взяли железную бочку из-под бензина, установили ее на горн и нагревали в ней воду, а образующийся пар направляли по трубам в лесосушилку. Когда и это было запрещено, начали устанавливать давно приобретенный и уже несколько помятый при длительном хранении новый котел.

В Амдерме работал паровой котел, протекающий по швам, с несколькими лопнувшими связями и другими недостатками.

На строительстве СРЗ в Мурманске чугунные секционные котлы, построенные для водяного отопления, хотели пустить в работу в качестве паровых котлов. Там же одну котельную для отопительных котлов построили так, что в ней не только работать, но и дышать нельзя было, а в отапливаемых домах было холодно.

Не лучше и в других областях работы. Так, газосварочные (ацетиленовые) мастерские в Мурманске были в безобразном состоянии — у газогенераторов водяные затворы не действовали, воломерного стекла не было, редукционные клапаны на кислородных баллонах не работали, а манометры у них или совсем отсутствовали, или не действовали.

Подобно этому обстоит дело и в газосварочной мехмастерской Моротдела в Архангельске: там в помещении, где расположен газогенератор, не имеется никакой

вентиляции, даже форточки, а дверь из него открывается в рабочее помещение (что запрещается правилами), куда попадает газ.

Электросварочные мастерские всюду в безобразном состоянии: изоляция проводов сильно попорчена, встречаются большие куски оголенных проводов, ручки у электродержателей вместо изолирующего материала сделаны металлические и обматываются тряпками и т. п.

В Амдерме подземная проводка рудника, даже в сырых местах, выполнена из обыкновенного осветительного провода, вместо бронированного или оцинкованного кабеля. Электрическая арматура в сырых местах (баня и прачечная) поставлена обыкновенная, а не герметическая.

На электрической станции в Амдерме трубы отработанных газов выведены так, что продукты горения во время работы дизелей вместе с воздухом засасываются в помещение станции и создают вредные условия для здоровья работников станции.

Во многих кузницах, в которых мы побывали, вентиляция недостаточна и работать приходится в испорченном воздухе, с примесью продуктов горения и сернистых газов.

На строительных при рытье котлованов не соблюдаются требуемые скосы земли у краев котлованов, бывают случаи травматизма от обратного скатывания выбрасываемых камней. Каталынные доски укладываются неправильно. Даже в таких опасных местах, как переходы через канавы и котлованы, прокладывают часто одну доску, вместо трех, и не делают перил по сторонам. Ограждение котлованов зачастую бывает недостаточное. Подмошки лесов и трапов делаются без сплошной зашивки и также с недостаточным ограждением.

Почти все строительные площадки сильно захламлены строительным мусором и отработанным деревянным материалом; при этом часто встречаются доски с торчащими гвоздями.

Рабочий инструмент зачастую находится в таком состоянии, что опасен для работы; например: рукоятки ручников и кувалд недостаточно закреплены или надломлены, на зубилах набиты грибы из заусениц и т. п.

Гаражи и ремонтные мастерские для автотранспорта в Амдерме, Архангельске и других местах находятся в плохом состоянии, создающем вредные условия для работы. Наблюдается также порча автомашин при вынужденном, из-за недостаточной вместимости гаражей, и плохо организованном безгаражном хранении машин.

Приведенный перечень далеко еще не исчерпывает всех недостатков и безобразных фактов по технике безопасности в нашей системе, плохая работа в этой области является следствием того, что никто этими вопросами в Главсевморпути не занимался

и не отвечал за них. Даже отсутствовало положение о работе по технике безопасности и не было уточнено — на ком лежит ответственность за постановку и состояние этой работы на предприятиях. Отсутствовал профсоюзный контроль за этим участком работы.

На предприятиях Севморпути отсутствуют производственный инструктаж и обучение безопасным методам работы вновь принимаемых и переводимых на другую работу рабочих. Хозяева и профсоюзные органы недостаточно уделяют внимания запросам и нуждам рабочих.

В работе по ликвидации последствий вредительства большое место должно быть уделено вопросам охраны труда и технике безопасности. Профсоюз работников Севморпути сделал в этой области еще очень мало.

Для достижения лучших результатов в этой работе необходима взаимная увязка между работой хозяйственных и профсоюзных организаций.

Руководство Главсевморпути утвердило составленное при помощи ЦК Союза работников Севморпути „Положение о технике безопасности и производственной санитарии на предприятиях и в хозяйственных организациях системы Главсевморпути“. В этом „Положении“ указано, на ком лежит ответственность за безопасность работ и за несчастные случаи; уточнены функции, права и обязанности как специальных работников по технике безопасности предприятий, так и ответственных за постановку этого дела лиц административно-технического и хозяйственного персонала, т. е. внесена ясность в распределение обязанностей, и этим ликвидирована обезличка.

Внедрение этого „Положения“ внесет оздоровляющую струю в развитие работ по охране труда, технике безопасности и учету несчастных случаев, который прежде велся очень неточно.

ЦК Союза работников Севморпути в развитие утвержденного ВЦСПС от 21 октября 1937 года положения о комиссиях по охране труда разослал на места письмо с инструктивными практическими указаниями по ускорению организации и налаживанию работ общефабзавместкомовских и цеховых комиссий по охране труда. При

этом письме была разослана и примерная программа работы этих комиссий.

В наиболее крупном предприятии Севморпути — на строительстве в Мурманске, а также в Архангельском обкоме представитель ЦК Союза оказал практическую помощь в организации комиссий и провел инструктивные беседы с лицами, выделенными для работы в комиссиях.

До организации этих комиссий вопросами охраны труда и техники безопасности в профсоюзных органах занимались только инспектора труда, которые, работая единолично, не могли полностью охватить такой большой и разбросанный участок работы. Теперь на этом участке будет работать многочисленный профсоюзный актив, представители которого будут не только во всех цехах, но и в каждой отдельной смене и группе рабочих. Каждое место работы должно быть тщательно обследовано, и опасные места должны быть ограждены. Надо изучить все причины несчастных случаев и принять меры к их обезвреживанию.

Эти же комиссии должны следить за состоянием культурно-бытовых помещений, за чистотой рабочих мест, за обеспечением спецодеждой, спецмолоком, мылом, охраной труда подростков, переводом беременных женщин на легкие работы и т. п. Комиссии эти должны помогать работникам по технике безопасности добиваться осуществления необходимых мероприятий.

Имеется еще один раздел работы по охране труда, который у нас выполняется слабо, — это разработка новых и пересмотр действующих правил и инструкций по технике безопасности. Основную часть этой работы — разработку проектов правил — должны выполнять хозяйственники и затем передавать их на согласование и утверждение профсоюзу. Но Главное управление Севморпути не осуществляет в этом вопросе должного руководства, а оперативные (специализированные) управления проявляют полную пассивность.

Охрана труда и техника безопасности на наших предприятиях пока еще поставлены очень слабо. Мобилизовав всю массу профсоюзного актива, мы должны и можем привести этот важный для охраны здоровья трудящихся участок работы в должный порядок.

ПО ПУТЕВКЕ ВЕЛИКОГО СТАЛИНА

Эта статья написана Героем Советского Союза М. С. Бабушкиным, погибшим во время аварии самолета „Н-212“ при возвращении из экспедиции по розыскам самолета Леваневского. Свою статью товарищ Бабушкин написал, еще будучи в Амдерме, перед вылетом в Архангельск, и посвятил ее годовщине завоевания Северного полюса.

В годовщину завоевания Северного полюса большевиками, в годовщину высадки на полюс героической папанинской четверки, доставленной туда на четырехмоторном советском воздушном корабле „СССР Н-170“, — невольно вспоминаются дни подготовки к этому замечательному полету.

Еще в Москве мы начали готовиться к наступлению на Северный полюс. О. Ю. Шмидт неоднократно останавливал нас, увлекающихся всевозможными перспективами полета: „Не увлекайтесь сильно, друзья мои, перед нами первоочередная задача — добраться до острова Рудольфа, в пути изучить и освоить как следует материальную часть самолетов и моторов. Поверьте мне: там, на Рудольфе, обстановка даст нам возможность правильнее решить, как наступать на полюс“.

Отто Юльевич оказался прав. Рудольф в корне изменил наши планы, так как суровые условия Севера, редко благоприятная для полета погода, частые и внезапно начинающиеся штормы, туманы — заставили отказаться от намеченного ранее одновременного полета на полюс всем отрядом, — решено было сначала отправиться туда одним самолетом.

Самостоятельный полет на Северный полюс нашего флагманского самолета „Н-170“ и постепенное присоединение к нам остальных самолетов полностью изменили наши планы пребывания на самом полюсе. Сначала мы думали провести там три-четыре дня, помочь папанинцам построить зимовку и затем возвратиться на материк. Но гостеприимная Арктика не так скоро отпускает гостей домой: нам пришлось прожить на полюсе 16 дней.

Столь долгое пребывание на Северном полюсе мы полностью использовали. Хорошо организовав зимовку папанинцев, великолепно наладив связь с Большой землей, изучив льдину, на которой папанинцам предстояло долгое плавание, познакомившись с окружающими льдами, — мы с гораздо большим спокойствием отправились на материк, зная, что оставляем своих друзей на самой крепкой, самой выносливой льдине.

Мы еще мало знаем Север: этот суровый край таит в себе много загадок. Сотни лет билось человечество над тем, чтобы познать их, разгадать их. И перед смелой папанинской четверкой советских энтузиастов, воспитанных коммунистической партией в боях за свободу, за социализм, стояла задача — проникнуть в эти тайны природы.

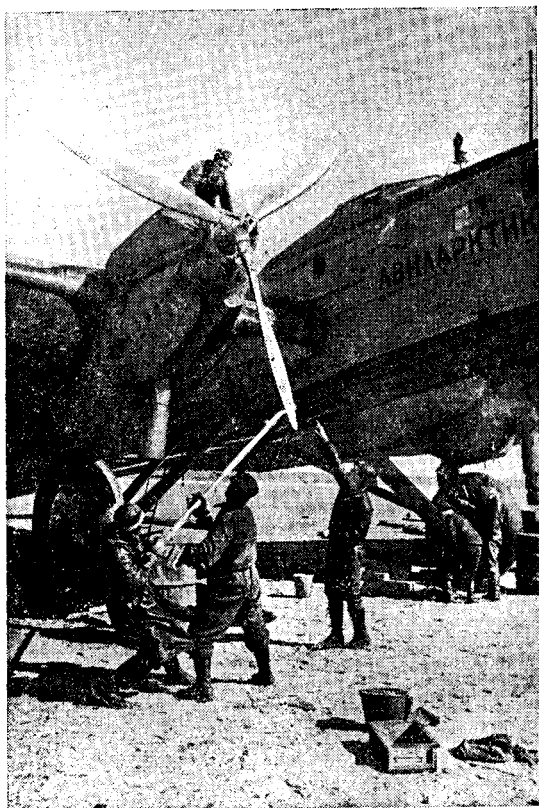
Наконец, настал день нашего отлета. Первым готовится к старту наш флагманский корабль. У самолета собрался весь экипаж. К нам подходят Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров. Последние рукопожатия, объятия, поцелуи, короткие напутственные слова, полные бодрости, силы, уверенности в предстоящей победе над стихией. Садимся в самолет. Две-три минуты подготовки к старту, и самолет плавно начинает разбег; вот, чувствуем, оторвался, повис в воздухе.

Набираем высоту, кружась над льдиной в ожидании, когда остальные самолеты поднимутся и присоединятся к нам. Наконец, последний самолет отрывается от ледяного поля. Там осталась маленькая группа людей — четыре человека. Они смотрят на наши самолеты.

Мысленно мы прощаемся друг с другом. Мы как бы говорим: „Счастливо плавать вам, друзья! Хотя мы и улетаем от вас, но сердца наши, мысли наши всегда с вами. Не только мы, — вся наша родина будет всегда с вами, до конца вашего плавания. Здесь, сейчас на этой маленькой льдине, вместе с вами бьются сердца всей великой Страны Советов. Это внимание, эта любовь всего народа согреют вас в полярную ночь, придадут вам силы для трудной работы“.

Так мы покинули Северный полюс, оставив плавать героическую четверку папанинцев. Эта четверка сумела оправдать доверие нашей страны, нашего советского народа, нашей большевистской партии, доверие великого, любимого Сталина.

21 мая будет у нас, полярников, днем праздника нашей большой победы на Севере. На работе славных папанинцев, на их самоотверженной борьбе с природой будут учиться поколения новых, молодых полярников, которые все глубже и глубже будут изучать, покорять суровую стихию, осваивать этот суровый край, выполняя желание великого Сталина — превратить недоступную прежде Арктику в цветущую окраину нашей необъятной родины.

На аэродроме в Амдерме

РУДОЛЬФ — СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС¹

По плану поисков самолета Леваневского „Н-209“ кораблю „Н-212“ предстояло выполнить полет по маршруту: Рудольф — Северный полюс, далее по нулевому меридиану до 88 градуса и обратно на Рудольф. Общее расстояние этого маршрута около 2000 километров.

Для выполнения полета необходима была хорошая погода в районе Гренландии, Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа и в Центральном Полярном бассейне.

В первых числах апреля антициклон распространился во всем нужном нам районе. Полет был намечен на 4 апреля в 2 часа. Штурманы-орденоносцы — старший лейтенант Саморуппо и капитан Шельганов — тщательно изучили маршрут полета; механики Крылов, Коротаев и Бойко и радист Хаапалайнен с особой придирчивостью проверяли материальную часть.

Нам предстояло проделать большой путь над ледяными просторами Арктики, повторить блестящие полеты к Северному полюсу героев нашей страны, поэтому каждый член экипажа старался, чтобы его материальная часть работала в этом полете безотказно.

Несколько дней подряд синоптик Клемин составлял синоптические карты, тщательно анализировал каждое изменение погоды на полярных станциях, „обеспечивая“ нам хорошую погоду на маршруте.

Перед полетом рация Рудольфа связалась с рациями Баренцбурга, Тихой и Диксона, дав задание им ежечасно сообщать погоду для передачи самолету сводок погоды. Небольшое опасение у Клемина вызывал циклон в районе южной части Новой Земли, но, учитывая хорошую погоду на маршруте и радиосвязь самолета с Рудольфом дважды в течение каждого часа, полет был назначен с условием возвращения на Рудольф в случае ухудшения погоды.

Наконец самолет полностью заправили бензином, маслом, погрузили на него продовольственный запас на два месяца, палатки, снаряжение, оружие, запасные части и все необходимое на случай вынужденной посадки. Общий вес его достиг 24 тонн.

Над полюсом решено было сбросить выпел СССР, для чего я использовал грузовой цилиндр с парашютом красного цвета. Внутри цилиндра были вложены надутые резиновые шары-пилоты, залитая сургучом бутылка, в которую вложена записка с указанием даты, состава экипажа, координат, цели полета, с просьбой нашедшего немедленно доставить ее в СССР, в Главсевморпуть. На цилиндре был нарисован герб Страны Советов.

3 апреля „Н-212“ был окончательно подготовлен к полету. После доклада начальнику экспедиции т. Бабушкину весь состав экипажа лег отдыхать.

Предстоящий полет меня немного волновал, поэтому я старался лишний раз все продумать, чтобы не забыть какой-нибудь мелочи, так как Арктика не прощает промахов.

Точно по намеченному плану, в 16 часов механики выехали на аэродром готовить самолет к старту. Низкая температура (—25°) требовала длительного подогрева моторов и всех агрегатов. На этот раз

¹ Передано по радио.

самолет не пришлось откапывать из сугробов, так как 31 марта мы на нем совершили девятичасовой полет, разыскивая „Н-209“, к северо-западу до нулевого меридиана, и с тех пор снег не успел его занести.

Вместе со вторым пилотом — старшим лейтенантом Глущенко — мы выбрали для старта длинную полосу на площадке с большим уклоном, которая обеспечила бы нам взлет на перегруженном самолете. Красные флажки и банки с дымом точно обозначили линию взлета.

Последнюю сводку погоды Клемин получил в 24 часа 3 апреля. Моторы работали исправно. Начальник экспедиции полет разрешил.

В 3 часа 5 минут 4 апреля самолет „Н-212“ оторвался от аэродрома и, сделав круг над зимовкой, лег в зону радиомаяка. Бортрадист Хаапалайнен немедленно установил связь с Рудольфом.

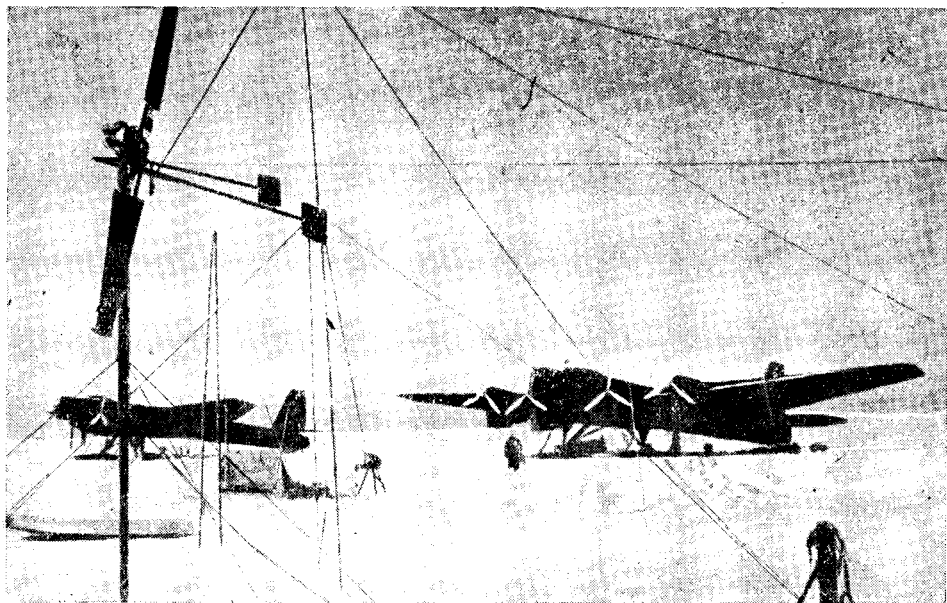
Медленно набирали высоту. Солнце было низко, но уже ярко освещало ледяные поля. В наушниках отчетливо слышались сигналы рудольфовского радиомаяка. Первый промер скорости показал, что мы идем со скоростью 217—220 километров в час. Это радовало.

Чтобы самолет точно выдерживал курс к Северному полюсу по 58 меридиану, включили ножное управление автопилота. Инженер Жутовский проверял работу всех приборов, фиксируя их показания. Штурманы Саморуппо и Шелыганов наносили на карту координаты и все данные, сообщая их по радио на Рудольф.

За управлением самолета мы с Глущенко сидели по очереди по часу.

Под нами мелкобитый лед, большие полыньи, разводья, трещины. Здесь нет места, где бы можно было посадить самолет.

Быстро пересекаем 82, 83, 84 параллели, идя точно по 58 меридиану. От 84° начинают появляться ровные ледяные поля, ярко освещенные солнцем.

Самолеты на станции „Северный полюс“

Станция на острове Рудольфа в полярную ночь

В 4 часа 45 минут наши координаты $84^{\circ}52'$ северной широты и 58° восточной долготы. Это координаты того места, где в 1937 году 6 июня мы вместе с Героем Советского Союза Алексеевым на корабле „Н-172“, возвращаясь с Северного полюса, произвели посадку, ожидая подвоза горючего с Рудольфа. Здесь до прилета Головина мы пробыли 68 часов. Тогда я не думал, что мне так скоро придется вторично лететь к Северному полюсу.

Высота 1000 метров, видимость отличная, начинаем усиленно следить за ледяными полями в надежде увидеть самолет „Н-209“. По заранее намеченному плану все свободные от вахты разместились у окон корабля.

Температура -25° , но в кабине теплее. Все ближе Северный полюс, который благодаря советским исследователям перестал быть загадкой.

Маяк слышно отчетливо, но недалеко от полюса связь на коротких волнах прекратилась, и Рудольф перестал нас слышать. Магнитные бури, присущие Центральному Полярному бассейну, вывели из строя короткие волны, и Хаапалайнен начал поддерживать связь на длинных волнах, это крайне усложнило ведение самолета по курсу и ориентировку. При работе на длинных волнах приходилось четыре раза в течение часа выключать радиомаяк.

Размеры ледяных полей начали увеличиваться, разводья затянулись тонким льдом, теперь где угодно можно было сесть самолету. Радостно на душе, когда уверенно режут моторы над безмолвной ледяной пустыней.

Все члены нашей экспедиции впервые летают в Арктике, но работают отлично.

Рудольф, Диксон, Тихая, Баренцбург непрерывно следят за нашим самолетом.

В 7 часов 20 минут мы проходим над Северным полюсом. Здесь в прошлом году мы высадили героев-папанинцев, блестяще завершивших свой девятимесячный дрейф до Гренландского моря.

Радирую т. Шмидту. На парашюте спустили вымпел СССР и грузовой пакет. Плавно раскрывается яркокрасный парашют и свободно раскачивается над вершиной мира. Через несколько минут видим, как он лег на лед, оставаясь здесь единственным свидетелем нашего полета. Может быть, этот пакет будет выброшен на Гренландский берег или подобран судном, тогда еще раз наука обогатится данными о дрейфе льда в Центральном Полярном бассейне.

Поворачиваем обратно, взяв курс левее. Везде большие ледяные поля, окаймленные торосами. Солнце высоко. Это позволяет вести самолет точно по меридиану с помощью солнечного указателя курса. Следим за льдом.

С Рудольфа сообщают о непрохождении коротких волн; прекратилась связь с Баренцбургом и Тихой.

Саморуппо и Шелыганов точно фиксируют координаты, время, высоту, скорость, температуру и показания приборов. Из-за отсутствия связи с Баренцбургом и Тихой прекратился прием сводок погоды. Это вызвало беспокойство у синоптика Клемина, который радировал нам, чтобы мы быстрее возвращались на Рудольф. Пока на маршруте прекрасная погода. Вскоре опять слышали сигналы радиомаяка. Путевая скорость резко уменьшилась, она составляет всего 150 километров в час; меняем высоты, набираем две тысячи, но скорость не увеличивается. До Рудольфа не менее пяти часов полета.

Проголодавшись, пьем горячий чай из термоса и закусываем хорошим завтраком, приготовленным искусным поваром с Рудольфа орденосцем Курбатовым.

Медленно тянется время за штурвалом, монотонно поют моторы. Температура — 30°. Куда ни кинь взор, везде сплошные ледяные поля, картина однообразная, лишь туманы над открытыми полынями слегка оттеняют льды.

С Рудольфа сообщают, что в районе острова появилась высокая облачность, но пока погода удовлетворительная.

Продолжаем следить за льдами, в надежде обнаружить самолет „Н-209“.

Мы в воздухе уже десятый час. Широта 83°30', долгота 56°20'. Чем ближе Рудольф, тем слышнее радиомаяк. Начинает немного беспокоить сплошная облачность, заставляющая нас снизиться до 100 метров. Видимость ухудшилась; внизу мелькает битый лед, много воды.

13 часов 30 минут, уже должны показаться острова архипелага, но облачность и сильный туман мешают их увидеть. С Рудольфа сообщают, что на аэродроме все готово к нашему приему.

Началась сильная болтанка, вдвоем с Глуценко с большим усилием ведем самолет.

Начальник экспедиции т. Бабушкин радирует, что аэродром на куполе закрывает туманом, поэтому нужно попытаться приземлиться у зимовки или продолжать полет до бухты Тихой, где подготовлена посадочная площадка.

Проходим над аэродромом в тумане, иногда просвечивают дымовые шашки, но сильная болтанка мешает вести корабль по прямой. Штурманы Саморуппо и Шелыганов быстро убирают приборы и уходят из носовой кабины назад. Сквозь туман видим, как на площадку с зимовки

бегут люди. Сильные восходящие потоки исключают подход на посадку туда со стороны мыса Аук. Передаю управление Глущенко и радирую Бабушкину, что попытаемся сесть на аэродроме Рудольфа; если же это не удастся, уйдем в Тихую.

Пилот Глущенко — прекрасный специалист слепой посадки. Быстро подсчитываем вес корабля, он составляет теперь 18 тонн; прибавляем скорость, и Глущенко уверенно ведет корабль на посадку. Проходим в сплошном тумане над куполом, ориентируясь показаниями высотомера и взятým направлением во время пролета над зимовкой. Быстро мелькает под нами снежный купол аэродрома, открываем окна кабины, и Глущенко выравнивает машину. Первый бортмеханик Крылов выбирает штурвал стабилизатора. Слегка даю газ, и самолет, плавно касаясь снега, бежит в сплошном тумане.

Все в порядке. 14 часов 5 минут. Дальше не рулим. Радист передает на зимовку о благополучной посадке.

На аэродроме пурга.

Доктор экспедиции Россельс и пилот Лисицин во время полета дежурили на аэродроме. Радостно встречают товарищи. Крепко обнимают и поздравляют.

Быстро закрываем моторы и уезжаем на зимовку.

Задание выполнили, пройдено 2000 километров за 11 часов. После проверки расчетов сообщаем героям-папанинцам, что были над их владениями.

И. СПИРИН

Герой Советского Союза

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

I

Я отдыхаю в доме отдыха „Сосны“. Кругом тишина, уют. За окном густой сосновый лес, покрытый снегом. Тишина и неподвижность в лесу часто сменяются красивым густым снегопадом.

Хожу на лыжах, занимаюсь спортом, играю на бильярде. Дышится легко и свободно. Но во время отдыха и тишины часто вспоминаются наши два полета на Северный полюс, шестнадцатисуточное жительство на льдине, полярные сумерки, полярная ночь со всеми ее причудами, фантастическими северными сияниями, арктическими туманами и пургой, от которых не мало пришлось натерпеться нашей экспедиции.

Передо мною встают отдельные эпизоды нашей жизни и работы в Арктике, трудные минуты, пережитые на необитаемом острове Райнер, на льдине и на мысе Меншикова. Но особенно незабываемым остается полет от мыса Желания до Амдермы, проходивший в особо суровой обстановке; и до сих пор кажется чудом, что все мы остались целы и невредимы.

После второго полета на полюс и за полюс в начале полярной ночи мы получили распоряжение из Москвы — закончить операции и возвращаться на Большую землю.

Ночью, в тяжелых условиях мы поднялись с острова Рудольфа и не без труда дошли до мыса Желания, где еще был очень короткий день.

...Через два дня, выждав погоду, мы собрались вылететь с мыса Желания в Амдерму. Все было готово: моторы прогреты, корабли

в порядке, люди на месте. Наш флагманский корабль после пробы моторов начал рулить к месту старта, но в этот момент под самолетом раздался оглушительный взрыв, напоминающий выстрел из пушки, машина резко накренилась: лопнула шина, — полет отставили.

Положение было очень затруднительное. Лететь нельзя, а ждать, что на мыс Желания смогут доставить новое колесо, бессмысленно, так как ни один пароход в это время года из-за льдов не смог бы сюда подойти. Оставлять же машину на мысе Желания, где обычно свирепствуют сильные ветры, доходящие до 11—12 баллов, означало бы обречь ее на слом.

Механики предлагали обмотать обод колеса широким канатом, изобразив, таким образом, нечто вроде покрышки.

Но взлет с таким колесом был рискован, и поэтому решили все же просить ледокол „Русанов“ доставить нам колесо из бухты Тихой.

Весь день ждали окончательного ответа от „Русанова“.

Поздно вечером от него пришел отрицательный ответ. Посовещавшись, решили вылетать на самодельном колесе, и уже ночью был объявлен аврал по изготовлению колеса с веревочной покрышкой.

При свете маленьких электрических лампочек производилась эта кропотливая, до сих пор не практиковавшаяся в воздушном флоте работа.

Руководил работой механик Сугробов. Общими усилиями канат натягивался на обод, расстилался в несколько рядов по нему и крепко сцеплялся проволокой.

Когда на ободе колеса было уложено несколько рядов толстого каната, т. Сугробов заплел его сверху еще тонкой, но крепкой веревкой, и колесо было готово. Правда, в диаметре оно было меньше, чем исправное колесо, отчего самолет стоял с большим креном на правое крыло и подниматься на нем было все же рискованно. Из-за неравенства диаметров колес машина могла пойти с резким разворотом направо и задеть консолью крыла о землю; от этого машина могла встать на нос и загореться. Но другого выхода не было, надо улетать.

К четырем часам утра колесо было готово.

За час до рассвета т. Дзержевский доложил, что погода не блестящая, но все же лететь можно. По всему маршруту облачность не ниже 200—300 метров; возможно, придется пересечь в одном месте фронт, который характеризуется небольшим снегопадом и несколько уменьшенной видимостью, а вообще видимость по маршруту не менее 10 километров.

Предвидя очень серьезный, рискованный старт и особенно посадку в Амдерме на машине с неисправным колесом, мы пересадили в другие машины всех своих пассажиров, второго пилота, т. Дзержевского и двух бортмехаников, оставив у себя минимально необходимый экипаж из пяти человек.

Все было готово.

— Что же, пойдем... — сказал мне Водопьянов.

Я уселся за второе управление. Водопьянов плавно дал полный газ, и машина медленно, неохотно двинулась с места, имея сильный правый крен, хотя мы заранее перекачали в левое крыло свыше тонны бензина и переложили кое-какой груз. Мощность моторам была дана до отказа.

Пробежав около 100 метров и набрав немного скорости, с трудом удалось парализовать крен, и с этого момента весь дальнейший разбег по видимому, совершался на одном колесе. Через несколько секунд

мы вздохнули с облегчением. Как будто гора свалилась с плеч — машина была в воздухе... Теперь оставалось долететь до Амдермы и главное — сесть.

После подъема я вышел в штурманскую рубку для навигационных измерений. Невольно бросив взгляд на большое колесо, я обомлел... канат при разбеге размотался и накрутился на ось, накрепко заклинив и без того уже поврежденное колесо. Посадка без поломки была невозможна.

Взяв на себя управление машиной, я предложил Водопьянову пойти посмотреть. Решили все же идти в Амдерму. Уж если сажать машину с повреждениями, то на Большой земле, а не здесь, в недостижимой зимой Арктике.

В начале пути стояла вполне удовлетворительная погода. Мы шли под самыми облаками, на высоте 300 метров, при видимости в 10—15, а иногда даже 20 километров, с небольшим встречным ветром.

Я радовался, что прогноз погоды удивительно сходится с тем, что нам говорилось перед вылетом. Но скоро в этом разочаровался. Уже через час, при подходе к заливу Благополучия, видимость начала становиться все хуже и хуже, и, наконец, мы попали в сплошной туман. Мы надеялись, что он простирается не очень широким фронтом и мы сумеем довольно быстро пробить его и выйти опять в благоприятную обстановку. Но туман крепчал, не предвещая ничего утешительного.

Мы шли вдоль берегов Новой Земли. Эта гористая земля с суровыми, отвесно спускающимися к воде берегами смутно вырисовывалась справа. Видимость впереди была максимально метров на 50. Двух остальных кораблей мы уже не видели. Часто запрашивая их по радио, я первое время получал очень невнятные ответы с корабля т. Молокова. Трудно было понять — где он, но было ясно, что он летит. От Алексева никаких донесений не было, это внушало нам большое беспокойство.

Погода становилась все хуже. Берег, от которого мы шли на расстоянии около ста метров, временами стал совсем скрываться. Мы стали держаться еще ближе к берегу, чтобы видеть его.

Часто впереди нас на очень близком расстоянии неожиданно появлялись заливы, мысы, большие высовывающиеся из воды скалы. Мы осторожно в тумане огибали их, внимательно вглядываясь вперед.

Через полчаса полета в сплошном тумане неожиданно справа, совсем близко от нашего самолета, мы увидели силуэт другого корабля. Это был „Н-171“; от „Н-172“ попржнему не было вестей.

Лететь становилось все труднее и труднее. Я запросил погоду от Амдермы и Матшара. Амдерма давала — ветер 10 баллов, высота облаков 50 метров, туман при снегопаде, видимость 2 километра.

Надо было пробиваться хотя бы в Матшар и попытаться там сесть в заливе Канкрин. Мы передали туда распоряжение, чтобы приготовили аэродром и костры. Но до Матшара лететь еще далеко, а туман все густел, плотной стеной обволакивая наш самолет.

Мы шли на высоте 100 метров. Неожиданно на нашем пути совсем близко вырисовывается высокая скала. Самолет шел прямо на нее... Резкий разворот дал возможность в самый последний момент избежать удара о скалу. Положение становилось чрезвычайно серьезным. Управлять приходилось вдвоем. Мы уговорились с Водопьяновым — каждому смотреть в свою сторону и, когда появится какая-либо опасность, быстро и самостоятельно на нее реагировать; другой в это время не препятствует движению рулей.

Наш тяжелый, четырехмоторный корабль был не очень юрок, а погода на удивление плохая, поэтому надо быть готовым к любым выкрутасам, чтобы не налететь на какую-нибудь скалу и не разбиться вдребезги.

К туману прибавился еще резкий порывистый ветер, машину сильно бросало. Все внимание — вперед... До предела утомляются глаза; ошутительно напрягаются мышцы рук, ног, градом катится пот, — но мы упорно продвигаемся вперед, стараясь дотянуть хотя бы до Матшара.

С моей стороны — смутно виднеющийся берег земли, вокруг корабля отдельные густые хлопья тумана, которые часто закрывали даже консоли крыла. Начался небольшой снегопад. Внизу виднелась белая пена волн.

Неожиданно, опять перед самым носом самолета, вырисовывается скала крутого берега, вероятно, какого-то мыса, от которого нам также удастся уйти в самый последний момент.

Но едва увильнули от этой скалы и, как нам казалось, отошли немного от берега в море, как я заметил впереди что-то огромное, белое, неумолимо и грозно надвигающееся на наш самолет. Привыкнув к черным, голым скалам берега, я совсем не ожидал встретиться с огромной горой, покрытой снегом. Свернуть направо — это значит наверняка налететь на какую-нибудь скалу, свернуть налево — тоже казалось невозможным, так как эта снежная глыба далеко уходила вперед, несколько загибаясь влево. Мы были зажаты как бы в полукольце.

Я дал полный газ всем четырем моторам и, с набором высоты, положил машину в левый крен, стараясь развернуться налево. Гора надвигалась... Я еще раз увеличил крен. „Что ты делаешь?“ — кричит Водопьянов. Глазами показываю ему на гору, но он ее не видит: она с моей стороны. Когда мне казалось, что мы вот-вот врежемся в эту гору, я до отказа нажал левой ногой и положил машину почти в вертикальный вираж. Удивительно — как эта громадина могла устоять в воздухе в таком положении! Мне казалось, что сейчас произойдет удар, и я с замиранием сердца ожидал его, полагая, что на этом все будет кончено...

В этот момент машина резко скользнула на левое крыло. Это, повидимому, увеличило и ускорило разворот налево и спасло нас от катастрофы.

Почувствовав, что мы падаем вниз, и не видя ничего вокруг, мы оба почти одновременно повернули рули в обратную сторону и по приборам привели машину в нормальное положение.

Совсем близко, под крылом самолета я заметил воду. До сих пор удивляюсь — как мы не задели за поверхность воды, а может быть даже слегка и задели, но не заметили.

Впереди опять вырисовывался берег. Совсем низко, осторожно, мы пошли вдоль него. Отдельные скалы вырисовывались то справа, то слева. Мы шли, напряженно вглядываясь вперед. Вскоре заметили одну очень характерную скалу, похожую на двугорбого верблюда.

Через некоторое время, когда я намеревался возможно точнее поставить машину на курс, — услышал голос Водопьянова: „Опять эта гора!“... Я посмотрел на него, он недоумевающе развел руками. Действительно, под нами был тот же самый мыс, похожий на двугорбого верблюда. Я сразу сообразил, что, повидимому, это один из островов Крашенинникова, вокруг которого, в сплошном тумане, мы обошли два раза.

Положение становилось очень серьезным.

— Пойдем в море! — кричит Водопьянов.

— Подожди, — говорю ему, — пройдем еще немного. Единственное наше спасение — Матшар, куда и надо пробираться.

Но через минуту я согласился с ним; действительно надо идти в море, подальше от этих каверзных гор.

Ломаем курс на 90° влево. Выходим в открытое Карское море. Рассчитываю курс, настраиваю радиокompаса, идем в Амдерму. Через полчаса полета начался сильный снегопад. Попытка набрать высоту и идти в облаках не увенчалась успехом: едва только мы вошли в облака, как машина начала обледеневать. Пришлось идти низко, над водой.

Карское море бушевало. Гигантские волны пенились под самым крылом самолета. Мы шли с встречным ветром. Через каждые 15 минут запрашивали погоду Амдермы и близ нее расположенных населенных пунктов: Юшара, Вайгача, Варнека, Нарьян-мара. Через каждые 15 минут ко мне подходил Сима Иванов с донесениями этих пунктов. Повсюду был сплошной туман, снегопад, видимость от нуля до 50 метров, при сильном порывистом ветре. В Амдерме погода была еще хуже — ветер в 11 — 12 баллов, видимость — ноль, туман, сильный снегопад.

Облачность, туман, снег буквально давили самолет книзу. Порой казалось, что мы вот-вот заденем колесами за воду. Впереди ничего не видно.

Стараемся вести самолет на повышенную скорость, но замечаем, что скорость падает. По очереди с Водопьяновым все прибавляем и прибавляем обороты моторам. Наконец, моторы работают уже на полной мощности, а скорость упала до 140 километров и даже меньше. Залепленные снегом стекла наводят меня на мысль, что у нас забросало снегом приемники указателя скорости.

Этого еще не хватало!.. Немедленно включаем обогрев, и через две минуты скорость стала быстро нарастать.

Мы летим уже два с половиной часа в сплошном тумане и снегопаде. Никакого улучшения, никакого просвета.

— Сколько бензина? — кричу т. Бассейну. Он сообщает, что запас бензина достаточный.

По сводкам погода в Амдерме и во всей округе не только не улучшается, а резко ухудшается. Вести самолет становится все тяжелее и тяжелее. Наконец, пошел такой сильный снег, что даже белую пену волн почти под самым крылом невозможно было различить.

В открытое окно я высунул голову, чтобы хоть что-нибудь разглядеть под собой. Ветер быстро сорвал с меня шапку и унес в море.

Прошел еще час мучительного полета, еще час этой бешеной скачки над беснующимся морем, в неистовом снегопаде и густом тумане. Наконец, к нашей радости, видимость стала немного улучшаться, и мы смогли подняться на 150 метров от воды.

Изменили курс, намереваясь подойти к берегам Новой Земли. Мы давно уже пролетели Матшар и теперь подходим к южной оконечности Новой Земли. Выходя к берегу, мы неожиданно увидели один из наших самолетов. Он нас не видел. Я тщетно вызывал его по радио, но никакого ответа не получил. Как позднее выяснилось, это был самолет т. Молокова.

Беспрестанно запрашиваем Амдерму, но там погода без изменения.

Единственное место для посадки в Амдерме — песчаная коса — заливается волнами бушующего моря, направление ветра — не вдоль этой косы, а поперек нее. Садиться на неисправном самолете при боковом ураганном ветре на заливаемый волнами аэродром, при видимости ноль

и при сплошном снегопаде — это значит наверняка разбить машину, а может быть и самим убится.

— Давай сядем где-нибудь здесь, — говорит Водопьянов. Долго советовались.

— Надо садиться, — говорю я, — где-нибудь около жилья.

— Да где его здесь найдешь, жилье-то? — возражает Водопьянов.

Я вспомнил, что на самой южной оконечности Новой Земли, на мысе Меньшикова, есть маяк и, как нам показалось с самолета в прошлый полет, — маленький домик. Мы решили сесть около этого маяка.

Упорно пробиваемся вперед. Слегка прояснившаяся погода начинает снова портиться: опять туман и небольшой снег. Наконец, подходим к мысу Меньшикова.

— Ну что же, садимся? — спрашивает Водопьянов.

Я отвечаю утвердительно.

При сильном ветре нужно постараться посадить машину на одно колесо. Пошли бреющим полетом над мысом, над не совсем ровной, абсолютно лишенной снега поверхностью. Бросили дымовую ракету и строго против ветра заходим на посадку. Земля все ближе и ближе.

— Выключай! — слышу голос Водопьянова.

Я нажимаю аварийный контакт, и все четыре мотора одновременно останавливаются. Машина с левым креном подходит к земле, бежит на одном колесе, потом, с потерей скорости, опирается на замотанный канатом обод второго колеса, резко разворачивается направо, мы парируем это рулем направления и элеронами, но заворот продолжается еще резче, крен увеличивается, машина едва не задевает крылом за землю; наконец, резкий рывок, и я чувствую, что машина пошла на нос. „Капут“, мелькнуло в голове. Действительно, этот гигант высоко поднял хвост и на мгновение застыл в таком положении, не коснувшись носом земли. Вдруг я услышал зычный крик Водопьянова:

— Что ты делаешь? Встань назад!

Машина постояла в таком положении с минуту и, как бы слушаясь его, резко стукнулась хвостом, встав в нормальное положение.

Через секунду я соскочил со своего места, выбежал в переднюю рубку и с изумлением увидел, что машина совсем невредима.

Трудно было удержаться от радости.

— Цела! ... Цела! ... — кричал я.

Общий вид Амдермы летом

II

Мы сели в четверти километра от берега Карского моря и в одном километре от маяка.

Шел мокрый снег. Было мглисто и напоминало нашу мокрую погоду глубокой осенью. Низкая облачность плотно прикрывала небо, густая дымка значительно ограничивала видимость. Кругом было сыро, дул сильный, порывистый ветер, снег валил густыми хлопьями и тут же таял, оставляя небольшие белые пятна на полузамерзших кочках и покрытых льдом впадинах однообразного тундрового ландшафта.

Метрах в пятидесяти от самолета виднелось небольшое озеро. Оно было покрыто тонким льдом, сверху которого во многих местах проступала вода. Сквозь лед и прозрачную воду было видно усеянное галькой неглубокое дно.

Самолет стоял, накренившись на правую боковую ногу, причем обод колеса по ось ушел в почву. Сильные порывы ветра, доходящие до 9—10 баллов, били со стороны левого колеса и увеличивали крен направо.

Мы очень беспокоились за целостность машины. При малейшем усилении ветра ее могло перевернуть и поломать. Поэтому мы сейчас же начали рыть канаву под левым колесом, с тем, чтобы, опустив его в канаву, самолет стал в нормальное положение.

Киркой и лопатами мы долго ковыряли каменистую, туго поддающуюся почву. Вскоре вся наша одежда была мокрой и до неузнаваемости вымазанной в грязи.

Возник вопрос: как втянуть машину в только что вырытую канаву? Обычно достаточно бывает повернуть машину за хвост на несколько метров, и она встает на место. Но для этого нужно было по крайней мере человек 50. Нас же было всего 5 человек, разве могли мы свернуть такую машину с места? Поэтому мы отправились на берег моря, где еще при посадке заметили большое количество плавника.

Море бушевало. Огромные волны с шумом и пеной ударялись о берег, высоко вздымая брызги и обдавая берег ледяной водой. В результате этого шторма весь берег был покрыт толстым слоем льда. Бревна, выброшенные морем на берег, сильно обледенели. Мы выбрали несколько штук потоньше и, используя их как рычаги, с трудом смогли передвинуть хвост самолета, утопив левое колесо в вырытую яму и поставив, таким образом, самолет в нормальное положение.

Работу закончили ночью, в полной темноте. Еще засветло мы послали т. Бассейна обследовать местность, дойти до маяка и узнать, кто живет в домике. Через час — полтора Бассейн вернулся и сообщил, что никакого домика нет, а есть наспех сбитый из ветхих досок сарай, без крыши и без одной стены, повидимому служивший для склада материалов при постройке маяка. Самый же маяк — автомат, с запасом питания на шесть месяцев. Одним словом, ничего живого вокруг нет.

Это нас очень печалило. Насквозь промокшие, голодные, усталые, мы очень нуждались в теплом помещении для отдыха и, особенно, для просушки одежды, но приходилось довольствоваться только нашим самолетом, насквозь продуваемым ветром.

После исключительно тяжелого полета ломило руки и ноги, хотелось отдохнуть в тепле и поспать, крепко поспать... Но у нас еще не было связи с Большой землей. Мы поспешили сообщить о себе в Амдерму с помощью самолетной антенны, но слышимость была плохая,

и ответа из Амдермы мы толком не получили. Необходимо было установить настоящую радиомачту с мощной антенной. Вытащили нашу складную металлическую радиомачту; поставить ее ночью, в девятибалльный ветер, при снегопаде — стоило больших трудов. Металлические колышки для закрепления расчалок не вбивались в рыхлую землю, а до слоя вечной мерзлоты они не доставали. Работу осложняло еще отсутствие света: у нас был только один карманный фонарик.

Часа через два мачту все же удалось поставить, натянули антенну, и через 15 минут мы уже свободно разговаривали с Амдермой.

Наконец-то мы могли закусь галетами и консервами, а главное — согреть себя горячим чаем. Усталость брала свое. Около полуночи мы надули свои резиновые матрацы и, раздевшись, залезли в спальные мешки.

Нам нужно было новое колесо. Амдерма сообщала, что колеса затребованы из Архангельска и через 2—3 дня будут посланы на пароходе „Вологда“. Ждать при таких условиях было невозможно. Запросив, имеется ли в распоряжении Амдермы какое-нибудь судно и получив утвердительный ответ, мы дали распоряжение снять одно колесо с самолета т. Молокова и с этим судном срочно доставить нам. Но оказалось, что в Амдерме, также как и у нас, на мысе Меньшикова, все еще свирепствовал шторм и снимать колесо при ураганном ветре было невозможно. Приходилось ждать, пока утихнет ветер. На этом и порешили — при первой благоприятной погоде маленькая шхуна „Вихрь“ доставит колесо. Нам предстояло прожить здесь несколько суток. Назначили следующий срок связи и занялись приведением своего хозяйства в порядок.

На каждого из нас приходилось по три спальных мешка, так как пересаживаемые с нашего самолета пассажиры мешков с собой не взяли. Не взяли они и десять резиновых матрацов, которые мы расставили в среднем отсеке фюзеляжа, загородив ими и спальными мешками места, откуда больше всего проникал в кабину ветер. На резиновые матрацы на полу постелили несколько малиц, мехом наружу. Стало немного тише, хотя ветер все еще проникал через какие-то невидимые отверстия. По-прежнему было холодно.

На следующее утро неожиданно наступил мороз в 18°.

Днем мы полулежали на разостланных малицах в полном полярном обмундировании, в теплых шапках, а около нас непрерывно горели два примуса, служившие нам печками. И все же в этом жилище нельзя было сидеть без перчаток.

Сегодня дежурный „по кухне“ — Бассейн. Он молчаливо возится, творя из крупы, сухого картофеля и других „снадобий“ какую-то оригинальную похлебку, нечто среднее между супом и кашей. Наконец обед готов. На Большой земле, вероятно, никто и в рот бы не взял этой бурды, но нам она казалась замечательной. Главное — она была горячей, а мы так нуждались в тепле. Все ели с аппетитом, хвалили и были довольны.

Во время вечерней связи с Амдермой нам сообщили, что с зимовки Лагерная, единственной зимовки на южной оконечности Новой Земли, расположенной от нас километрах в пятидесяти, к нам вышла на собаках партия с продовольствием. Пурга не унималась, мы очень беспокоились: как эти люди, едущие к нам на собаках, смогут добраться и разыскать нас. Опробовали наши пистолетные ракеты и даже разожгли одну большую посадочную ракету. Ими мы сигнализировали о нашем местонахождении. Белые, зеленые и красные ракеты при выстреле из пистолета

высоко взвивались вверх и феерично освещали довольно большое пространство земли. Вероятно, их можно было видеть очень издалека.

Мы с нетерпением ждали гостей...

На другой день я проснулся очень рано от сильного холода — я спал в крыле. К своему удивлению, я заметил, что весь мой спальный мешок занесен снегом, а в щели за ночь надуло буквально целые сугробы. Самое мучительное было вылезать из мешка. Эту операцию стараешься проделать как можно скорее; быстро натягиваешь на себя меховую одежду и все же под конец одевания сильно замерзаешь. Долго после этого приходится прыгать и разогреваться.

Первая связь у нас обычно устанавливалась с раннего утра. За ночь моторчик застывал и упорно не запускался. Приходилось сильно дергать его за трос и резкими рывками приводить в движение. Занимались мы этим по очереди и основательно разогревались.

После этого дежурный начинал готовить завтрак. Он состоял из чая или какао, галет, икры и разогретых мясных консервов.

После завтрака мы окончательно согревались, но не надолго, на сильном морозе теплота как-то быстро исчезала, и уже через полчаса или через час мы снова ощутительно нуждались в тепле.

Наступил третий день нашего сиденья на безлюдном, суровом мысе Меньшикова.

После завтрака решено было пройти к маяку и подробно обследовать местность. Мы кругом обошли и исследовали озеро около самолета, откуда мы брали пресную воду; прошли вдоль скалистого, обрывистого берега Карского моря до самого мыса, на котором стоял маяк. Море попрежнему бушевало. Сильный ветер не позволял подойти близко к воде; огромные волны, ударяясь о скалы, далеко выбрасывались на берег. По берегу моря много было выброшено каких-то ящиков, боченков, остатков шлюпки, повидимому погибшей в один из штормов.

Мы залезли на маяк, подробно осмотрели его автоматическое устройство. С самой вышки маяка интересно было наблюдать за штормующим морем.

К обеду пошли „домой“. День был очень короткий, начинало расцветать в 8 часов 30 минут, а в 12 часов 30 минут уже было темно.

Регулярно через каждые 2—3 часа я давал 5—6 выстрелов ракетами с тем, чтобы привлечь внимание идущих к нам из Лагерного людей.

Через несколько дней мы узнали, что вышедшая из Лагерного санная партия из-за пурги вернулась обратно.

После обеда обычно начинались какие-нибудь рассказы об авиационных случаях, иногда читали вслух единственную книгу, оставшуюся у нас на самолете, или играли в подкидного дурака с записью после каждого проигрыша по одной букве слова „дурак“. Игра эта была очень азартная, — как говорят, не на жизнь, а на смерть, — потому что, по правилу, проигравший должен был сдавать карты для новой игры, а для этого надо было снимать рукавицы. Это-то и было самым мучительным. Обычно сдающий быстро снимал меховые рукавицы, долго грел руки над огнем примуса и, наконец, быстро начинал сдавать. Во время сдачи также несколько раз приходилось греть руки над примусом. Выигравшие дружески подтрунивали над проигравшими. Играли парами: я с Симой Ивановым, Водопьянов с Петениным; Бассейн обычно сидел рядом и принимал участие лишь в насмешках над проигравшими. Водопьянову и Петенину не везло — они почти каждый раз проигрывали, поэтому нервничали и ругали друг друга за неправильные ходы. Особенно

переживал Михаил Васильевич, он буквально не давал житья Петенину за какой-нибудь его оплошный ход. Это нам с Симой доставляло большое удовольствие, и мы еще больше подливали масла в огонь. Чаще всего Петенин признавал свои ошибки и по нескольку раз подряд сдавал карты для новой игры. Когда руки коченели окончательно, игра прекращалась.

О чем только не было переговорено, чего только не было рассказано за эти десять долгих полярных вечеров. Как-то Водопьянов даже рассказал очень длинную сказку об Алеше Поповиче. Он рассказывал часа два, и все мы ее слушали с большим вниманием.

В 12 часов ночи — снова связь с Амдермой, затем ужин и сон. Снова предстояла неприятная операция, — нужно было раздеться, прежде чем лезть в мешок. Мы буквально сдергивали с себя одежду и, нырнув в мешок, долго еще дрожали от холода. Мешок имел массу неудобств: во-первых, в одном мешке было холодно, поэтому мы спали в двух мешках, вдетых один в другой; но, закрывшись с головой, нечем было дышать, хотя и скорее согреваешься, открыт же верхний клапан было невозможно — голова и лицо сильно мерзли. Обычно под голову я клал свой летный пиджачек на беличьем меху и крепко закутывал им голову, оставляя маленькое отверстие для воздуха. Но ночью очень часто я просыпался от холода: шевелясь во сне, я нечаянно разворачивал это теплое „гнездышко“, и лицо начинало мерзнуть.

Так проходили дни и ночи... На пятый день нам сообщили, что „Вихрь“ вышел к нам с колесом. Мы ликовали. Высчитывали, сколько нужно ходу этому, так называемому, судну до нас, даже запросили у капитана все данные на этот счет. Приготовили ракеты, заранее осмотрели берег, где следует выгружать колесо. Одним словом, настроение поднялось!

Но каково же было наше разочарование, когда на следующее утро по радио из Амдермы нам сообщили, что „Вихрь“ из-за сильной волны и обледенения вернулся назад.

Начали подумывать о том, чтобы вылетать как-нибудь своими средствами, но наше поврежденное колесо окончательно заклинилось намотавшимся на ось канатом и сильно вмерзло в землю. Тем не менее мы все же решили вытащить самолет из ямы и попытаться улететь. С утра приступили к работе. Она шла медленно, мы сильно и часто уставали, может быть от недостаточной калорийности питания, а скорее всего от систематического и изнуряющего мороза. Чувствовалась какая-то слабость организма. Например, надо было с берега моря принести несколько бревен для того, чтобы, подкладывая их под домкрат, подымать машину из ямы. Отыскав нужное бревно, мы с Симой взвалили его на плечи и понесли к самолету. Бревно было не тяжелое, и нести его нужно было всего четверть километра. Такое бревно сейчас пронесешь один, и не четверть километра, а значительно больше. Тогда же нам с Симой пришлось на этом расстоянии несколько раз отдыхать. Кроме того, все мы были простужены — у меня сильно болело горло, у Симы Иванова была общая слабость, повышенная температура и тоже болело горло. Повидимому, это и вызвало его дальнейшую серьезную болезнь и смерть. У Водопьянова начали болеть челюсти, разбитые в Сибири во время аварии.

Приближалось Седьмое ноября. Мы получили много приветственных жоздравительных телеграмм. Было обидно, что не удалось нам, как мы предполагали, встретить этот праздник в Москве.

6-го мы с вечера отправились на берег моря с пилой, топором и бидоном бензина, навалили большую кучу плавника, и 7 ноября у нас весь день горел огромный, замечательный костер, а мы сидели около него, грелись и разговаривали о том, как замечательно, радостно наверное, проходит в стране празднование двадцатой годовщины Октября.

Наконец, на девятые сутки, когда наша работа по вытаскиванию корабля из ямы подходила к концу, мы неожиданно получили по радио извещение о том, что „Вихрь“ снова вышел. На этот раз море было значительно спокойнее, хотя дул небольшой западный ветер.

Всю ночь мы следили за продвижением „Вихря“, всю ночь не сомкнули глаз, разговаривая по радио с капитаном этого судна, подбадривая его тем, что у нас море совершенно спокойное, ветер слабый и, на худой конец, с южной стороны есть бухта, где всегда его судно может укрыться от волнения.

В 24 часа „Вихрь“ сообщил, что он пересекает Карские Ворота. Мы снова разожгли большой костер на берегу моря и поминутно пускали ракеты, чтобы „Вихрь“ нас сразу нашел. В четвертом часу вдали показались слабые огни судна, а через час к нашему костру пристала шлюпка с матросами корабля и с остальным экипажем нашего самолета, во главе с механиком Морозовым.

Радости — не было конца! Кроме колеса они привезли с собой много продовольствия и даже несколько бутылок вина и спирта, которого у нас не было ни капли.

Нас с Водопьяновым пригласили в гости на судно. Встретила нас вся команда во главе с капитаном. Он рассказал нам об этом походе. Мы многого не знали, не знали, что этому судну стоило больших трудов пройти даже в такую волну, в которую он только что пришел к нам, не знали, как леденела эта шхуна при первом походе.

К 12 часам дня 11 ноября привезенное колесо было поставлено на место, мотор разогрет, и мы вскоре поднялись в воздух, пробили туман над Карскими Воротами и в половине третьего были в крепких объятиях всех остальных участников нашей экспедиции.

Т. КАРАВАЕВА

- СТАРЕЙШИЙ ПОЛЯРНЫЙ ЛЕТЧИК

М. С. Бабушкин

18 мая в Архангельске во время аварии самолета „Н-212“ погиб Герой Советского Союза Михаил Сергеевич Бабушкин.

Из семьи полярников смерть вырвала мужественного и отзывчивого товарища, старейшего полярного летчика, много трудов вложившего в дело освоения Советской Арктики.

Михаил Сергеевич Бабушкин прошел долгий и трудный жизненный путь. Родился он в 1893 году в рабочей семье. Получив только низшее образование, он вынужден был бросить учебу и помогать семье, — поступил „мальчиком“ в магазин. Вдосталь испив эту участь „мальчика на побегушках“, Бабушкин перешел на производство и восемнадцати лет уже был слесарем-монтажником.

В 1914 году сотни тысяч семейств со слезами провожали своих сыновей на кровавую империалистическую бойню. Не избежал этой участи и Михаил Бабушкин. С начала империалистической войны он был призван рядовым.

В первый же год войны ряды кадровых летчиков значительно поредели, а тяга офицерства в авиацию прекратилась. По армии был объявлен приказ об откомандировании в Гатчинскую авиационную школу наиболее способных нижних чинов. В эту школу был направлен Михаил Бабушкин. Молодой и способный слесарь быстро освоил все премудрости авиационного дела и по окончании школы был оставлен при ней инструктором. Здесь застала его Октябрьская революция.

В грозные годы гражданской войны — Бабушкин на фронте. Вместе с партизанскими отрядами пережил он „боевые ночи Спска“, отбивая этот город от белых банд.

В 1921 году, когда смолкли артиллерийские канонады и враг был отброшен за советские рубежи, Бабушкин снова вернулся на инструкторскую работу. Десятки молодых летчиков воспитал он для родной страны за время работы в авиашколе.

В 1923 году Бабушкин демобилизовался и перешел в Гражданский воздушный флот на линейную работу.

Далеким Север, суровая и неизведанная Арктика давно манили к себе пилота. В 1926 году Михаил Сергеевич впервые попадает на Крайний Север, будучи послан в горло Белого моря проводить разведку залежек зверя. На маленькой сухопутной машине он часто летал над морем, над ледяными нагромождениями, разыскивая ледяные поля, усеянные стадами тюленей, лениво греющихся на солнце.

Однажды на льдине унесло в море двух зверобоев. Несколько дней в море свирепствовал шторм. Бабушкин неоднократно вылетал на поиски, но сильный туман скрывал льды от взора пилота. Только на шестой день прояснилось, и Бабушкин обнаружил полуживых зверобоев, сбросил им продовольствие, теплую одежду и дрова, а затем указал к ним путь ледоколу.

Этот случай сильно раздосадовал летчика: он нашел потерпевших бедствие людей, его машина свободно могла их вместить и доставить на землю, но... в летной практике никогда не было случаев посадки на лед. Летая на разведки, Бабушкин часто видел ровные ледяные поля, по размерам вполне подходящие для посадки самолета, но он не знал, какова толщина этих льдин, достаточно ли ровная поверхность и т. д.

М. С. Бабушкин

Авиатор решил заняться изучением льда. Однажды, во время зверобойной кампании, найдя на льдине большую залежку тюленей, Бабушкин, вместо того чтобы передать по радио о ее расположении, решил лично рассказать об этом капитану. Подлетев к ледоколу и выбрав подходящую льдину, он пошел на снижение и, к удивлению всех окружающих, опустился на льдину. Это была первая посадка на лед советского летчика.

С тех пор Бабушкин все чаще и чаще стал применять посадки на лед, научившись с воздуха определять подходящие площадки.

В 1928 году потерпел аварию дирижабль „Италия“. В спасении его экипажа активное участие принимал Советский Союз. Бабушкин участвовал в спасательной экспедиции на ледоколе „Малыгин“ и за это время, летая в трудных метеорологических условиях, произвел пятнадцать посадок на лед. За участие в этой экспедиции он был награжден орденом Красного Знамени.

Летая в Средней Азии и в других районах Союза, весной Бабушкин всегда возвращался на Север. Изучив льды, он безошибочно определял их с воздуха, выбирая наиболее удобный путь для ледоколов к залежкам зверя. Так возникла идея о ледовой разведке для идущих в северное плавание кораблей.

Повторяя рейс „Сибирякова“, в 1933 году отправился в плавание ледокольный пароход „Челюскин“. На его борту впервые приняла „права гражданства“ маленькая амфибия „Ш-2“.

Капитан Воронин считал это лишним грузом; будучи истым моряком, он скептически относился к возможностям полярной авиации.

Однажды в Карском море „Челюскин“ остановился перед сплошными ледяными полями. Бабушкин предложил капитану Воронину вылететь с ним на разведку, так как капитан лучше сможет определить окружающую обстановку и возможности для дальнейшего продвижения своего корабля. Воронин нехотя согласился. Но когда самолет взмыл на несколько сот метров и перед ним в легкой синеватой дымке открылась ледяная панорама, капитан сразу оживился. Он внимательно стал вглядываться в ледяные поля и разводья. За сорок минут полета они обследовали огромный район. После этого случая Воронин стал постоянным спутником Бабушкина в его ледовых разведках.

В Чукотском море, не выдержав суровых ледяных объятий, погиб „Челюскин“. Дружный коллектив парохода, высадившись на льдину, начал обживать ее, строиться, прибирать спасенные вещи, проводить научные работы, а главное — расчищать аэродромы для принятия самолетов, летящих на помощь. Это был сизифов труд: расчищенные с огромным напряжением и усилиями аэродромы при первой же подвижке льда ломались, превращаясь в нагромождение торосов, чередующихся с глубокими трещинами. Бабушкин своим примером старался показать образцы спокойствия, мужества и трудоспособности.

На льдину стали поступать радиogramмы о том, что летящие на помощь самолеты уже близко и скоро ожидаются в Ванкареме. Штаб чрезвычайной тройки в Ванкареме сильно волновался: приготовленный ими на лагуне аэродром постоянно портился от вьюг. Чувствовалось, что там нужен хороший специалист летного дела, знакомый с кознями Арктики. Бабушкин понял, что его присутствие там было бы очень желательно, да кроме того ему было жалко бросать на льдине свой самолет; хоть и поломанный, он все же представлял большую ценность.

На ремонт самолета мобилизовали плотников и механиков. Через несколько дней он, грубо-заплатанный и кое-где подвязанный веревочками, стоял уже на аэродроме. Бабушкин знал, что лететь на этом

„рыдване“, да еще в сильный мороз, когда плохо утепленный мотор мог замерзнуть, очень опасно. Он боялся, что Шмидт не разрешит ему полет, и, чтобы уверить его в полной безопасности, предложил Отто Юльевичу полетать с ним над лагерем. Убедившись, что самолет летать может, Шмидт полет разрешил. Через час „Ш-2“ опустился на Ванкаремский аэродром.

Михаил Сергеевич сразу же возглавил все работы по подготовке аэродрома, по приемке и отправке самолетов в Ванкареме.

Когда со льдины приходили вести, что там поломало очередной аэродром, Бабушкин не спал по нескольким ночей, волнуясь за близкий ему коллектив.

Наступили дни, когда наладилось „регулярное воздушное сообщение Ванкарем—лагерь Шмидта“. Радостно и приветливо в Ванкареме встречал прилетающих со льдины Михаил Сергеевич Бабушкин.

За челюскинскую эпопею правительство наградило его орденом Красной Звезды.

С самого начала образования Главсевморпути Бабушкин работал в Управлении полярной авиации. В 1936 году, когда был утвержден план полярной экспедиции, Бабушкин назначается вторым пилотом на флагманский самолет „Н-170“. Конец года проходит в подготовительных работах и тренировке, а в марте следующего года армада воздушных кораблей стартует на Север.

21 мая 1937 года останется памятной датой в веках. В этот день советский самолет „Н-170“ впервые опустился на льды Северного полюса. Первую стальную птицу, завоевавшую полюс, пилотировали Герой Советского Союза М. В. Водопьянов и М. С. Бабушкин.

Две недели прожил Бабушкин на Северном полюсе, активно помогая в строительстве первой дрейфующей станции. 6 июня, распрощавшись с героической четверкой папанинцев, летная экспедиция тронулась в обратный путь.

Страна Советов горячо приветствовала своих героев, слава которых прогремела во всем мире. За эту экспедицию Бабушкин был награжден Орденом Ленина и ему присвоено звание Героя Советского Союза.

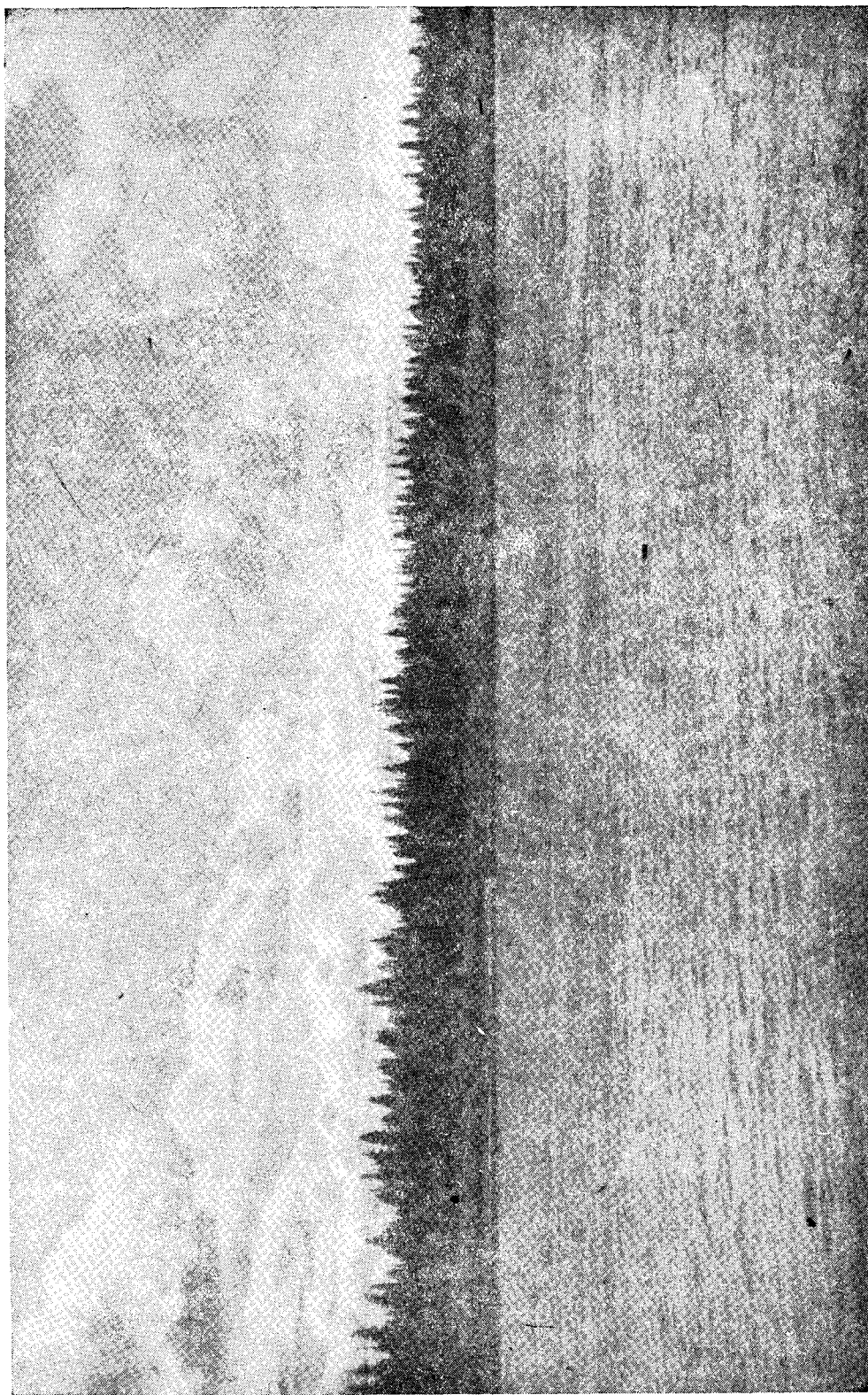
Лучший знаток посадок на неподготовленные площадки, знакомый с условиями полетов в районе Северного полюса, Бабушкин скоро назначается командиром одного из кораблей, направленных на розыски самолета Леваневского „Н-209“. Это была последняя экспедиция, в которой участвовал Бабушкин.

В период этой экспедиции, отмечая его заслуги перед родиной, советский народ избрал товарища Бабушкина депутатом Верховного Совета Союза от Коми АССР. Трагический случай, оборвавший замечательную жизнь Бабушкина, не позволил ему выполнить высокую миссию, возложенную на него народом.

Страна потеряла прекрасного летчика, стойкого большевика, чуткого и отважного товарища, память о котором всегда будет жить в сердцах полярников.

Вместе с Бабушкиным погибли молодой инженер И. И. Жутовский, работавший на одном из оборонных заводов старшим инженером компасной группы, врач и кандидат медицинских наук Е. М. Россельс и молодой бортмеханик К. А. Гурский, работавший раньше в Балтийском флоте. Все они члены ВКП(б) и участники последней воздушной экспедиции на остров Рудольфа.

Страна склоняет свои знамена в память своих верных сынов, погибших на боевом посту.

Река Енисей

Л. КОЛЕСНИКОВА

БОЛЬШЕ ОРГАНИЗОВАННОСТИ В РАБОТЕ

В своем постановлении от 17 мая 1937 года СНК СССР указал, что „Основной задачей Главного управления Северного морского пути в деле развития сельского хозяйства и промыслов на Крайнем Севере Совнарком СССР считает: создание собственной продовольственной базы для промышленных и промысловых центров Крайнего Севера и содействие местным колхозам в производстве овощей, кормовых культур, широком развитии животноводства, оленеводства и промыслового хозяйства, максимальное усиление механизации производственных процессов сельского хозяйства и развитие товарного рыболовства, пушного и зверобойного промыслов“.

Осуществление поставленной правительством задачи обязывало руководство Главсевморпути уделить этому делу большое внимание. Между тем руководители Главсевморпути и теруправлений, а также руководитель Сельхозотдела т. Богомолкин, недооценили хозяйственно-политической важности задачи сельскохозяйственного освоения Крайнего Севера. Сельскохозяйственные вопросы находятся „на задворках“ деятельности Главсевморпути.

При Главсевморпути существует Сельхозотдел, который, казалось бы, и должен осуществлять все практическое руководство вопросами сельского хозяйства. Однако фактически руководящего влияния на деятельность совхозов и машино-промысловых станций Сельхозотдел не имеет, и вопросы решают начальники теруправлений, мало считаясь с указаниями Сельхозотдела. Отсюда — разноречивость в постановке дела, отсутствие единства методов в работе, беспринципные споры между Сельхозотделом и теруправлениями о правах и компетенции. Руководству Главсевморпути надо внести полную ясность во взаимоотношения Сельхозотдела с теруправлениями, в организационную структуру управления сельским хозяйством.

Отсутствие планомерного, централизованного руководства особенно отрицательно сказалось на финансировании мероприятий по сельскому хозяйству. Например, из 2372600 руб., ассигнованных в 1937 году на строительство совхозов, было освоено только 1047900 руб., или 44%; часть средств теруправлениями была использована не по назначению.

Организационная путаница, самотек, бесконтрольность в работе создавали благоприятную почву для вредителей, которыми был сильно засорен аппарат теруправлений и совхозов; особенно значительный ущерб нанесен вредителями в совхозе „Таежном“.

В силу недооценки вопросов сельского хозяйства создание собственной продовольственной базы идет медленно. В 1937 году местная сельская продукция в потреблении населения Крайнего Севера составила — по картофелю лишь 7,2%, по овощам 3,4%, по мясу 9,6% и по молоку 4,3%.

Результат хозяйственной деятельности совхозов и МПС за 1937 год был неудовлетворительным. Так, по овощно-животноводческим совхозам план по урожайности выполнен лишь по зерновым культурам и овощам; по зерновым урожайность в среднем составила 13,7 ц с га против 13,4 ц с га по плану; по овощам при плане 119 ц с га собрано 182 ц с га. По картофелю же урожай составил всего 93 ц с га вместо 136 ц по плану, по корнеплодам 155 ц с га вместо 210 ц с га, по однолетним травам на силос и зеленый корм 117 ц с га вместо 141 ц с га по плану.

По животноводству в 1937 году совхозы Главсевморпути в целом не обеспечили выполнения плана удоя молока, делового выхода телят по причине большого падежа телят. По свиноводству же падеж и вынужденный забой поросят составил 33% к их количеству. Все это обусловлено неправильным планированием случек и опоросов, плохим состоянием свиноводов и коровников, почти полным отсутствием вет-

персонала в совхозах, недостатком зоотехнических кадров и их очень плохой работой, а также неорганизованностью труда и зарплаты.

При неудовлетворительности в общем результата работы, в отдельных совхозах, правда, имеются достижения. Например, в Мурманском совхозе молодняк сохранен на 100%, удой молока составил 2440 литров в среднем на 1 фуражную корову; в совхозе „Полярный 1-й“ правильно проведено комплектование стада, своевременно и полностью была проведена случка и выполнен план отела.

Оленеводческие совхозы располагают базой в 150 000 оленей, однако работа большинства совхозов в 1937 году была неудовлетворительной. Поголовье оленей возросло за год лишь на 5,5% вместо 18,5% по плану, деловой выход телят составил 64,8% вместо 85% по плану, яловость составила 8,8% вместо 5% по плану.

Есть, правда, отдельные совхозы, которые работу поставили неплохо и добились

Сбор редиски в парниках Игарки

хороших результатов. Например, Ненецкий оленсовхоз дал значительно лучшие показатели, по сравнению с окружающими колхозными и единоличными оленстадами: путем развертывания культурных приемов хозяйствования, он организовал применение веревочных коралей, ежемесячный переучет и осмотр оленеголовья, проявил большую заботу по благоустройству чумов, по организации культурно-политической работы среди пастухов, по повышению их технической грамотности через Совхозуч.

Имеющиеся 5 машино-промышленных станций обслуживают районы с населением в 27 тыс. чел., в том числе до 20 тыс. чел. коренного населения. МПС обслуживают 30 колхозов, или 40% всех колхозов, имеющих в районе их деятельности.

1937 год был первым годом работы МПС Главсевморпути, и они находились, по существу, в стадии организации. Однако

эта организация проходит весьма неудовлетворительно: из отпущенных на МПС 1 882 000 руб. капиталовложений освоено всего лишь 866 000 руб., или 45,8%. Техническая вооруженность МПС недостаточна, к подбору руководящих кадров МПС Главсевморпути подошел невнимательно, в результате в середине года пришлось снимать директоров трех МПС — Булунской, Момской и Микояновской, а взамен их никого не было назначено, и в течение полугода эти МПС были без директоров.

В условиях такого „руководства“ МПС со стороны теруправления и Главсевморпути план хозяйственной деятельности за 1937 год не выполнен, причем по двум МПС (Микояновская и Момская) не было даже составлено производственных программ.

По плану для МПС на 1938 год намечено: добыть рыбы 10 560 ц, морзверя 3000 ц, освоить новых земель 760 га, засеять 263 га, подготовить из коренного населения мотористов, бригадиров по рыболовству, начальников стад и пастухов по оленеводству и счетных работников, всего в количестве 161 человек.

Капиталовложения по строительству и оборудованию МПС в 1938 году ассигновываются в количестве 2 000 000 руб.

Бригадир тракторной бригады Якутской МПС К. Н. Старостин

* * *

Осуществление задач в области сельхозосвоения Крайнего Севера требует единого научно-методического и организационного центра. До

последнего времени этого не было, научно-исследовательская сеть была распылена по различным организациям (НКЗ РСФСР, ВАИ, Всесоюзный институт растениеводства).

Лишь в сентябре 1937 года начал организовываться Научно-исследовательский институт полярного земледелия и животноводства, который будет работать в Игарке, временно же (до постройки зданий в Игарке) он размещен в Ленинграде. В ведение института передана от Арктического института, Наркомзема, Всесоюзного института растениеводства и др. организаций научно-исследовательская сеть в составе 3 опытных станций и 4 опорных пунктов по оленеводству, 4 опытных пунктов по сельскому хозяйству и 4 промбиологических станций. В 1938 году вновь организуются 1 промбиологическая, 1 сельскохозяйственная станция и 1 опытный пункт; Обдорский сельскохозяйственный пункт реорганизуется в сельскохозяйственную станцию, расширяется также Ямальская оленеводческая станция.

Работа научно-исследовательской сети в 1937 году была слабой вследствие неудовлетворительного руководства ее деятельностью. Основным методическим дефектом работы явилось распыление внимания и сил на большое количество тем, вместо концентрации на основных, актуальных для производства вопросах. В результате ряд тем не выполнен; например, по оленеводству на 1937 год было запроектировано разработать 21 тему, а выполнено только 8. По сельскому хозяйству неудачно был поставлен опыт получения морозостойких сортов картофеля в искусственных условиях.

В дальнейшем Институт полярного земледелия должен сосредоточить внимание в области земледелия на подборе видового и сортового состава сельхозкультур, разработке севооборотов для Севера и системы агротехнических мероприятий, могущих обеспечить устойчивые высокие урожаи, изучении и улучшении местных кормовых ресурсов. В области оленеводства — улучшение северного оленя и разработка способов и методов борьбы с болезнями оленя, в частности с так называемой копытной болезнью, наносящей огромный ущерб оленеводству; разработка

**Мак в огороде
промыслово-охот-
ничьей станции
на Подкаменной
Тунгуске**

научных основ акклиматизации крупного рогатого скота, а также свиней и домашних птиц. Наконец, разработка методов рационального использования промысловых ресурсов Крайнего Севера. Для осуществления этих задач Институту полярного земледелия и Сельхозотделу Главсевморпути необходимо прежде всего укомплектовать научно-исследовательскую сеть квалифицированными научными кадрами и изжить текущую часть этих кадров, создав для них благоприятные материально-бытовые и производственные условия.

Для общего улучшения работ по сельхозосвоению Крайнего Севера необходимо провести ряд организационных мероприятий, в частности пересмотреть сеть совхозов. Ряд овощно-животноводческих и оленеводческих совхозов находится вне района основной деятельности Главсевморпути и не имеет практического значения.

Нужно обеспечить совхозы оргпланами; пересмотреть имеющуюся сеть рыбпромыслов с тем, чтобы устранить наблюдающуюся сейчас „чересполосицу“ промыслов Главсевморпути и Наркомпищепрома.

Решающее значение для всего дела сельскохозяйственного освоения Крайнего Севера имеет подготовка кадров, особенно из коренного местного населения. Между тем с подготовкой кадров из коренного населения Главсевморпуть определенно не справляется. Намеченные подготовка и переподготовка не были выполнены. Так, например, Курсы полярного земледелия в Хибинах из числа намеченных 20 чел. выпустили только 9 чел. Теруправления не сумели подобрать кандидатов для отправки на эти курсы. Курсы директоров оленсовхозов из 10 подготовили только 7 чел. Не были совершенно организованы курсы олентехников, рассчитанные на 10 человек, так как не нашли в Москве помещения для занятий и общежития курсантов. Сорвалась также по совершенно неубедительным причинам (споры Финуправления Главсевморпути с теруправлениями об источниках финансирования) организация курсов начальников оленстад, рассчитанных на 25 человек.

Особенно недопустимым является срыв теруправлениями и самими совхозами школ Совхозуча, которых по плану 1937 года было намечено организовать 5 (по теруправлениям Чукотскому, Якутскому и Омскому). Нет совершенно данных, проведены ли курсы массовой квалификации, через которые должны были пропустить 268 человек.

Все это лишний раз показывает, что не только руководства, но даже простого учета работы по подготовке кадров центральный аппарат Главсевморпути не осуществляет. Такое положение совершенно нетерпимо и требует немедленного оперативного вмешательства руководства Главсевморпути в дело подготовки кадров и установления строгого контроля за реализацией намеченных учебных планов. Сельхозотделу, отделу кадров пора, наконец, понять, что подготовка кадров для сельского хозяйства Крайнего Севера зависит от них, что они несут ответственность за разрешение этой задачи.

Политуправлению Главсевморпути также необходимо обратить внимание на этот забытый участок работы и через политотделы на местах помочь проведению в жизнь этой важнейшей проблемы.

ОПЫТЫ ВЫРАЩИВАНИЯ ОВОЩЕЙ И ЦВЕТОВ НА ОСТРОВЕ ДИКСОНА

В 1935 году Главное управление Северморпути решило впервые испытать возможность выращивания овощей и цветов в защищенном грунте на полярных станциях. Намечалось построить теплицы на острове Диксона, в Тикси, на мысе Шмидта, мысе Челюскина и в Уэлене. Но по целому ряду соображений решили строить теплично-парниковые опытные хозяйства только на полярных станциях — остров Диксона и бухта Тикси (полярная станция Диксон находится на $73^{\circ}5$ северной широты, полярная станция бухта Тикси — на $71^{\circ}5$).

Руководство работой было поручено Тимирязевской сельскохозяйственной академии, кафедре овощеводства во главе с проф. В. И. Эдельштейном.

Никаких сведений, характеризующих эти полярные станции, мы не могли получить, кроме климатических данных. Никто не мог сказать о том, какая там почва. Там бывали моряки, метеорологи, географы и др., но агрономы там не были, и получить авторитетные сведения мы не смогли. Основной нашей задачей было установить возможность выращивания овощей и цветов в теплице, парниках и открытом грунте и выявить лучшие культуры и сорта.

Мы должны были также изучить, какая конструкция теплиц и парников будет лучше, какое отопление целесообразнее. В полярную ночь было намечено вести электросветокультуру растений и эксплуатировать теплицу круглый год.

Нас интересовало также изыскание местных земельных ресурсов, потому что завоз земли в Тикси и на Диксон с Большой земли стоит десятки тысяч рублей.

Надо было изучить режим парников и теплиц. Особое внимание мы должны были уделить вопросам хранения овощей. К сожалению, Главсевморпуть не дал нам возможности построить опытные хранилища ни на Диксоне, ни в Тикси.

Таким образом перед нами стал целый ряд дополнительных агротехнических вопросов.

В Арктическом институте я получил данные о климатических условиях острова Диксона (средние за 18 лет). Средняя температура воздуха там чрезвычайно низкая. Только три месяца имеют плюсовые температуры: июль $4^{\circ}6$, август $5^{\circ}2$ и сентябрь $1^{\circ}9$. Зимой температура колеблется от минуса $20,5$ до минуса $25^{\circ}3С$.

Лета на Диксоне в том виде, как мы его себе представляем, нет. Отрицательные температуры были бы для закрытого грунта не страшны, но на Диксоне наряду с низкими температурами — сильные ветры.

Только в январе средняя скорость ветра $3,4$ м в секунду, а во все летние месяцы — от $6,5$ до $7,0$ м в секунду. Это уже и для закрытого грунта играет большую роль.

Всего лишь 2 месяца без пурги — июль и август.

В летние месяцы там очень мало ясных дней: в мае один ясный день, в июне — один, в июле — три, в августе — один и в сентябре совсем нет. Значит, в течение всего вегетационного периода почти нет ясных дней.

Почвенно-ботаническое обследование острова было проведено в 1936 году, с моим участием, научным сотрудником Ботанического института Академии наук СССР, кандидатом биологических наук Б. А. Тихомировым, который дает следующее описание почв и флоры острова: „Диксон относится к подзоне типичной арктической тундры. Значительная часть повышенных территорий совершенно не покрыта высшей растительностью, это так называемые каменистые россыпи, занятые накипными лишайниками. Склоны заняты несомкнутыми куртинами арктических камнеломок, драб, осок и некоторых арктических злаков. Наконец, пониженные местообитания заняты осоково-моховыми группировками. Всего высших растений на Диксоне при самых детальных обследованиях обнаружено 105 видов, тогда как в бухте Тикси их 300—325. Это одно уже указывает на суровость природных условий острова Диксона. Почвы на повышенных местообитаниях скелетные, совершенно неразвитые; на склонах — суглинистые, подзолисто-глеевые и, наконец, в понижениях — тяжелые торфяно-глеевые“.

Почвы острова Диксона с агрономической точки зрения никакой ценности для земледелия не представляют. Особенно если учесть, что вечная мерзлота оттаивает летом только на $20—30—40$ см, в то время как в Игарке оттаивает до $1,6$ м. Температура почвы в верхних горизонтах около $+2—3^{\circ}$.

* * *

При имеющихся стройматериалах надземную постройку теплицы возводить было невозможно. Мы углубили теплицу на $1,5$ м. Борова при первой топке располагались во все стороны, и пришлось потратить два месяца на перекладку этих борозд, класть под них бревна, доски, чтобы удержать их и закрепить. Еще большие трудности были в Тикси. Если мы пустили в эксплуатацию теплицу в январе, то они смогли ее пустить только в апреле. С 6 января мы приступили к электросветокультуре.

Общая площадь теплицы — 50 кв. м,

причем мы постарались в нашей маленькой теплице максимально использовать полезную площадь, которая составила 45 кв. м. Мы еще повесили лампы и использовали площадь пола под стеллажами для посева менее светолюбивых культур: гороха, чеснока и лука.

Несколько слов о земле, которую решено было взять в Архангельске. Крайземотдел отнесся к этому делу невнимательно и прислал непригодную землю. Даже был такой анекдотический случай: секретарь облисполкома заявил, что есть постановление правительства, запрещающее брать землю у колхозов, что мы не можем там дерна резать...

Нам заготовили землю с какого-то смолокурного завода. Все растения на этой земле гибли. Тогда мы решили использовать тундру. Взрывали ее аммоналом. Сушили землю на борах и просеивали вместе с навозом на ситах. Бесспорно, в дальнейшем, при разворачивании строительства теплиц в Арктике, для начала необходимо завозить лишь небольшое количество земли.

На Диксоне почти отсутствует бактериальное разложение. Навоз, например, десятилетней давности не разлагается. Верхний слой оттаивает, а под низом лежит обледеневший навоз. Так что и землю можно выносить из теплицы только для некоторой дезинфекции морозом. В теплице мы попробовали землю держать под стеллажами, но она просто закисло, и ее пришлось заново заготавливать. Все эти вопросы с землей требуют всестороннего детального изучения. Необходимо, чтобы запас земли обеспечивал работу теплицы круглый год.

Какой выход мы находили для улучшения качества нашей земли? Приходилось доба-

влять очень большое количество навоза — 50—75% и примерно через пять дней поливать раствором навоза все культуры.

Применяли также и минеральные удобрения, хотя на нашей „почве“ это надо было делать очень осторожно во избежание засоления.

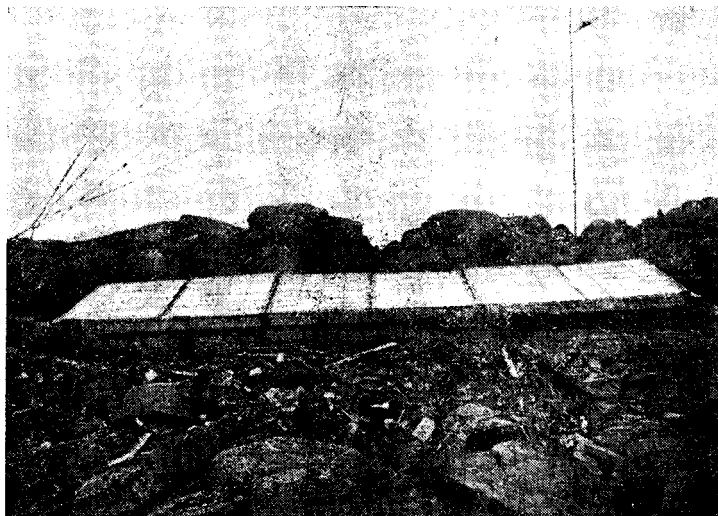
Соотношение культур в теплице показано в следующей таблице:

Таблица 1

Название культур	В 1936 году		В 1937 году	
	Площадь (кв. м)	% к общей площади	Площадь (кв. м)	% к общей площади
Огурцы клинские	16,7	40,75	13,3	38,0
Томаты	3,9	9,75	3,9	11,0
Шампиньоны	4,75	11,87	—	—
Кабачки	2,6	6,50	—	—
Зеленый лук	—	—	5,4	15,0
Зеленые культуры	6,5	17,26	7,9	22,0
Проч. культуры	0,8	2,00	—	—
Цветы	4,75	11,87	4,75	14,0
	40,0	100,0	35,25	100,0

Электросвет мы получали из силовой Радиостанции, но с очень большими перепадами, особенно во второй год. Освещение

Первый арктический парник на Диксоне

давали из расчета 0,5 киловатта на 1 кв. м в течение 12 часов.

Несмотря на большие трудности в получении электроэнергии, результаты от первого года электросветокультуры получились неплохие. Огурцы росли хорошо (конечно, они были меньше, чем при естественном свете. Если при естественном свете вес зеленца был 100—250 г, то на электросвете только 60—80 г). Хорошо шел салат, прекрасно — китайская капуста. Это единственная культура, которая и в открытом грунте и на электросвете растет хорошо.

На темном стеллаже были шампиньоны, урожай которых с 1 м был 8 кг. Это неплохой урожай. Плохой урожай давал укроп, он и при естественном свете получается не ароматным, зимовщики называли его „болотом“. Неплохо росла петрушка. Мы сеяли ее семенами, урожай и вкус ее были хорошие. Кабачки и помидоры на электросвете были неудачны. Плохой их рост, вероятно, объясняется плохим качеством земли.

Приведем урожай основных культур в теплице (в кг с 1 кв. м) (табл. 2).

Естественным светом начали пользоваться с половины марта, фактически же с 15 мая, потому что весна на острове Диксона характеризуется наибольшим количеством снежных метелей. Мы могли открывать брезент на каких-нибудь час — два. Я считаю, что только с середины мая можно пользоваться естественным светом. До этого все культуры выращивались на электросвете с небольшим добавлением естественного освещения. С половины сентября надо опять переходить целиком на электросвет. Таким образом, срок пользования естественным светом у нас был очень мал (около 4 месяцев).

Несмотря на небольшое количество солнечных дней, рост огурцов был прекрасный.

Таблица 2

Название культур	Урожай с 1 кв. м (в кг)				Примерный уро- жай в Москве (кг)
	1936 год		1937 год		
	на электро- свете	на солнеч- ном	на электро- свете	на солнеч- ном	
Огурцы клин- ские	—	12,2	—	6,5	8—10
Томаты	—	2,1	—	5,2	5—6
Шампиньоны	—	8,0	—	—	5—6
Редис	—	4,2	—	3,8	4—5
Лук зеленый	—	—	13,1	17,0	12—18
Салат латук	2,0	3,2	2,3	3,7	3
Капуста китай- ская	1,6	5,7	1,7	6,1	—
Петрушка на зелень	0,5		0,9		—
Щавель	3,2	—	3,7	—	3,4
Шпинат	0,75	3,3	0,5	2,8	3,0
Чеснок зеленый	6,0	—	7,3	—	—
Рассада капуст- ная	1,2	2,1	—	—	4—5
Укроп	1,04	1,4	—	—	2—2,5

Огурцы при длинном дне росли очень хорошо. Это можно отнести и за счет поливов удобрениями. Огурцы были посеяны 19 января; до 1 октября их сняли по всему теплоту отделению по 12,2 кг с кв. метра,

Рассада капусты в диксоновской теплице

а на верхнем стеллаже (площ. 3,88 кв. м), где освещенность была примерно в 6 раз больше, чем на нижних и средних стеллажах, мы получили рекордный урожай — 25 кг с метра. Здесь бесспорно сыграл роль длинный полярный день. Ведь в остальном у нас были очень плохие условия для выращивания культур — неотрегулированный тепловой режим, плохая солнечная инсоляция и плохой почвенный субстрат.

С помидорами опыты менее удачны. Испытывались многие сорта. По совету ВИРа мы испытывали даже мелкоплодные помидоры.

По огурцам во второй год получили снижение за счет появления трипса.

Надо отметить необходимость большой осторожности в завозе посадочного материала.

Во втором году я получил лук из Архангельска; кроме того, вывез посадочный материал из Игарки, был также прислан посадочный материал из Хибин. В результате у нас появился трипс. (Поскольку не было сильных инсектофунгесидов, нам пришлось трипс ловить руками.) Вследствие этого мы получили резкое снижение урожая.

По томатам во второй год получили хороший урожай (5,2 кг), особенно по сравнению с Игаркой, которая в 1936 году давала 2 кг с метра.

Редис на электросвете не рос. Хороша была только ботва, но корнеплоды не завязывались. По данным Тимирязевской академии нужно давать не 500 ватт в течение 12 часов, а киловатт на метр. Мы таким количеством энергии не располагали. Кроме того нужно, чтобы температура была не выше 12°. В наших условиях трудно иметь

тепловой режим в 12° при киловаттных лампах. Поэтому редис нельзя рекомендовать для электросвета.

Зеленого лука в первом году не было, но во втором году вырастили его столько, что снабжали полностью не только себя, но и проходящие пароходы, и даже послали самолетом на полярную станцию Стерлегов.

Салат на электросвете был неплохой, урожай, правда, не высокий: 2 кг и даже иногда меньше, но хорошего качества. Шпинат и укроп в среднем давали по 1 кг с метра. Шпинат рос на электросвете хуже салата. Щавель — хорошо.

Мы пробовали выращивать еще две культуры — чеснок и горох. Я сеял горох по 1 кг на 1 кв. метр на нижних стеллажах и за 15 дней получал ростки в 12—13 см. Это были нежные всходы, которые мы употребляли как салат и которые были очень вкусны. Мы использовали их в первом году около 35 кг. Во второй год я горохом больше не занимался.

Несмотря на то, что мы располагали небольшим количеством полезной площади (45 кв. м), все же мы сумели вырастить за 2 года и дать полярникам 968 кг огурцов, свежей зелени, томатов и шампиньонов. Это из теплицы и парников.

Количество сланной продукции овощей и цветов теплично-парниковым хозяйством полярной станции остров Диксон в 1936 и 1937 годах следующее (табл. 3).

* * *

Первый парник мы заложили еще в августе 1935 года на биотопливе, но успели вырастить только зеленый лук. Редис, кресс-салат и укроп не выросли, причина — недостаток света и тепла.

Огурцы в диксоновской теплице

Таблица 3

Название культур	Колич. сданной продукции в кг		
	1936 г.	1937 г. до 1 октября	Всего
Огурцы клинские	191,900	86,135	286,035
Томаты	8,300	20,330	28,630
Шампиньоны	36,300	—	36,300
Редис	21,600	32,880	54,480
Лук зеленый	216,900	144,145	361,045
Салат-латук	28,400	69,000	97,400
Цветн. капуста	0,750	—	0,750
Петрушка зелен.	3,500	0,790	4,290
Щавель	6,100	1,060	7,160
Шпинат	6,300	8,320	14,620
Чеснок зелен.	7,700	4,700	12,400
Горох—всходы на салат	35,400	—	35,400
Рассада—белокочанная и китайская	11,400	10,390	21,790
Укроп	7,500	—	7,500
Проч. культур	8,500	—	8,500
Всего сдано	590,550	377,750	976,300
Рассады цветов	2,3 тыс.	1 100	3 400 шт.
Взрослых цветочн. растений	237 шт.	200 шт.	437 шт.

В мае 1936 года построили 3 парника в 18 рам с общей площадью 28 кв. м и получили по два сбора овощей.

Соотношение культур в парниках дает табл. 4.

Если в первый год испытывалось много культур, то во второй год я занял парники салатом, редисом, шпинатом и китайской капустой.

Урожай в парниках был меньше, так как земля была хуже, чем в теплице.

Приведем данные (в кг) по урожаю овощных культур в парниках с 1 рамы (1,6 кв. м) (см. табл. 5).

Но все-таки нужно сделать вывод, что на биотопливе парники нецелесообразны.

¹ В 1936 году сдано огурцов 2191 штук, в 1937—875 штук.

Таблица 4

Название культур	В 1936 году		В 1937 году	
	площ. в рамках	в % ко всей	площ. в рамках	в % ко всей
Редис	3,0	16,5	5,0	27,5
Салат	3,0	16,5	6,0	33,0
Лук зеленый	—	—	1,0	6,0
Капуста белокочанная	2,0	11,0	—	—
Капуста цветная	1,0	6,0	—	—
Кольраби	2,0	11,0	—	—
Зеленые культуры	6,0	33,0	5	27,5
Цветы	1,0	6,0	1,0	6,0
Всего	18,0	100,0	18,0	100,0

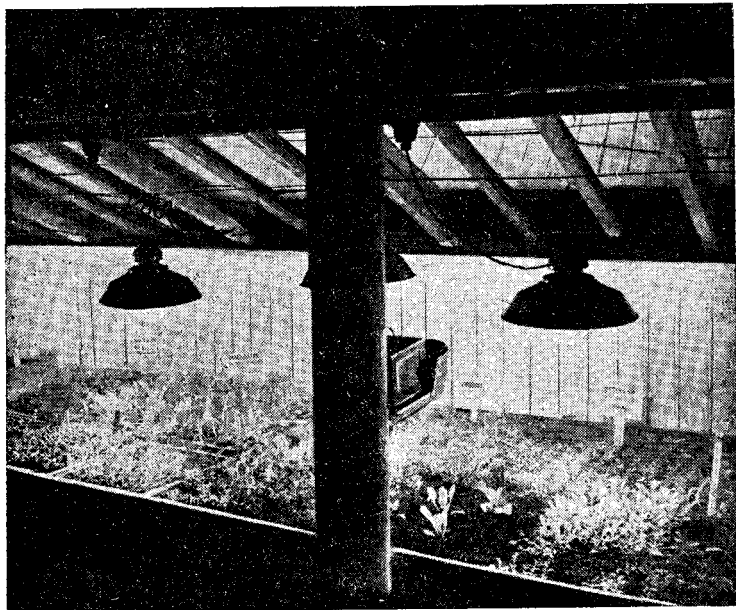
Таблица 5

Название культур	1936 г.	1937 г.	Примерный урожай в Москве
Редис	2,5	4,5	4,5
Лук зеленый	—	12—16,5	15,0
Салат-латук	4,2	11,1	3—4
Капуста китайская	6,5	6,5—7	—
Петрушка зелен.	0,85	—	—
Щавель	2,6	—	4—5
Шпинат	3,7	3,0	3—4
Рассада белокочанных капуст	3,25	—	4—5
Укроп	2,72	—	2—2,5

Приходится затрачивать очень много труда: таять навоз вместе со снегом и льдом надо на кострах; ставить печи, закладывать горячие камни. Такая колоссальная затрата труда и сравнительно небольшой эффект! Закладку можно начать с 15 мая, а уже с половины сентября настолько темно, что расти в парниках ничего не может.

Парники возможны на техническом обогреве. Такие возможности имеются на солнечных станциях. Тогда имело бы смысл иметь постоянные грунты, которые на зиму не надо удалять из парников.

**Зеленые электро-
светокультуры в ди-
ксонской теплице**

Кроме теплиц и парников мы попробовали посевы в открытом грунте. Сделали насыпные гряды. Не успели еще навоз заложить для изоляции, как он быстро замерз и образовался под землей лед. Росла только одна китайская капуста, все остальные культуры консервировались в том виде, в котором их посадили. Они не погибли, но и не росли. Редис „нет подобных“ дал корнеплод до 1 см в диаметре.

Этого нельзя сказать про цветы. Удалось на старом Диксоне разбить 'скверик' площадью около 65 кв. м. Анютины глазки, маргаритки, высаженные в цветущем состоянии из парников, прекрасно себя чувствовали. В сентябре, когда уже выпал снег, анютины глазки еще зеленели. То же самое надо сказать про маргаритки. В этом направлении надо продолжать работы. Очень жалко, что академику Жуковскому не удалось выписать для нас представителей альпийской флоры.

Наш план в отношении использования местной флоры не осуществился. Я, конечно,

добросовестно выкапывал местные растения, переносил их на клумбы и грядки; но создать идентичные условия с местными было нельзя, и поэтому растения росли и цвели плохо.

С Игарки я привез дикого лука (*Allium* и *Sium*), но он давал мелкое зерно.

Мы обратили особое внимание на цветоводство и в течение двух лет получали интересные результаты. За два года нам удалось вырастить около 500 штук взрослых цветочных растений и 3400 рассады. В течение двух лет мы озеленяли все служебные и жилые помещения острова Диксона, снабжая цветами даже проходящие пароходы („Ермак“, „Седов“ и др.).

Строительство теплиц намечено в бухте Провидения, на острове Врангеля, на мысе Шмидта и еще в некоторых пунктах. В последующие годы строительство будет продолжено, и мы сможем осуществить пожелание О. Ю. Шмидта о том, чтобы на каждой полярной станции была своя теплица.

АККЛИМАТИЗАЦИЯ ЖИВОТНЫХ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Количество видов млекопитающих, оказавшихся хорошо приспособленными к условиям Арктики, сравнительно невелико; поэтому каждый новый полезный вид, который может там акклиматизироваться, представляет большую ценность. Строящемуся Игарскому научно-исследовательскому институту сельского хозяйства и его филиалам предстоит большая и интересная экспериментально-акклиматизационная работа: там, в новых условиях суровой борьбы за существование, должны выявиться те потенциальные возможности, которые таят в себе переселяемые животные.

Какие же виды животных наиболее интересны для акклиматизации?

В пределах нашего Союза и за его границами имеется немало полезных диких, полудомашних и домашних животных, которые обладают большой пластичностью (изменчивостью признаков). На этих животных нужно обратить внимание в первую очередь. Кроме того, существуют животные, которые по естественно-историческим причинам занимают ограниченные площади в Арктике и которые без активного вмешательства человека не расширят границы своего распространения.

Большой приспособляемостью отличаются сурки (*Marmota*), шкурки, мясо и жир которых продуктивно используются. Они живут в южных степях, и на горах, и в полосе вечной мерзлоты Якутии и Камчатки. Известны случаи, когда горные и степные сурки поселялись даже в лесах. Среда, в которой обитают эти крупные грызуны, наложила на них свой отпечаток, и за многие тысячи лет звери приобрели те или иные особенности, по которым нетрудно отличить степного байбака от алтайских, забайкальских или камчатских сурков. Но, несмотря на ряд внешних отличий видов сурков (а их насчитывается 6), обитающих в различных широтах, они очень похожи друг на друга образом жизни. К зиме все виды сурков сильно жиреют. Закупоривая изнутри свои норы землей и камнями, они теряют активность и лежат, свернувшись, всю зиму в логове под землей. Их постоянная летняя температура тела (+36 +37°C) становится неустойчивой и падает в период спячки до +4°C и даже ниже. При такой пониженной жизнедеятельности, когда дыхание и биение пульса даже не всегда можно заметить, звери медленно расходуют жировые отложения и весной выходят из нор со значительными запасами подкожного жира.

За короткое арктическое лето, якутские и камчатские сурки (*Marmota camtschatica camtschatica* Pall.) успевают вырастить потомство, перелинять, похудеть, поправиться, ожиреть, выкопать или отремонтировать норы и залечь в долгую зимнюю спячку. Эти зверьки, проводящие более $\frac{3}{4}$ года в состоянии спячки, оказались хорошо приспособленными к суровым условиям арктического континентального климата.

Наиболее ценны сурки на Камчатке, отличающиеся крупными размерами и пышным сероватым мехом.

Мясо и жир сурков особенно полноценны осенью, так как содержат все компоненты, определяющие биологический (пищевой) минимум, без которого зверек не прожил бы 9 месяцев без корма. Ранней весной, когда начинается наиболее активный период жизни, сурки еще долгое время не находят кормов в природе и живут за счет тех внутренних ресурсов, которые остались в организме с прошлого лета.

Колонии этих зверьков в Якутии стали редки, так как еще в дореволюционный период сурки во многих местах были хищнически истреблены. Перед Игарским институтом стоит задача изучить, восстановить и увеличить численность северных сурков в местах их коренного обитания (Камчатка, Верхоянский хребет, низовья Лены, бассейны Яны и Колымы и в некоторых других частях), а также переселить камчатских сурков в другие районы Крайнего Севера, до Кольского полуострова включительно, куда эти звери еще не дошли в своем медленном естественном расселении. Необходимо определить подходящие точки вселения сурков и провести в этом направлении ряд экспериментов.

Якутские промышленники, добывая сурков, раскапывают в конце сентября — в начале октября их неглубокие норы. Обычно не глубже 50 сантиметров от поверхности (на границе мерзлоты или камней) бывает обширная камера, в которой спят, свернувшись, до 40 зверьков. Сонных холодных зверей нагружают на подводы и десятки километров везут в населенный пункт, где, внесенные в теплое помещение, сурки оживают, а в холодных чуланах продолжают находиться в состоянии спячки. Возникает вопрос: нельзя ли воспользоваться этим состоянием зверей и перевозить их при пониженной температуре, в соответственной упаковке, на большие расстояния, а в новых местах расселить в искус-

ственные норы, в которых звери спали бы до весны?

Подобных опытов, правда, еще не было, но они представляют большой интерес, так как перевозка зверей в активном состоянии сопряжена со значительными потерями и трудностями (корм, заболевания, прогрызание клеток, поломка зубов и проч.). Некоторые промышленники убеждены, что сурок останется в той искусственной норе, в которую его поместят и закопают, лишь бы выход из нее был ориентирован относительно стран света так, как и в норах, откуда взяты звери. Необходимо учесть и особенности кормовой базы, наличие минеральных солей и проч.

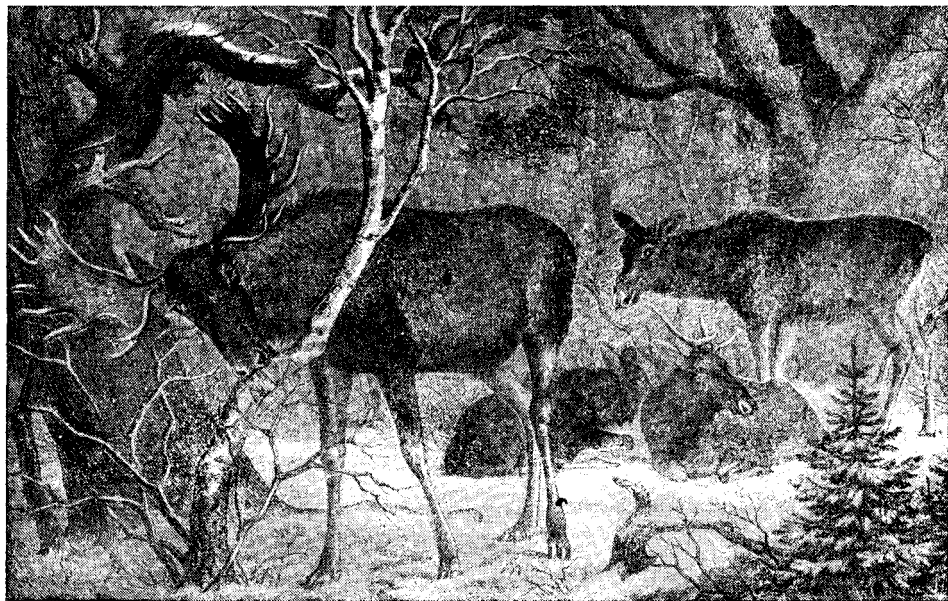
Опыт по акклиматизации сурка у нас уже имеется. В 1934 году 115 алтайских сурков были переселены в Дагестан (Гунибское плато), 31 — в Башкирию, и в 1937 году — в район Ойрот-Туры, причем зверей перевозили в конце лета, что имело ряд отрицательных последствий, но все же они в местах выпуска удержались, а на Гунибе стали размножаться.

Исключительный интерес представляет реакклиматизация речного бобра (*Castor fiber* L.), которого еще задолго до революции истребили на обширных лесных пространствах Европейской и Азиатской России. Этот крупный грызун, достигающий более 20 кг веса,

имеет ценную шкурку и мускус. Питается он растительностью, довольствуясь в большей мере корой поваленных им осин, берез, из и других деревьев и кустарников. В северных лесах имеется много водоемов, пригодных к заселению их бобрами, но специальных обследований в этом направлении сделано еще очень мало.

Бобры разведены сейчас в значительном количестве в трех местах, где они уцелели и охраняются как племенной фонд: лучшие черные бобры — в Воронежском заповеднике, темнобурые — в Белорусском и светлые (рыжеватые) — в Кондо-Сосвинском заповедниках. Поголовье бобров в этих заповедниках настолько увеличилось, что можно проводить акклиматизацию этих грызунов в значительном масштабе. Опыт по расселению воронежских и кондо-сосвинских (сибирских) бобров уже имеется (Лапландия, Карелия, Демьянка и другие пункты).

Учтя ошибки, допущенные при отлове, транспорте, выборе мест, для акклиматизации и сроков выпуска необходимо продолжать эксперименты по расселению и разведению бобров в арктической лесной зоне с неперемным условием полного изучения всего процесса акклиматизации и связанных с ней биотехнических мероприятий (устройство искус-

Лоси в лесу

Жк

ственных нор, подкормка, устранение их врагов и т. д.).

В горах Северной Азии живет дикий «снежный баран» — толсторог или чубук (*Ovis nivicola* Eschscholtz) замечательный тем, что смог приспособиться к таким суровым условиям Арктики, которые с трудом выдерживает даже северный олень и где не могло удержаться никакое другое дикое копытное животное (горы Камчатки, Анадыря, Верхоянский хребет и некоторые другие).

Самая западная изолированная колония этого барана встречается близ низовьев Енисея. Биология чбука, его сезонные стадии, болезни и враги еще далеко не изучены, а также неизвестны и опыты по гибридизации с домашними овцами. Институту необходимо заняться всесторонним изучением этого крепкого, рослого барана в его природных условиях и в неволе, в целях выведения новых северо-устойчивых пород.

Чубук необходимо расселить по всем северным изолированным горным цепям, где имеются соответствующие его жизни условия.

С 1927/28 года началась акклиматизация в северных частях СССР североамериканского зверька — ондатры (*Fiber zibeticus* L.), шкурка которого отличается высокими пушными каче-

ствами. Этот грызун из семейства мышиных (относящийся к полевкам) живет по берегам болотистых водоемов, питаясь осоками и другими водяными растениями. В настоящее время ондатра расселена в многочисленных местах европейского и азиатского Севера нашей страны и, размножаясь, широко расселилась сама.

Оперативные органы Союзпушнины справились с техникой акклиматизации ондатры, но изучение этого процесса в различных частях Союза мы еще далеко не везде провели, и ондатра, как новый член биоценоза и хозяйственно-важный вид, должна быть включена в научно-исследовательскую тематику Игарского института.

Необходимо как следует изучить соболя (*Martes zibellina* L.) в природе: чем он питается летом, от каких болезней страдает, какова его максимально допустимая плотность с подкормкой и без нее, пути селекционной работы с этим зверьком при выведении наиболее ценных черных пород, прирост поголовья в зависимости от различных факторов экологической среды и т. д.

С соболем необходима также и акклиматизационная работа — заселение лучшими подвидами (например, баргузинским) тех лесов, в которых этот ценный хищник истреблен. Необходи-

мы дальнейшие эксперименты, начатые Всесоюзным зоотехническим институтом пушно-сырьевого хозяйства, по гибридизации с баргузинским другими менее ценных подвидов для изучения передачи признаков по наследству и их устойчивости.

Ни на одной зооферме Союза до сих пор не было камчатской лисицы — огневки (*Vulpes vulpes beringiana* Midd.), шкурки которой высоко расцениваются на зарубежных рынках. Эта самая крупная из всех лисиц должна привлечь внимание звероводов и охотоведов не только как объект шкуркозаготовок, а как племенной материал для скрещивания с нашими красными, черно-бурыми и серебристо-черными американскими лисицами, а также и для разведения ее в чистом виде. Говорить о массовой акклиматизации камчатской лисицы еще преждевременно, пока не выяснены экспериментальным путем ее племенные качества: передача по наследству ценных пушных признаков и стойкость их в новых условиях окружающей среды.

В тематику института необходимо включить более подробное изучение биологии песцов (*Lepus lagopus* L.), в частности передачу признаков потомству при скрещивании белого песца с голубым. Это изучение необходимо для того, чтобы на зооферму с белыми местными песцами (Салегард) ввести производителей голубых песцов (наши опыты говорят, что голубой окрас передается доминантно).

Давно пора изучить также причины миграции песцов, возрастной состав ко-

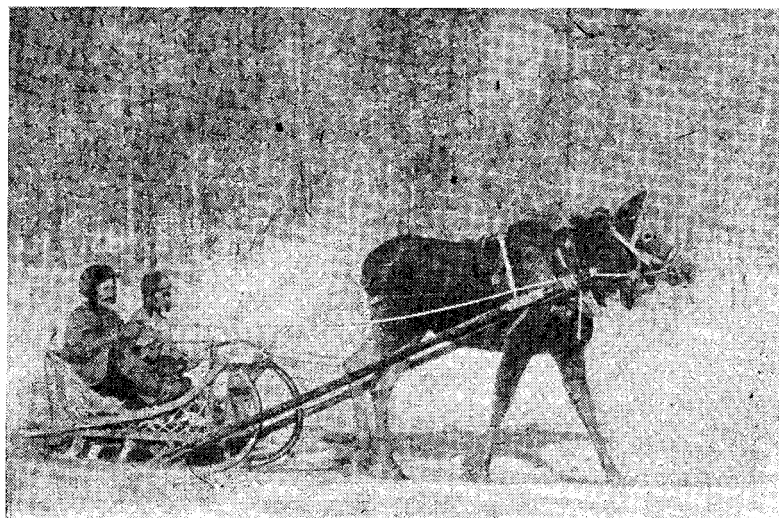
чующих, степень их упитанности, выживаемость молодняка с подкормкой и без нее, зараженность глистами, методику борьбы с ними в природных условиях. Широко применив кольцевание, необходимо выяснить процент песцов, у которых не проявляются сезонные ритмы кочевок; эти оседлые песцы и будут тем племенным материалом, за счет которого должна укрепиться новая система полувольного содержания песцов с контрольными кормушками-ловушками, как на Командорских островах: песец будет жить в клетках и около них на воле в полуприрученном состоянии.

Наконец, необходимо выяснить те специфические болезни, от которых гибнут песцы даже в обильные корма года; в частности, так называемое бешенство песцов, при котором они бросаются на людей и на собак. Известны ли случаи, когда укушенные такими песцами собаки бесились?

Существенный вопрос, который должен изучить институт, — это суррогаты кормов (для песцов и др. зверей) животного и растительного происхождения, их заготовка, консервировка и хранение (в частности, отходы зверобойного, рыбного промыслов и морские водоросли).

Пора решить вопрос и об основной зимней кормовой базе песцов — леммингах (*Lemmus*): причины колебания их численности, периодичности миграций и «устойчивости урожая». До сих пор биология этого грызуна далеко не изучена, а он в значительной мере определяет урожай песца на Крайнем Севере.

Стационарное изучение северного оленя (*Rangifer tarandus* L.), и биотех-

Лусиха «Маньба»
в санной упряжке
Фото Е. Федотова

нических мероприятий по увеличению поголовья и улучшению качества этого животного должно дать большие результаты.

Наиболее актуальные вопросы — селекция и выведение полноценных пород разного хозяйственного назначения (крупных мясистых, рысистых, молочных и др.). Сейчас одомашненные олени очень мало отличаются от диких.

Дальше — рациональное пастбищеустройство, при котором животные не только были бы обеспечены сезонными кормами, но и гарантированы от массовых эпизоотий и от нападения кожных и носовых оводов. Необходимо точнее выяснить те дистанции, на которые летят овода после выхода их из куколок, и при каких метеорологических условиях находят они стада оленей; на какие сроки могут задержать низкие температуры или избыточная влажность выход оводов из куколок; каковы меры борьбы с этими паразитами и т. д.

Важный вопрос о борьбе с хищниками. Волки истребляют ежегодно тысячи оленей. Изучение биологических особенностей северных волков, их отношение к пахучим приманкам, техника истребления — ждут скорейших решений.

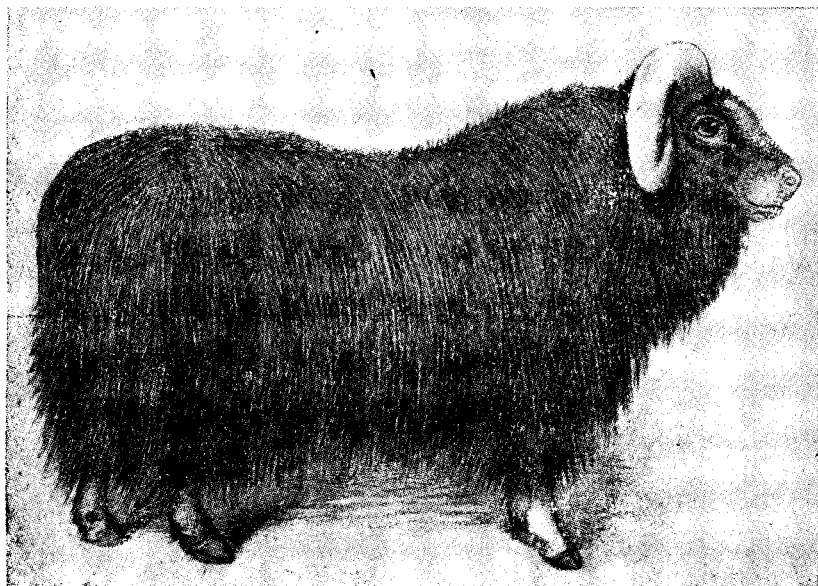
Необходимо также изучить вопрос «избегного» оленеводства, при котором северные олени переходят на положение обычных сельскохозяйственных животных. Способы заготовки и хранения кормов. Сезонные потребности в поваренной соли и пр.

Тематика по северному оленю должна занять большое место в планах исследовательских работ института.

Серьезное внимание необходимо обратить на одомашнивание лося (*Alces alces* L.), этого гигантского оленя, распространенного по всем лесам Севера от Финляндии и до Тихого океана. Несмотря на свой гигантский рост (самцы иногда достигают 2,40 м в холке) — лоси весьма скороспелы, и иногда даже трехлетние самки приносят уже потомство, и не по одному, как большинство крупных оленей, а по два лосенка. Питаясь зимой в основном древесными побегами, лоси к весне почти не худеют.

Лоси легко приручаются и привыкают к упряжке. Будучи приручены с раннего возраста, они не дичают впоследствии, даже если предоставить им полную свободу пастбищ. Среди лосей наблюдается сильно выраженная индивидуальная изменчивость как в отношении их нравов, так и по внешним признакам: одни из них массивны, с бочковатыми ребрами, другие — изящны, лящеваты, на более высоких и стройных ногах; у одних короткие головы с небольшой верхней губой, у других головы длинные, горбоносые и т. д. Селекция должна дать в кратчайший срок устойчивые породы лосей для различных хозяйственных назначений.

Высокие ноги, широко раздвигающиеся копыта характеризуют лося как животное, хорошо приспособившееся к северным сугробам, трясинам. Его длин-

**Мускусный
овцебык**

ный пищеварительный тракт с гигантской «слепой кишкой», очевидно несущей функцию как бы дополнительного желудка, помогающего переваривать и усваивать древесину, — соответствует тем грубым, малопитательным кормам, к которым привык и приспособился лось за многие тысячелетия. В отличие от северного оленя, который не может потеть (нет потовых желез), с лося летом течет бурый жиропот, и поэтому к нему не так лезут различные кровососы (слепни, клещи и т. п.) и кожные паразиты — овода, у которых жиропотом закупориваются дыхальца. Вероятно по этой же причине у лося не бывает личинок кожного овода, за исключением отдельных случаев поражения лося специальным видом кожного овода на Дальнем Востоке.¹

Якутская областная опытная сельскохозяйственная станция, которой было поручено заняться одомашниванием лося, добилась больших результатов. Воспитанная с раннего возраста, прирученная и выезженная лосиха «Манька» при испытании ее рабочих качеств в 1937 году дала очень высокие показатели: на горизонтальном перегоне по реке Лене «Манька», в возрасте двух лет, при живом весе в 270 кг, свободно перевозила 2261 кг со скоростью 7 км в час, показав хорошие рабочие качества и умение приновиться к неровностям дороги и тяжести веза (вес саней в счет не принимался). Затем, после некоторой тренировки, «Манька» испытывалась на работоспособность под вьюком. По пересеченной местности «Манька» свободно несла вьюк весом в 120 кг со скоростью

7 км в час, обнаружив хорошую сноровку в передвижении по рвам, канавам, крутым подъемам и спускам. Испытания на быстроту бега показали, что «Манька» отличной размашистой рысью дистанцию в 1600 м пробежала за 1 мин. 43 сек., при длине полного шага в 5,7 м.

В одном из совхозов в настоящее время работает взрослый лось-самец, который перевозит большие тяжести.

Прекрасных результатов добился в Тюмени т. Печенкин, освоивший технику выездки прирученных лося. Им же в кратчайший срок были обьежены молодые лоси в Бузулукском госзаповеднике (в 1938 году).

Лось должен стать новым сельскохозяйственным животным Севера. Прирученный с раннего возраста, он не дичает впоследствии, в отличие от многих других видов оленей.

Необходимо также заняться на Севере и акклиматизацией яка (*Poephagus grunniens*), который оказался хорошо приспособленным к самым разнообразным климатическим условиям.

Стадо яков недавно вынесло перевозку в тяжелых условиях в суровый климат северо-восточной Сибири. Многие предсказывали гибель этим переселенцам, однако они в новом месте (на Колыме) не только удивляют всех способностью работать на крутых горах, но и усиленно размножаются, увеличив за короткий срок свое поголовье больше, чем вдвое. Разговор о том, что як боится ненастья, при котором его длинная шерсть будто бы может намокать, а животное страдает от этого; — ни на чем не основаны, что доказали яки, перевезенные в места с влажным климатом. Як — могучее выносливое животное, способное хорошо работать и давать жирное молоко.

¹ О кожных оводах, поражающих лося в ДВК, сообщает научный сотрудник Сихотэ-Алинского госзаповедника биолог Ю. А. Салмин.

Щенок-песец

Желательно наладить изучение возможностей акклиматизации у нас на Севере мускусного быка (*Ovibos moschatus*), населяющего некоторые арктические части Северной Америки от 62° сев. шир. к северу, а также прилегающие острова и Гренландию. О массовой акклиматизации этого быка говорить еще рано, нужны эксперименты.

Мускусный овцебык, стойко выносящий борьбу за существование в Северной Америке и Гренландии, весьма чувствителен к новым условиям, и большая часть опытов по его акклиматизации кончалась неудачно: он погибал то от слишком тучных пастбищ (Норвегия), то от влажного климата (Исландия), срываясь с обрывов, а в условиях зоосадов не выживал из-за разных причин, в основном — из-за кормов и патогенных бактерий, к токсинам которых не привык его организм в стерильных условиях Арктики. Зоологические сады Западной Европы категорически отказались приобретать молодых овцебыков, так как не хотели уменьшать стада в природе и потеряли надежду на выживаемость молодняка в неволе (поймка телят сопряжена с массовой варварской бойней взрослых овцебыков, защищающих молодняка). Эти животные за 2 года к тому же приносят только одного теленка и не скоро достигают половой зрелости (повидимому, к 4 годам). Срок беременности их около 9 месяцев.

Говоря об акклиматизации копытных на Севере, нужно помнить о соленом голце, который испытывает большинство растительноядных животных Севера, удаленных от океана, о недостатке бел-

ков в зимних кормах и о необходимости изготовления на месте комбикормов, в состав которых должны войти некоторые виды морских водорослей, с такой жадностью поедаемые, например, копытными на берегах Тихого океана.

Игарский институт должен также решить много задач из области биологии и хозяйственного использования охотничье-промысловых птиц, — например, краснозобой казарки (*Branta ruficollis*) и различных видов гаг (*Somateria*), особенно гаги обыкновенной (*Somateria mollissima*). Краснозобые казарки, гнездящиеся на очень ограниченной территории (между устьем Оби и полуостровом Таймыром), представляют большую редкость и ценность как реликт и имеют спрос в зооэкспорте.

От сбора гагачьего пуха страдают часто выводки, так как в охлажденных голыми камнями яйцах гибнут гагачата. Нужно изучить, как и чем заменять взятый в гнездах пух.

Необходимо наладить изучение птичьих базаров и их рациональное использование.

Белого медведя становится с каждым годом все меньше и меньше, а ведь не раз выручал он и еще будет выручать отважных полярных исследователей, терпящих аварии: мясо медведей давало им пищу, из шкур строили они убежища, а жиром отапливали и освещали их. Теперь, когда белые силы, шагая по льдинам, доверчиво подходят на запах кухни к самому борту, их ждет здесь гибель от пуль спортсменов или промысловиков. Этих зверей стреляют летом, когда шерсть их линяет

Соболь

и шкура не представляет ценности. Да и вообще белый медведь не товар, а «ледовой аварийный фонд», о чем уже давно говорят наиболее авторитетные наши капитаны и полярники (капитан Воронин, т. Минеев и др.). К тому же и удельный вес медведя в общем зверобойном промысле — ничтожен. Там, где еще недавно во льдах встречали десятки медведей, сейчас видят только единичные экземпляры. Но не только случайные встречи в бесконечных ледяных полях губят медведей: недопустимое массовое истребление медведя и медвежат идет на некоторых островах, куда еще в сентябре с необозримых пространств направляются оплодотворенные самки, выкапывают в снегу под защитой склонов берлоги, залегают в них, а в конце января, в феврале, т. е. после 247-дневной беременности, рожают 2, 3 и очень редко 4 крошечных медвежат, не превышающих 700 г веса и 27 см длины. Только через 30 дней открываются у них глаза. Вообще в берлоге развиваются малыши очень медленно.

Еще совсем маленькими выходят они в середине марта — в начале апреля с медведицей из берлоги, сначала греются на солнце и вскоре же направляются в торосистые льды, где их могучая мать охотится за тюленями и еще многие месяцы кормит медвежат молоком.

На острове Врангеля, выполняя план заготовок медвежьих шкур, приучивают охоту на медведя к периоду выхода из берлоги медведиц с медвежатами. Матка не бежит от детенышей и защищает их от собак, почему без труда добывается охотником. Редкой медведице удается благополучно увести в торосы малышей. Ежегодно добывается на Врангеле около 70 медведиц и свыше 170 медвежат-ососков.

Если вспомнить к тому же, что медведицы приносят медвежат в два года один раз, что лишь к трехлетнему возрасту становятся они способны давать потомство, то понятна станет тревога тех, кто дорожит белым медведем и как зоологическим видом и как «аварийным ледовым фондом». Необходимо прекратить истребление медведиц на островах, по крайней мере поголовное, и в крайнем случае ограничиться лишь тем количеством, которое необходимо для питания населения островов. Иначе не прекратится столь быстрое сокращение поголовья медведей на громадных просторах Ледовитого океана, так как никогда не строит берлогу беременная медведица на ненадежных льдах, а всегда на берегах и лишь в редчайших случаях близ берегов на припаях. В восточном секторе Ледовитого океана

такими «родильными приютами» остались лишь остров Врангеля и маленький островок Геральд — к востоку от него. Других островов поблизости нет, а колымские и другие берега океана уже давно сильно очищены от медведиц, залегавших здесь прежде в берлоги. На острове Геральд, где промысла нет, медведицы в берлогах лежат, повидимому, очень густо, и с осени остров представляет настоящий питомник, пополняющий запасы медведей в северо-восточной части Ледовитого океана, где эти звери бродят по пловучим льдам. (И. Д. Папанин встретил медведицу с медвежатами 4 августа 1937 года на 88° сев. шир.).

Необходимо детально обследовать острова, на которые стремятся беременные медведицы осенью, и принять должные меры к охране их.

К острову Врангеля ежегодно подходят в мае—июне многотысячные стада моржей, мясо которых заготавливается хозяйством острова.

Кроме того, на Врангеле гнездятся черные жозарки, белые гуси и неисчислимые количества морских птиц (кайры, гагары и др.), мясо и яйца которых заготавливаются впрок.

Только массовым кольцеванием зверей и птиц удастся выяснить ряд важнейших биологических вопросов: пути миграций, перелетов, места зимовок, возрастные кочевые группы, выживаемость отдельных индивидуумов и популяций, продолжительность племенной годности. При помощи кольцевания можно отличать кочевых от оседлых животных одного и того же вида, выяснить степень передачи кочевых рефлексов по наследству, выявить процент добычи животных определенных возрастов и т. д.

Работа по изучению живых богатств Севера и освоению их требует большого притока подготовленных специалистов. Советская молодежь имеет широкие возможности в выборе специальности: в 1930 году был открыт в Москве единственный в СССР Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства, готовящий биотехников, охотоведов и звероводов, оленеводов и овцеводов высшей квалификации.

Стационарными исследованиями можно решить большинство биологических проблем, требующих не только наблюдения и описания, но и изучения истории вопроса, экспериментов и проверки их в широкой практике.

В этой статье затронута лишь часть научно-исследовательских хозяйственно-важных вопросов, связанных с акклиматизацией и ростом наших живых природных богатств.

ОПЫТЫ ПОСЕВА ОВОЩЕЙ НА ЧУКОТКЕ

Местное население Чукотского округа занимается в основном рыбным, охотничьим и оленеводческим хозяйством, но за последние годы здесь начинает зарождаться и земледелие.

По данным Камчатского ОБЛЗО, колхозы и предприятия Чукотского округа в 1935 году имели посевы картофеля на 0,5 га, капусты на 0,1 га и прочих овощей на 1,4 га. В 1936 году площадь посева в округе расширилась до 2,5 га, а в 1938 году будет доведена до 4 га.

Первые опыты посева овощей, проведенные разными лицами и организациями в Чукотском округе, показали возможность произрастания здесь целого ряда овощных культур.

В 1935 году плановые посевы уже имелись в Маркове, Усть-Белой, Анадыре, Чуванском. Выращивались здесь картофель, репа, турнепс, редис, морковь, редька, свекла, салат, шпинат, капуста и др.

Марковский район в климатическом отношении является наиболее благоприятным для этих культур, по сравнению с другими районами Чукотского округа. В районном центре — Маркове — в 1936 году колхоз получил прекрасные урожаи картофеля, капусты, салата, редьки, репы и шпината. С площади в 0,13 га колхоз получил 12 ц картофеля, что составляет больше 9 тонн с одного гектара. Кочны капусты сорта „Номер первый“ в среднем весили 1,5—2 кг. Свекла и морковь здесь развивались хуже, но и они дали вполне товарные корнеплоды.

Посев овощных культур в Маркове начинается в середине июня, а уборка в конце августа. Vegetационный период приблизительно 90—110 дней. Заморозки бывают в этом районе даже в июле и августе, но основной особенностью климата в Маркове является засуха, поэтому вопросы орошения здесь будут иметь большое значение.

В Анадырском районе высевались: репа, редька, редис, салат, укроп, морковь, свекла и картофель. Опыты с картофелем были не совсем удачны, клубни получились мелкие. Необходимо повторить посевы картофеля, испытая скороспелые сорта. Морковь в Анадыре образовала вполне товарные корнеплоды, остальные овощные культуры, за исключением свеклы, также дают удовлетворительную продукцию. ¶

Посев овощных культур в Анадыре начинается в конце июня (20—25). К уборке приступают в конце августа. Климат в данном районе умеренный, морской. Длина вегетационного периода 75—80 дней. Осадков выпадает много. Хорошие урожаи здесь могут давать репа, редис и другие листовые овощи.

В 1936 году хозяйство Рыбокомбината Главсевморпути получило в теплице прекрасные огурцы. Возможности для развития парниково-тепличного овощеводства здесь очень большие.

В долине реки Анадыря в Усть-Белой также имеются благоприятные условия для развития овощеводства. В климатическом отношении этот район занимает среднее положение между Марковым и Анадырем. В нем успешно произрастают репа, редька, редис, салат, турнепс. С опыты с посадкой картофеля, проведенные в колхозе Белом на Чуванском участке в 1935/36 году, были не вполне удачными. Это объясняется, как говорят некоторые агрономы, запоздалой посадкой, при соблюдении же агротехнических требований картофель и ранняя капуста могут вполне успешно выращиваться.

Эти опыты возделывания овощных культур в условиях Чукотского округа показывают, что овощеводство здесь вполне возможно и его нужно развивать.

Тормозом в этом деле является отсутствие семян овощных культур и орудий обработки земли. Камчатское ОБЛЗО, АКО и Главсевморпуть должны обеспечить население Чукотского округа чистосортными, доброкачественными семенами и сельскохозяйственными орудиями.

Большие перспективы на Чукотке имеются для парниково-тепличного овощеводства. В качестве тепловой энергии для обогрева культивационных помещений можно использовать воды горячих источников.

Организованная в 1936 году Главным управлением Севморпути сельскохозяйственная экспедиция, которая работает над созданием в долине реки Анадырь показательного совхоза, должна помочь населению организовать овощное хозяйство, обеспечивая семенами, помогая инвентарем и агротехинструктажем.

[СЕМЕНОВОДСТВО НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Продвижение растениеводства в Ямальский округ началось с 1932 года. Семенной материал туда в основном завозится из южных районов Союза, и в большинстве случаев это не те сорта, которые необходимы для Севера, а иногда и просто неизвестные сорта.

Плохая работа по обеспечению Ямальского округа необходимым семенным материалом показывает, что областное земельное управление не интересуется развитием сельского хозяйства на Севере.

В условиях Крайнего Севера очень немногие сорта южного происхождения дают удовлетворительные результаты; в большинстве ранние сорта в первый год или дают только семенные побеги и не образуют корнеплода, или же образуют их мелких размеров и уродливых форм. Большинство поздних сортов кочанной капусты не завивает кочна. Из всех сортов кочанной капусты, испытанных в условиях Ямальского округа за пять лет, хозяйственный эффект дают только два сорта — № 1 и Вальватевка. Урожай ее при правильном возделывании достигает 350 ц с га.

Чтобы создать наиболее подходящие сорта для Севера и размножить их в достаточном количестве для удовлетворения быстро растущих северных колхозов и совхозов, необходимо немедленно наладить свою семеноводческую работу.

Наши научно-исследовательские опытные учреждения (Остяко-Вогульский сельскохозяйственный опорный пункт и Салегардская овощная опытная станция) не создали еще необходимого ассортимента сортов, особенно зерновых, которые бы укладывались в наш короткий вегетационный и безморозный период.

Приступая к работе по семеноводству, нам надо обратиться к богатому опыту Хибинского полярного отделения ВИРа, расположенного на 67°31' северной широты, и испытать в своих условиях весь созданный им ассортимент скороспелых сортов зерновых и овощных культур. Те сорта, которые в наших условиях, при соответствующей агротехнике, будут давать высокие урожаи и укладываться в безморозный период, нужно будет немедленно передавать для размножения колхозам и совхозам. Большинство выведенных Хибинами сортов сможет широко применяться в наших колхозах и совхозах.

Сорта зерновых, которые нужно культивировать, приведены в таблице.

Серьезное значение для развития растениеводства на Крайнем Севере имеют длина вегетационного периода, сумма получаемого растением тепла и продолжительность безморозного периода. Вегетационный пе-

Название сортов	Вегетационный период (средний за 3 года, в днях)	Урожай с га (в центнерах)
Овес		
Ильбю . .	79	19,3
Пельсо . .	80	19,9
Нопса . . .	70	19,5
Тенна . . .	74	18,0
Нидар . . .	76	18,0
Аляска . .	79	10,6
Ячмень		
К/2/14 . . .	74	27,6
Нюмоен . .	74	23,4
Хольт . . .	70	23,4
Иотум . . .	72	20,0
Машин . .	76	17,0

риод у всех перечисленных выше сортов не превышает 70—80 дней. Сумма тепла за июнь — сентябрь составляет в Салегарде 1020° С, в Березове — 1370°, в Самарове — 1571° и в Хибинах — 1135°. Средний безморозный период в Салегарде — 91 день, в Березове 100 дней, в Самарове — 108 дней, в Сургуте — 105 дней, в Хибинах — 91 день. Средняя температура за период развития растений, то есть в июне — сентябре, по многолетним данным составляет: в Салегарде +9,2°, в Березове +11,3°, в Сургуте +12,5°, в Самарове +17,5° и в Хибинах +9,7°. Другие климатические факторы (осадки и т. п.) в этих районах также не будут отрицательно влиять на растениеводство.

Таким образом сорта зерновых культур, подобранные и созданные Хибинами, теоретически могут полностью удовлетворить всем требованиям севера Омской области. Нужно быстрее опробовать эти сорта в наших научно-исследовательских учреждениях, колхозах и совхозах, и если опыты подтвердят теоретические выводы, то в самое ближайшее время необходимо заменить все семенные материалы с длинным вегетационным периодом (125—150 дней) и все низкоурожайные.

Даже в южных районах правильный выбор сортов имеет большое влияние на размер урожая, а в условиях Севера уро-

жай целиком зависит от правильно подобранного сорта.

Помимо указанных сортов, Хибины располагают еще целой серией сортов зерновых культур своей селекции, не менее скороспелых и урожайных.

Лучшие сорта овощных культур: картофель шестинедельный, дающий в условиях Хибин урожай в 280 ц с га, Азия Б—283 ц, Снежинка № 2—282 ц, Бермонт—279 ц и Огайо—271 ц; капуста кочанная № 1—418 ц, Дитмарская—481 ц с га; брюква шведская—845 ц и Красносельская—454 ц с га; репа карельская, улучшенная Хибинами,—385 ц, Соловецкая—328 ц и Петровская—227 ц с га.

Почти все эти сорта показали прекрасные качества и при испытаниях в условиях Ямальского округа. Кроме того, нужно рекомендовать кочанную капусту Вальватевку, цветную — Снежный шар и Гагскую, кольраби Венский белый и Оптимус синий, репу Петровскую желтую и Грбовскую; огурцы для парников и теплиц Неросимые, Визниковские и Клинские; помидоры для теплиц Буденновка, Чудо рынка и Визон.

С этими сортами уже можно начинать семеноводство на Севере. В процессе работы можно найти неплохие местные сорта, акклиматизировавшиеся в условиях Крайнего Севера. Например, у нас встречаются отдельные хозяйства, возделывающие картофель по 10—15 лет, получающие неплохие урожаи.

Где можно начинать работы по семеноводству овощных и зерновых культур? По Омской области на этот вопрос дают ответы выводы Остяко-Вогульского опорного пункта в отчете за 1934 год. Получение семян

двухлетних крестоцветных вполне возможно в средней части Остяко-Вогульского округа (капуста, редька, репа, редис, морковь и свекла). Возможность получения семян в этой зоне доказана любителями овощеводства и сельскохозяйственным опорным пунктом.

Значит, семеноводство в первую очередь должно быть создано в южной и средней части Остяко-Вогульского округа. Здесь при лучших колхозах и совхозах должны быть организованы семеноводческие хозяйства для размножения семенного материала овощных культур.

В Ямальском округе овощная станция и некоторые овощеводы уже в течение ряда лет обеспечивают себя семенами огурцов и помидоров, получаемых в теплицах. При введении на Севере блочных теплиц можно будет в северной части Остяко-Вогульского и Ямальского округов большинство овощных семян получать на месте, но их производство с созреванием под стеклом будет несомненно дороже, чем завоз из южной части Остяко-Вогульского округа, где будет налажена работа по семеноводству.

ОБЛЗУ должно контролировать работу и оказывать соответствующую помощь при организации семеноводства на Севере. Этим делом должны заинтересоваться также окружные земельные отделы Остяко-Вогульского и Ямальского округов и опытные учреждения.

Наряду с организацией работ по семеноводству необходимо также наладить правильный завоз семенного материала на Север. В этом деле руководящая роль должна принадлежать Сельхозотделу Омтеруправления.

М. ГОРДЕЕВ

ПОМИДОРЫ НА ОМСКОМ СЕВЕРЕ

В последние годы за полярным кругом — например, на Кольском полуострове, в Салегарде, на Игарке — помидоры в защищенном грунте стали основной культурой.

Для возделывания помидоров на Севере основным типом культивационных помещений служат блочные теплицы. Урожай помидоров в них с одного метра гряды не уступает урожаю, получаемому в блочных теплицах южных районов Союза.

Помидоры в свежем виде завозить на Крайний Север почти невозможно, выращивать их в открытом грунте тоже нельзя, поэтому продвижение блочных теплиц на Крайний Север является необходимым мероприятием для создания за полярным кругом своей овощной базы и северного семеноводства.

Основным недостатком выращивания помидоров в блочных теплицах является

поздний выход продукции — не раньше первой половины августа, при условии посадки их в блоки 1 июня. Получение ранних урожаев помидоров в защищенном грунте в настоящее время находится в стадии искания.

В 1937 году в Салегарде мы параллельно с выращиванием помидоров в блочной теплице разработали агрокомплекс для получения высоких и ранних урожаев помидоров в клинских теплицах. Для этой цели мы взяли 5 сортов: Буденновка, Чудо рынка, Спаркс-Грибовский, Джон-Бер и Король ранних. Высев в клинскую теплицу производился 5 февраля сухими семенами. В период роста рассады ящики устанавливались на полки, на расстоянии 60 см от стекла. До посадки растений на постоянное место мы провели две пикировки рассады. На постоянное место растения высаживались на стел-

лажи, расположенные на 45 см выше пола. В каждом отделении находилось по два стеллажа. Площадь питания при посадке рассады на постоянное место давалась 60×40 см, т. е. на одно отделение уходило 70 корней рассады. Рассада высаживалась с комом земли и на постоянном месте обильно поливалась.

Температура во время прорастания семян поддерживалась 25—30°C, а после появления всходов, в период коротких дней — 18—20°C. С удлинением дня (с 1 марта) до 7—8 часов, температура поддерживалась в 20—25°C, при влажности воздуха 60—70%. Влажность воздуха контролировалась психрометрами.

Грунт состоял на 90% из перегноя и на 10% из песка. Для обогащения грунта калием прибавлялась печная зола, из расчета 2 кг на 1 куб. м земли. Перед посадкой слой грунта на стеллажах равнялся 25 см, а за время роста помидоров три раза производилась подсыпка свежей земли (окучивание). К концу плодоношения слой грунта был доведен до 30 см.

До 1 июня, чтобы защитить растения от низких температур в ночные часы, остекленная площадь теплиц закрывалась деревянными щитами и сеными матами; с 1 июня по 1 июля — только одними щитами, а после этого совсем не закрывалась.

Вентиляция теплиц в морозное время производилась через двери, открывающиеся в коридор, а в летне-весенний период — через форточки. Зимой мы не допускали промерзания стекол и тщательно очищали их от загрязнения, чтобы больше было света в период коротких дней.

Поливали растения теплой водой до полного увлажнения грунта. Влажность поддерживалась высокая, примерно 65—70% от общей влагоемкости грунта.

Помидоры выращивались в один стебель, и каждое растение подвязывалось к колышкам. На стеллажах у южной стенки оставалось по 4—5 плодовых кистей, а у северной стенки — 7—8 кистей. Все боковые побеги удалялись.

С начала плодоношения помидорам давалось дополнительное удобрение: их поливали через каждые 10 дней настойкой коровяка. Перед удобрительной поливкой их предварительно поливали водой, а после нее почву разрыхляли.

Мы применяли искусственное опыление помидоров путем встряхивания растений руками или легким ударом прута по растению и шпагату. Опыление проводилось в середине дня; в ясные дни опыляли 2 раза

в день. Такой способ опыления обеспечил нам почти стопроцентное завязывание плодов. С первого июня дополнением к искусственному опылению послужила вентиляция через двери и форточки.

Посев всех сортов производился 5 февраля; массовые всходы появились с 8 по 13 февраля, причем раньше всех они появились у Джон-Бер. Первую пикировку проводили с 20 по 28 февраля, вторую — с 12 по 28 марта. На постоянное место рассаду высаживали в конце апреля, после цветения. В двадцатых числах июня уже со всех сортов снимали первый урожай. Свежие помидоры были в течение всего лета; на некоторых сортах (Джон-бер, Король ранних) последний урожай был снят 13 сентября.

Сбор плодов производился в разных стадиях спелости, но больше всего помидоры убирались в розовой стадии, с последующим дозреванием на полках в теплицах.

Болезни и вредители на плодах почти не наблюдались, за исключением сорта Спаркс-Грибовский, с которого было убрано 6 плодов с заболеванием верхушечной гнилью.

Учет урожая отдельных сортов показывает, что наиболее урожайными являются Буденновка (15,7 кг, или 149 шт. с 1 кв. м), Чудо рынка (15 кг, или 145 шт.) и Спаркс-Грибовский (13,7 кг, или 169 шт.). По величине плодов первое место занимают Буденновка, некоторые плоды которой весили 520 г, и Чудо рынка.

Основным недостатком в нашей работе за 1937 год является опоздание с посадкой растений на постоянное место (за исключением сорта Буденновки) из-за ремонта теплиц.

Станция выращивала помидоры в клинских теплицах и в 1935/36 году, но эти опытные работы не увенчались успехом. Максимальный урожай был получен по некоторым сортам 4,4 кг с 1 кв. м, и минимальный 700 г, при сборе первого урожая во второй декаде июля.

Получение низких урожаев в 1935—1936 годах мы объясняем несоблюдением надлежащего ухода и режима, необходимого для помидоров, выращиваемых на плохом грунте в клинских теплицах, и применением искусственного опыления.

Выращивание помидоров в клинских и блочных теплицах, как показал опыт 1937 года, дает возможность иметь свежие помидоры в Ямальском округе с 15 июня по 15 октября, т. е. в такой же период, как и в более южных районах Союза.

ЖИВОТНОВОДСТВО В ПОЛЯРНЫХ УСЛОВИЯХ

Мыс Стерлегова¹

На полярную станцию мыс Стерлегова в навигацию 1936 года было завезено пять свиней и две молочных коровы. До постройки специального скотника они жили в наскоро приготовленных для них сарайчиках. Во вновь выстроенном скотнике была сделана печь и большой котел для приготовления корма.

В октябре 1937 года мы получили от двух свиноматок приплод в двадцать штук поросят; в живых из них осталось четырнадцать. Четырех двухнедельных поросят мы зарезали, остальных оставили на племя.

Одна корова в январе принесла теленка, так что в марте мы ели свою телятину. После отела она давала по двадцать литров молока в сутки. Это позволяло нам разнообразить наш стол молочными блюдами.

С наступлением весны, когда сошел снег, начали выпускать коров на пастбище, на котором, кроме ягеля, ничего не было. К такому корму коровы не привыкли, поэтому, погулявши, они возвращались домой голодными.

Первое время им не давали покоя собаки, но потом они к ним привыкли и жили дружно.

В сентябре 1937 года у нас остались только коровы, но и те уже ощущали недостаток в сене, которое мы получили только 28 сентября с парохода, привезшего наши грузы.

¹ Передано по радио.

Уход за животными в зиму 1936/37 года был возложен на каюра-служителя, который почти весь день был занят уборкой скотника и приготовлением корма свиньям и коровам.

В навигацию 1937 года станция получила еще четырех свиней и быка, а также корм для них: 80 мешков отрубей и 40 кип сена. Одну свинью мы вскоре зарезали, другую передали геологической экспедиции, а остальных кормили до декабря.

В декабре кончилось сено, и мы зарезали одну корову, которая к этому времени уже почти перестала доиться. При осмотре полости ее рта обнаружили, что зубы у нее пошатывались, видимо сказалось отсутствие свежей травы.

Завозить коров на станцию нужно ежегодно, и притом только стельных, так как держать здесь быка нецелесообразно. Обязательно нужно завозить также солому или опилки для подстилки.

Наличие молочных коров на станции избавляет от завоза лишнего сгущенного молока и дает приятную и полезную пищу для зимовщиков, нуждающихся в диетическом питании.

Старший по зимовке

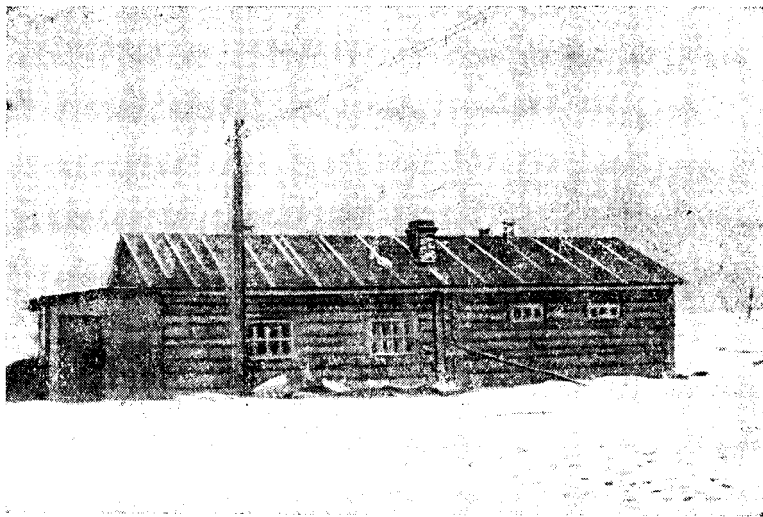
А. Поблodziцкий

Мыс Желания

Чтобы обеспечить нормальную работу полярной станции, необходимо правильно организовать бытовое обслуживание коллектива, наладить хорошее питание.

Поросята, родившиеся в августе 1937 года на мысе Желания

**Скотник,
построенный
на мысе Желания
в 1935 году**

На станциях желательно постоянно иметь свежее мясо и зелень, но рассчитывать только на завоз этих продуктов нельзя, нужно попытаться самим получать их в условиях Заполярья.

При отъезде на зимовку, летом 1935 года, мы получили в Архангельске 8 свиней. Это был наш фонд свежего мяса до будущей навигации.

По прибытии на станцию одна из привезенных свиноматок принесла 10 поросят, и вскоре должны были опороситься еще две свиноматки. Мы решили заняться выращиванием молодняка. Для этого надо было создать надлежащие условия и, в первую очередь, построить специальное помещение. Большое количество плавника около станции дало возможность построить хороший, теплый скотник.

Несмотря на хорошие условия, созданные для поросят, все же были потери. Вероятно, вследствие излишней сырости шесть поросят подошли от воспаления легких. В скотнике пришлось сложить вторую печь.

К началу зимы 1935/36 г. у нас было 16 поросят, которые к весне 1936 года стали взрослыми, хорошо откормленными животными.

Таким образом, за период с августа 1935 года по октябрь 1937 года нам удалось получить и вырастить на станции 29 голов взрослых свиней и 7 поросят. Этих поросят вместе со свиноматкой мы сдали в октябре 1937 года новой смене.

Наличие своей, хотя и скромной животноводческой базы в течение двух лет полностью обеспечило потребность нашего коллектива в свежем мясе и, кроме того,

позволило нам в 1936 году совершенно отказаться от завоза животных с материка.

На откорм свиномолодняка у нас шли все отходы нашей кухни и стола. Для откорма свиней в значительной мере мы использовали мясо морского зверя (нерпа, морской заяц и белуха) и медвежье мясо. При откорме только мясом морского зверя мясо откармливаемого животного приобретает специфический привкус и запах. Для устранения этого привкуса мы обычно прекращали кормить его звериным мясом за полтора месяца до забоя. За этот промежуток времени неприятный рыбный запах у мяса свиней пропадает.

Удачный опыт разведения и выращивания свиней в условиях полярной станции позволяет надеяться, что с таким же успехом в Арктике можно разводить и овец.

На мысе Желания был опыт и растениеводства.

Хорошие результаты мы получали от выращивания салата. Ящики размером $50 \times 30 \times 10$ см мы наполняли землей, смешанной с навозом из скотника, и засевали семенами салата. Ящики обычно ставились в теплое светлое помещение, с таким наклоном, чтобы солнечные лучи падали на поверхность ящика возможно прямо.

Урожай салата получали хороший.

Опыт по животноводству и растениеводству полярной станции мыс Желания, расположенной на самой северной оконечности Новой Земли, говорит о том, что на более южных станциях эти отрасли сельского хозяйства смогут развиваться еще лучше.

И. Никитин

БОРИС РИХТЕР

ИСКУССТВО ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(К десятилетию со дня гибели Р. Амундсена)

Буржуазия уже давно утратила интерес к теории, к науке, научным исследованиям, если их результаты не дают непосредственно и немедленно осязаемого материального результата.

Работа буржуазных исследователей в Арктике в последнее десятилетие не представляет из себя ничего мало-мальски успешного и плодотворного. И если в отдельных случаях имели место единичные внешне импозантно организованные экспедиции, то это были рекордсменские предприятия, рассчитанные на сенсацию, на удовлетворение националистического самолюбия, а не научные исследования, способные внести вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Не случайна была при такой обстановке трагическая гибель в июне 1928 года дирижабля „Италия“ и значительной части его экипажа. Нет, это скорее логически обоснованный неизбежный конец, роковой символ катастрофического упадка старой капиталистической культуры.

И так же логически обоснован тот успех, который достается на долю героических экспедиций, посланных Советским Союзом для спасения людей, терпящих бедствие во льдах полярной области. Когда весь мир занимал позицию зрителей, следящих за новой сенсационной драмой, разыгравшейся во льдах Северного Ледовитого океана, только Советский Союз оказал действительную помощь погибавшим, невзирая на то, что эта помощь нужна была экспедиции, организованной страной фашизма, страной, относящейся к СССР с непримиримой враждебностью.

Напомним кратко ход событий в эти — уже далекие теперь от нас — дни.

Участвовавший в 1927 году в экспедиции Амундсена итальянский полковник Нобиле не удовлетворился славой, которую он заставил Амундсена и Элсворта разделить с ним после первого трансарктического перелета на дирижабле „Норвегия“.

В 1928 году Нобиле организовывает новую экспедицию на дирижабле „Италия“ к Северному полюсу. Экспедиция преследует „высокую цель“: сбросить на лед у полюса флаги и деревянный крест, посланный самим папой.

Всесвятейшее благословение не помогло: „Италия“ потерпела во время бури аварию, дирижабль разбился, одна половина экипажа была сброшена на лед на месте аварии, другая была унесена с оболочкой, и эти люди погибли. Почти целый месяц налаживала спасаясь группа радиосвязь, чтобы сообщить о своей участи. Наконец радио, пойманное в СССР, сообщило, что Нобиле и уцелевшие его спутники находятся на льду у северных берегов архипелага Шпицбергена и требуют немедленной помощи.

Такую немедленную помощь могли оказать только имевшие большой опыт в деле плавания во льдах Арктических морей мощные советские ледоколы. Они были двинуты на спасение погибающих итальянцев.

Одновременно с этим на помощь гибнущим полетел на французском самолете „Латам“ Руал Амундсен, один из мужественных и стойких представителей старого поколения исследователей Арктики.

В тот момент, когда „Красин“ упорно приближался к лагерю терпящих бедствие, когда наши советские летчики Чухновский и Бабушкин вели свою воздушную разведку, в холодных волнах Ледовитого океана вследствие аварии самолета нашел свою могилу Руал Амундсен, чье имя связано с открытием северного магнитного полюса, Южного географического, со сквозным плаванием по Северо-западному проходу, с первым достижением по воздуху высоких широт.

Мы не можем пройти мимо памятной даты гибели выдающегося исследователя полярных пространств. Наши героические полярники многому учились у этого энтузиаста полярных исследований. Нет никакого сомнения, что еще целые поколения

наших полярников будут зачитываться трудами Амундсена, отбирая все то полезное и нужное, что по крупинкам рассеяно на путях, проторенных Амундсеном по снежным просторам Арктики и Антарктики.

Разве не представляет интереса тот „коэффициент уверенности“, который так настойчиво применял Амундсен при всех своих расчетах „для преодоления опасностей, неожиданных трудностей и предотвращения запозданий“? ¹

„Самая тщательная продуманность плана, здоровое суждение и бесконечное терпение в выработке мельчайших подробностей снаряжения, а также и осторожность“. В этих немногих, скупо брошенных словах, однако, скрыта целая программа организации любой исследовательской экспедиции. Жизнь Амундсена и его деятельность являются наглядной иллюстрацией полной обоснованности и непреложности этой программы. Можно привести тысячи примеров из богатой практики путешественника для подтверждения правильности его выводов.

Именно на тщательной продуманности плана экспедиции основан успех, выпавший на долю Амундсена, когда он прошел так называемым Северо-западным проходом. Совершенно не случайно „открытие“ этого прохода выпало на долю Амундсена. Когда читаешь его книгу о плавании „Йоа“ и видишь, как тщательно разработал Амундсен план этой экспедиции, то невольно уже с середины книги читатель проникается уверенностью, что Амундсен несомненно достигнет своей цели. Быстро и просто была проведена также экспедиция к Южному полюсу, не удававшаяся ранее многим.

Мы знаем примеры, когда именно по причине непредусмотрительности, невнимания к мелочам срывались большие экспедиции, а также знаем, как тщательно заботились о „мелочах“ такие „мастера полярных путешествий“, как, например, Пири и Нансен. Однако Амундсен достигает в этом деле виртуозности. Необходимо, например, облегчить вес груза — сострагивается весь излишек дерева у саней, обстругиваются доски ящиков и доводятся до минимальной толщины. Палатки окрашиваются в темный цвет: „во-первых, потому, что он позволяет глазам отдохнуть после того, как проедешь целый день по ослепительно блестящему льду, а, во-вторых, потому, что темный цвет поглощает больше тепла от солнца и палатки в ясные дни будут теплее“.

Заслуживает особого внимания организация Амундсеном кадров экспедиций и расстановка людей при производстве работ. Возьмем для примера экспедицию на „Мод“ в Восточносибирское море. Экипаж „Мод“ состоял всего из 8 человек — в это число входили и капитан, и команда, и летчики, и

Р. Амундсен

научные сотрудники. Специальностей тут было затронуто, несомненно, больше, чем имелось людей; навигация, механика, авиация, метеорология, аэрология, актинометрия, земной магнетизм, атмосферное электричество, гидрология, гидрохимия, гидростатика, гидрография, радиотехника и, наконец, целый ряд практических прикладных ремесел.

А когда оцениваешь результаты проведенных работ, невольно вспоминаются экспедиции со штатом в 60—100 человек на больших, благоустроенных кораблях, вооруженных и оснащенных по последнему слову исследовательской техники. Здесь мы можем многому поучиться для организации труда в наших полярных экспедициях и особенно на наших полярных станциях.

Большой интерес представляют также отношение Амундсена к технике и методы внедрения ее в дело полярных исследований. Мы видим не только использование технических новинок и применение их в деле оснащения экспедиций, но и разработку новых конструкций. Напомним, что „Мод“ была построена по чертежам самого Амундсена, с учетом всех предшествующих плаваний: сюда вошло все, о чем думал Амундсен, стоя у штурвалов „Бельгики“, „Фрама“, „Йоа“.

¹ Р. Амундсен, Моя жизнь, „Прибой“, 1930, М., стр. 181.

На далеком полуострове Челюскина осталась, как памятник Амундсену, каменная хижина, построенная во время его плавания Северо-восточным проходом. Эта хижина — настоящая выставка образцов полярного снаряжения. Здесь сотни предметов останавливают внимание немногих посетителей этого оригинального домика. Лакировка банок, расфасовка и улаковка консервов, специально разработанные модели ручек для инструментов и множество других мелких деталей говорят об организационном таланте Амундсена.

Жизненный путь Амундсена изобилует терниями и всевозможными трудностями. И, как ни странно, но самые крупные затруднения Амундсен встречал не среди льдов и снегов, а на Большой земле. Осуществлению любого из его планов мешало отсутствие денег, — в капиталистическом обществе средства предоставляются только там, где есть верная прибыль. Амундсену приходилось искать спасения для своего судна даже в бегстве от описи судебного пристава по претензиям кредиторов. В разгаре приготовлений к ответственному перелету через полюс Амундсен вынужден затрачивать время на ликвидацию последствий мошеннической авантюры агента Хаммера: Амундсен относит этот момент к „самому болезненному, самому унижительному и, по правде говоря, самому трагическому эпизоду своей жизни“.¹

Какая ирония судьбы! Неоднократно быть в Арктике, испытывать катастрофические сжатия льдов, проноситься над бесконечными льдами полюса на самолетах, бороться с морскими штормами и снежными пургами и на склоне своих дней считать самым трагическим эпизодом безобразную аферу ничтожного жулика, случайно связавшего свое имя с именем великого путешественника!

Не так страшны были для Амундсена туманы Арктики, как туманные дела второго, рокового для Амундсена человека — полковника Нобиле. Всякими методами Нобиле старается не остаться на втором месте. После знаменитого трансарктического перелета „Норвегии“, по прибытии в Америку Нобиле без стеснения покусается не только на приоритет Амундсена в этом перелете, но и прямо, без всяких церемоний, заявляет претензии на всевозможные доходы от печатных трудов, докладов, лекций и т. п. В результате Амундсену приходится до конца испытать всю горечь „сотрудничества“ с фашистским полковником. И не приходится удивляться, что Амундсен отводит в своих воспоминаниях значительное место эпизодам торговли Нобиле, проводимой при посредстве сыгравшего печальную роль в этом деле председателя Норвежского аэроклуба д-ра Р. Томес-

сена. Таковы уж условия того общества в котором человек человеку — волк.

Постоянная борьба с природой Арктики выработала в Амундсене особенную предпримчивость, быструю ориентировку, способность находить выход из всякого положения. В его богатой всякими неожиданными жизнями мы имеем много примеров этой исключительной находчивости, в результате которой он неизменно добивается успехов.

Во время первого пребывания Амундсена в Антарктике, в 1897—1898 годах в экспедиции Де-Жерлаша, когда судно экспедиции „Бельгика“ стояло затертое льдами и не было, казалось, никакой возможности провести его к открытой полынье, Амундсен кирками и лопатами прорубает многометровый слой льда на протяжении свыше километра. Этот, с первого взгляда, сизифов труд увенчался успехом: судно вышло из второй зимовки только благодаря пробитому руками моряков каналу.

Амундсен с первых же лет своего увлечения делом полярных исследований делая мысль о достижении Северного полюса и долго ждал возможности организовать эту экспедицию. Но в разгар подготовительных работ полюс достигает американец Пири! И Амундсен с присущей ему находчивостью выходит из положения: неожиданно для всех он в пути следования экспедиции меняет курс, ведет судно не к северу, а к югу и кончает дело открытием Южного полюса.

Эта блестящая экспедиция удалась Амундсену благодаря оригинальному разрешению проблемы снабжения экспедиции. Многие предшественники Амундсена в деле достижения Южного полюса вынуждены были отступить вследствие трудности перевозки значительных грузов по высокому плоскогорью центральной части Антарктики. Большое протяжение пути от берега моря до полюса и обратно требовало значительных продовольственных запасов для людей и фуража для транспортных животных. Амундсен разрешил этот вопрос просто и остроумно. Он выбрал собачий транспорт и рассчитал нужное количество собак таким образом, чтобы во время пути к полюсу их было достаточно для перевозки груза экспедиции. По мере уничтожения запасов продовольствия освободившиеся от нагрузки собаки убивались и обращались в резервный фонд собачьего корма на обратном пути. Задача была разрешена, полюс был достигнут в рекордно короткий срок.

Большую решительность проявил Амундсен и во время исторического полета над Ледовитым океаном, когда пришлось идти на посадку под 88° северной широты.

Глубокая продуманность каждого плана приводит Амундсена к успеху там, где его предшественники терпели неудачу. Мы уже видели это на примере организации похода

¹ Р. Амундсен, Моя жизнь, „Прибой“, М., 1930, стр. 96.

к Южному полюсу; еще нагляднее сказались тщательная проработка планов во время плавания Северо-западным проходом. Над этой проблемой безуспешно работали экспедиции разных стран на протяжении многих лет, отделявших плавание Д. Франклина от Амундсена. Успех выпал на долю последнего не случайно. Амундсен тщательно изучил все предшествующие экспедиции, учел весь их опыт, все трудности, встречавшиеся на пути, все ошибки, выбрал наилучший тип судна, наиболее благоприятный вариант пути, подобрал маленький, но надежный экипаж, и в результате невозможное совершилось — крошечная „Йоа“ прошла от Бергена до Сан-Франциско через Канадский архипелаг.

Если Амундсену на Большой земле не везло на встречи с честными людьми, то это вознаграждалось подбором таких соратников в его экспедициях, которыми мог бы гордиться любой начальник. Имена Вистинга, Свердруп, Риссер-Ларсена, не говоря уже о Мальмгрене, вошли в историю арктических исследований. С исключительным теплым чувством вспоминает Амундсен во всех своих трудах о сопровождавших его экипажах. Здесь почти не было ошибок: в этом сказывался организаторский талант руководителя экспедиции. Бережное отношение к человеку, забота о подчиненных, внимание к предшественникам по экспедициям, чуткий подход к малым народам, населявшим места, куда попадали экспедиции Амундсена, высоко характеризуют его и как человека.

Достаточно вспомнить, например, страницы, посвященные плаванию вдоль наших, советских берегов Ледовитого океана. С каким уважением он относится к памяти русских моряков, работавших здесь до него: к Челюскину, Минину, Лаптевым. Он ищет следы их пребывания в этих местах, восстанавливает разрушенные морские знаки. Отдавая должную дань Норденшельду, он сооружает в честь его плавания Северо-восточным проходом своеобразный памятник на мысе Челюскина.

Он пришел первым к Южному полюсу, но, рассказывая о своих достижениях, он неизменно возвращается к капитану Скотту, выставляя последнего как человека долга, отзываясь о нем с неизменным восхищением и уважением, хоть они еще вчера были соперниками в достижении одной и той же цели, у которой Амундсен нашел свою славу, а Скотт свою могилу.

В период подготовок к экспедициям Амундсен совершенно ясно представляет себе, что успех будет сопутствовать ему только в том случае, если он лично овладеет техникой всего комплекса работ полярных экспедиций. Он не считает для себя возможным оставаться только в роли начальника экспедиции: он должен уметь вести судно — и он изучает навигацию, добиваясь капитанского патента; он должен уметь управлять самолетом — и он сдает пилотский экзамен; этого мало: он изучает авиационные и судовые двигатели, медицину, осваивает процесс наблюдений по земному магнетизму, метеорологии и гидрологии.

Решив в дни своей юности посвятить свою жизнь полярным путешествиям, Амундсен начал работать над собою, чтобы приспособить себя к предстоящей деятельности. Все виды спорта вводятся в обиход для тренировок. Военная служба — и та рассматривается Амундсеном как своеобразная подготовка. В результате Амундсен говорит уже об „искусстве полярных исследований“. Действительно, у Амундсена организация полярных экспедиций была доведена до степени искусства. Это было неизбежно, потому что Амундсен был одинок, он мог располагать только силами своего всегда немногочисленного экипажа, он мог надеяться только на себя, на свою предусмотрительность, на свой опыт, на выносливость своих спутников.

Достигая обоих полюсов земли, плавая и путешествуя по всем полярным морям, Амундсен никогда не чувствовал за собой своей страны, своего народа. В этом заключаются корни той трагедии, к которой пришел Амундсен в конце своей жизни. Разлад, неудовлетворенность, одиночество — вот чем полон последний труд Амундсена — „Моя жизнь“. Гибель Амундсена — финал этой трагедии.

В нашей стране в борьбе за освоение Арктики нет места для трагизма одиночек. За коллективом полярников стоит многомиллионный народ. Моряки, летчики, зимовщики во время работы среди льдов и снегов Арктики все время чувствуют связь со своей великой родиной и твердо знают, что во всех случаях Страна Советов и ее правительство всегда окажут им помощь и поддержку.

Спокойно и уверенно ведем мы свою работу на всем протяжении Арктики — от полярного круга и до полюса — и создаем „науку полярных исследований“.

А. ВОЛЬСКИЙ

ГИДРОГРАФИЯ НА ЕНИСЕЕ

(Гидроотдел Красноярского теруправления)

Деятельность Гидрографического отдела Красноярского теруправления требует к себе пристального внимания.

Административно-хозяйственная часть этого отдела с 1936 года из Омска переведена в Енисейск. Само по себе это мероприятие отвечает задачам освоения Енисея и его притоков. Почему, в самом деле, организация, работающая на Енисее и имеющая свой флот на Енисее, должна базироваться в Омске и оттуда руководить громадным районом, простирающимся от Красноярска до Карского моря?

Но суть подрывной работы троцкистско-бухаринской агентуры, пробравшейся и в Красноярское теруправление, в том и состояла, что враги народа в каждое разумное мероприятие вносили скрытые, замаскированные формы вредительства. Так получилось и с гидроотделом. Отдел формально перевели в Енисейск к месту зимнего отстоя гидрографического флота. Здесь находятся сектора: плавсредств, ограждений, здесь подсобные мастерские и хозяйство. А самый главный сектор, мозг гидрографии, ее основа — гидросектор, занимающийся формированием экспедиций, дающий конкретные научные наметки для экспедиций и камерально обрабатывающий добытые ими научные материалы, — этот сектор оставили в Омске, причем во главе его был поставлен заклятый враг народа. Он вкупе со своими единомышленниками расставил на ответственных участках своих подручных — бывших царских офицеров, колчаковцев, троцкистов. Пользуясь бесконтрольностью и разрывом, который получился из-за такого расчленения одной организации, враги творили свои дела как хотели, покамест не были разоблачены и пойманы.

Казалось, урок должен был научить как руководство теруправления, так и теперешний состав руководителей гидроотдела,

что такое расчленение дальше не может быть терпимо. Но, как нас „заверил“ начальник гидроотдела, положение остается без изменений.

Почему нельзя гидросектор из Омска перевести в Енисейск? Оказывается, по двум причинам.

Во-первых, для работников гидросектора в Енисейске нет свободной жилой площади. Во-вторых, основной состав гидросектора — коренные омичи, и они, как говорят нам, не пожелают променять свой Омск на скучный Енисейск.

Конечно, перевод группы работников из одного города в другой требует известной подготовки. Но подчинять отсталым настроениям коренные задачи гидрографии — по меньшей мере несерьезно. Все дело в правильной организации данного мероприятия.

Пока руководство теруправления и его гидроотдела не уяснило этого, положение остается прежним. Флот гидроотдела находится на отстое и судоремонте в Енисейске, а некоторые командиры, все начальники экспедиций и весь их состав — в Омске. Ни командир, ни начальник экспедиции не знает, как ремонтируется его судно.

Но вот наступает весна. С открытием навигации все едут из Омска в Енисейск. Тут начинается бестолковщина: то забыли, этого не сделали. И экспедиции в трудные, ответственные операции выходят не вполне оснащенные. Нужно ли говорить, что такая постановка работы как раз и служит питательной средой для враждебных элементов?

У гидроотдела два хозяина. С одной стороны — территориальное управление (Игарка), а с другой — Гидрографическое управление (Ленинград). Дело складывается таким образом, что без Ленинграда гидроотдел работать не может, потому что там находится его методический центр. А в Игарке центр хозяйственный. Игарка не

может взять на себя функции методические (в гидрографии много специфики). Ленинград же может взять на себя и хозяйственные функции. Значит, нужно эти обе функции совместить в Гидрографическом управлении. Это требование логики, требование самой жизни. Ведь гидрография — организация специального назначения. Успешность ее работы больше всего зависит от методической части.

Двойственность гидроотдела порождала ряд отрицательных явлений. Приведем один из показательных примеров.

К концу навигации 1937 года между Енисейском и Игаркой возник по радио спор, кому надлежит командовать флотом гидрографии. Как всегда, к осени у Игарки оказалось множество незавершенных операций. Бывший начальник теруправления Адамович стал из Игарки сыпать радиogramмы командирам отдельных гидрографических судов — итти туда-то, буксировать такую-то баржу или принять такой-то груз. Командирам было предложено слушаться только его, Адамовича, приказания. Руководство же гидроотдела, будучи озабочено своевременной выводкой своего каравана и людей, естественно, воспротивилось этому. В результате в эфире стали раздаваться угрожающие предупреждения:

— Флотом команду я! — (Енисейск.)

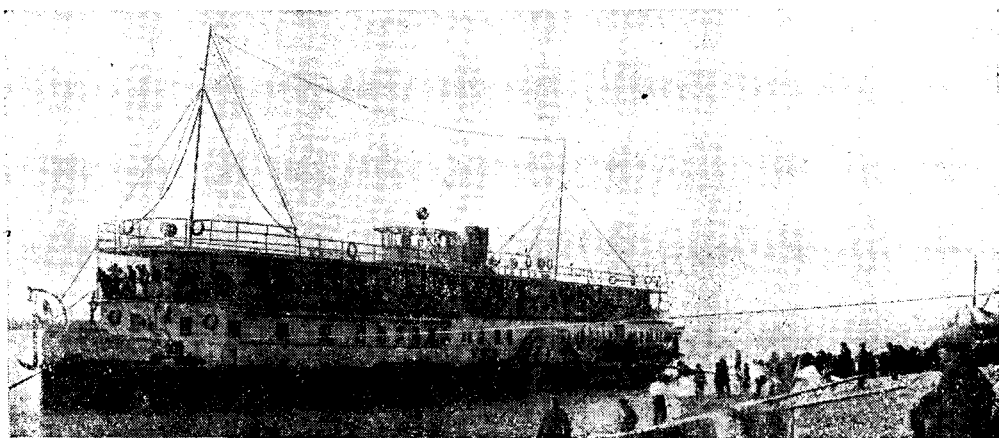
— Подчиняться только моим распоряжениям! — (Игарка.)

Тем временем в низовьях Енисея суда плавали взад и вперед, выполняя противоречивые приказания то Енисейска, то Игарки. Вот что можно прочесть в вахтенном журнале г/с „Сталинец“:

„11 октября 1937 года, на траверзе Гольчихи, в 14 часов 45 минут, встретив

последнее морское судно „Свияга“ и приняв лоцманов, „Сталинец“ стал на якорю у села Воронцово. Утром 12 октября было получено радио из Енисейска, что больше морских судов не будет и „Сталинцу“ надлежит итти в Игарку. Когда „Сталинец“ уже подходил к мысу Дорофеевскому, командир получил радиogramму из Игарки следовать к мысу Мезенина и остаться на лоцманской службе. Повернули вниз. В 16 часов 00 минут командиру приказали по радио из Енисейска — итти безотлагательно в Игарку. Повернули вверх по реке. Пришли в Усть-Порт в 1 час 35 минут 15 октября и в 8 часов 00 минут вышли в Игарку совместно с гидрографическим судном „Циркуль“. 16 октября, пройдя Липатниковскую протоку, получили радио из Игарки — стать на якорю в Липатниковской протоке для обеспечения проводки судов. Повернули без „Циркуля“ обратно в протоку. Около 21 часа, стоя в Липатниковской протоке на якорю, командир „Сталинца“ получает радио из Енисейска — вопреки всяким другим приказаниям следовать в Игарку. Командир, несколько колебавшись, пошел вверх по Енисею и привел „Сталинец“ в Игарку 17 октября“.

Таким образом, 6 дней судно двигалось то вверх, то вниз по реке, выполняя противоречивые приказы. Этот случай можно было бы посчитать за анекдот, если бы не серьезный урок — зимовка части судов на Диксоне и отправка экипажа части гидрографических судов не обычным путем вверх по Енисею, а морем через Мурманск. Этот случай является наглядным уроком порочной системы руководства теруправления, когда оно присваивает несвойственные ему функции.

Теплоход „Спартак“ на Енисее

Вся работа вредителей в гидроотделе вела к одному — сделать гидрографию тормозов в нашем продвижении на Север.

Каждому ясно, что роль и обязанность гидрографии — идти впереди флота и освещать ему путь. Сейчас же мы имеем такое положение, когда гидрография либо плетется в хвосте речного флота и лимитирует, таким образом, его дальнейшее продвижение, либо никак себя не проявляет. В этом и заключалось вредительство в гидрографии.

Многое из деятельности троцкистско-бухаринской агентуры на участке гидрографии уже разоблачено. Так, например, в гидросекторе (Омск) забракован целый ряд изыскательских работ. Работы по Хатангскому заливу, Енисейскому заливу, морю Лаптевых, Гыдоймскому заливу признаны несостоятельными. Вся обстановка низовьев Енисея требует серьезной проверки. Если раньше со стороны отдельных командиров поступали заявления о том, что они боятся ходить по створам, то сейчас совершенно бесспорно, что и триангуляционные отметки (береговая опора) и береговые ограждения сделаны неверно. Ночная обстановка на некоторых участках низовьев разрушена. В нынешнюю навигацию все это гидроотдел должен приводить в порядок.

Но мы считаем необходимым заострить внимание Главсевморпути на том, что и методика Гидрографического управления есть, по существу, вредительская. Ряд лет среди работников гидрографии господствовала реакционная теория о том, что „Енисей изучен и обставлен, больше делать тут нечего“. Свое высокое призвание гидрографы видели в работе на море. Отсюда — разрыв между транспортной конторой и гидроотделом, непонимание общих задач.

Река без притоков, также как и Северный морской путь без главнейших сибирских рек, это еще не магистраль. И вот, когда мы настойчиво бьемся над разрешением проблемы освоения боковых рек на Енисее, гидрография продолжает тащить нас в шхеры Минина и в другие экзотические места. Мы не против шхер Минина, но мы не можем допустить такого положения, чтобы на боковых реках и дальше уродовались наши пароходы и продолжал бы существовать труд ламщиков.

Как только наступает весна, гидрографы испытывают лихорадку. Каждый добивается сугубо арктической экспедиции — обязательно в шхеры Минина, обязательно в Гыдоймский залив! Тут есть причины морального порядка: существует мнение, что

морская экспедиция — почетная, а речная — рядовая. И есть материальные причины: в морской экспедиции и арктический паек и оплата выше. Таким образом, созданы все условия для того, чтобы не менее почетная работа на реке была предана забвению и всячески обходилась.

Эта, с позволения сказать, „методика“ Гидрографического управления продолжает жить до наших дней.

Транспортная контора просила включить в план исследований реки: Нижнюю и Подкаменную Тунгуску, Хантайку, Турухан. Теруправление просило сделать съемку реки Кочечума в северной Эвенкии. Гидроотдел же включил в план только Подкаменную Тунгуску и Турухан.

Вот уже два года идет тяжба между транспортной конторой и гидроотделом по поводу Пясинского бара. Пясинский бар — настоящий „мешок“ для караванов пясинских операций. Он служит серьезным препятствием для развития грузоперевозок строительству Норильского полиметаллического комбината. Он ставит под угрозу флот, работающий на Пясине. До сих пор Пясинский бар не оснащен. Скажем больше: шхеры Минина, расположенные по соседству с баром, в навигационное время абсолютно пустующие, картографически представляют настоящую транспортную магистраль в сравнении с развивающейся действительной транспортной магистралью — Пясиной.

На बारे нужно найти более глубокую борозду для фарватера. Нужно, следовательно, произвести промеры. Но вот два года идут споры, и бар остается прежней ловушкой. Спор идет о двух 50—60-сильных мореходных катерах. Транспортная контора говорит, что у нас, мол, их нет. Гидроотдел утверждает, что такие или подобные катера у транспортной конторы есть, но она не хочет их дать гидроотделу, а посему гидроотдел работать на बारे не будет. И не работает.

Таково положение вещей на участке гидрографии. Нужны радикальные меры, чтобы это положение исправить. И прежде всего нужно со всей силой ударить по реакционным, вредительским установкам в нашей гидрографии. Гидрография должна работать и на море и на реке.

Свыше десятилетия мы работаем по освоению Енисея. Эти работы стоят государству миллионы рублей. И нас уже вправе спросить: „когда же вы превратите Енисей в оснащенную водную магистраль Советского Союза?“

Что мы ответим?

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ В ПОЛЯРНУЮ НОЧЬ

В солнечном свете содержатся ультрафиолетовые лучи, которые необходимы для всех живых организмов. Эти лучи, не видимые простым глазом, действуя на некоторые химические вещества нашей кожи, создают витамин „D“, так называемый „солнечный витамин“, который необходим для здоровья нашего тела.

Присутствие витамина „D“ в крови человека способствует отложению в костях и зубах кальция и фосфора, детей предохраняет от рахита, увеличивает сопротивляемость болезням, способствует повышению умственной деятельности и т. д.

В Арктике и на Крайнем Севере, где периоды естественного солнечного света очень коротки и где даже летом приходится надевать теплое платье и скрывать кожу от живительных лучей солнца, люди получают очень мало ультрафиолетовых лучей.

Обычные оконные стекла, через которые проходят солнечные лучи, также являются непроницаемым барьером для проникновения этих целебных лучей.

Во время полярной ночи, которая продолжается от 2 до 4 месяцев, полярники совсем лишены солнечного света.

Возник вопрос о компенсации естественных солнечных лучей искусственными.

Промышленностью эта проблема разрешена, поэтому мы имеем все возможности пользоваться в Арктике в полярную ночь искусственным солнечным светом.

Небольшое количество ртути, помещенное в колбу специальной лампы, является эффективным источником ультрафиолетовых лучей. Некоторое количество ртути испаряется и образует дугу из паров между положительными и отрицательными электродами лампы. Эта белая полоска паров ртути и дает лучи большой интенсивности.

Таковыми лампами можно оборудовать полярные станции и другие пункты, где имеется электроэнергия, и в любое время года получать освещение, равноценное действию летнего солнца.

Оборудовав на полярных станциях небольшие соляриумы, можно под такими лампами даже загорать.

При различных болезнях, требующих при лечении согревания, врачи могут использовать для этой цели ультрафиолетовые лучи, обогревая ими только больные места, оставляя все другие части тела закрытыми.

Московским электротехническим заводом и фабрикой электроламп НКЛП разработаны конструкции ламп со специальными установками, с помощью которых можно облучать искусственным солнцем отдельные помещения. Такие установки необходимо иметь на полярных станциях.

Бюро изобретений Главсевморпути совместно с Управлением полярных станций решило провести в ближайшее время опыты по облучению зимовок искусственным солнечным светом.

И. ЛЕБЕДЕВ

ВЛИЯНИЕ РЕК НА ЛЬДЫ АРКТИЧЕСКИХ МОРЕЙ

Ледовое состояние морей зависит от многих причин: от силы и направления ветра, от температуры, прозрачности и влажности воздуха, от температуры морских течений и т. д. Кроме того, на ледовитость морей, в которые впадают крупные реки, оказывают сильное влияние воды рек. Это влияние выражается в повышении температуры морской воды и, следовательно, в таянии льда.

Но, кроме того, во время половодья, повидимому, имеется и механическое воздействие вод реки на морской лед. Весенние воды, повышая уровень моря в приустьевой части, способствуют взламыванию и выносу льда.

Таким образом, устанавливая зависимость между стоком реки данного года и ледовитостью моря, принимающего в себя эту реку, следовало бы учитывать отдельно

два фактора: 1) количество даваемого рекой тепла и 2) интенсивность весеннего паводка реки. Строго разграничить влияние этих двух факторов очень трудно. Количество выносимого рекой в половодье тепла можно считать приблизительно пропорциональным величине стока. Весенний паводок северных рек оказывает исключительное влияние на сток всего года, поэтому мы считаем, что можно объединить эти два фактора и поставить вопрос о влиянии стока рек на ледовитость морей.

Заметное влияние реки на состояние льда моря может сказываться только во время половодья, т. е. в начале навигации. В дальнейшем же среди других факторов влияние реки становится незначительным. Поэтому эту зависимость нужно выявлять для начала навигации: июль — начало августа.

Таблица 1

Река, пункт	Средний годовой уровень над "0" графика (см)	Средний годовой расход воды (м³/сек.)	Годовой сток (км³/год)
1934 г.			
Река Енисей—г. Игарка	213	22.800	719
Река Обь—г. Салегард	179	13.800	435
Сумма			1150
1935 г.			
Река Енисей—г. Игарка	226	23.600	744
Река Обь—г. Салегард	181	13.810	435
Сумма			1189
1936 г.			
Река Енисей—г. Игарка	211	22.700	718
Река Обь—г. Салегард	148	11.000	347
Сумма			1060

По вопросу влияния рек на тепловой режим северных морей имеются работы д-ра Полилова „О влиянии сибирских рек на воды Северного Ледовитого океана и Карского моря“,¹ Н. Д. Антонова „Количество тепла, выносимое реками в Карское море“,² Б. Д. Зайкова „Речной сток в море Лаптевых и Восточносибирское и количество переносимого ими в эти моря тепла“. В указанных работах преобладают теоретические подсчеты и не дается зависимости между меняющейся величиной стока рек и состоянием льдов морей. В настоящей статье мы постараемся, на основании данных наблюдений последних лет, установить эту зависимость, имеющую большое практическое значение.

По предварительным данным Управления полярных станций Главсевморпути нами подсчитан годовой сток рек Оби и Енисея за 1934, 1935 и 1936 годы. При подсчете годового стока бралась по летней кривой величина расхода воды, соответствующая среднегодовому уровню, и по ней вычислялся годовой сток. Игнорирование понижения, сравнительно с летней кривой, величины расходов воды при зимних условиях дает, конечно, преувеличенное значение величин годового стока, и притом это преувеличение не одинаково для разных лет. Но так как наша задача ограничена лишь установлением качественной зависимости между величиной стока реки и ледовитостью моря, без вывода каких-либо числовых соотношений, а также принимая во внимание сильное влияние на среднегодовой уровень и весеннего стока, считаем такой подсчет допустимым.

В результате вычислений годового стока получаем следующие данные (см. табл. 1).

Сравнивая суммарный годовой сток рек Енисея и Оби в Карское море, мы видим, что сток 1934 года был на 90 куб. км и сток 1935 года на 120 куб. км больше стока 1936 года. По этим данным делаем вывод, что из трех указанных лет наиболее благоприятное для судоходства ледовое состояние в прибрежной части Карского моря в начале навигации должно было быть

в 1935 году, худшее — в 1936 году и среднее между ними — в 1934 году.

Обращаясь к составленным Гидрографическим управлением Главсевморпути картам состояния льда в северных полярных морях по Карскому морю, находим следующее (см. табл. 2).

По данным ведомостей среднесуточных секундных расходов воды Булунской гидрологической станции ВАИ нами подсчитан, сток реки Лены по замыкающему ее бассейну створу в Булуне за время с 16 мая по 31 июля 1935 и 1936 гг., причем получено:

сток реки Лены за 16 мая — 31 июля 1935 года составлял 302 куб. км

„ „ „ „ 16 „ — 31 „ 1936 „ „ „ 266 „ „

разность стока 1936 и 1935 годов 36 куб. км

Обращаясь к картам Гидрографического управления, находим в море Лаптевых следующее распределение льдов в начале навигации 1935 и 1936 годов (см. табл. 3).

Рассматривая эти данные, видим, что чем больше годовой сток реки или, вернее,

сток весеннего паводка, тем лучше ледовые условия приустьевой части моря в начале навигации.

Анализ данных наблюдений всего за два — три года не дает еще права сделать определенные выводы, но на основании этого анализа можно сказать, что при составлении ледовых прогнозов для краевых морей полезно, наравне с другими факторами, учитывать зимние запасы влаги в бассейнах рек, выпадающих в эти моря.

¹ „Записки по гидрографии“, вып. XVIII, 1907.

² „Труды Арк. инст.“, т. XXV, 1936.

³ Там же.

Таблица 2

Время, для которого составлена карта	1935 год	1934 год	1936 год
Середина июля	Около острова Белого береговой припай. На запад от него чисто до острова Диксона. К северу, против Енисейского залива, чистая вода доходит до 75° . К западу от припая острова Белого и берега полуострова Ямада до мыса Моржового полоса чистой воды; далее мелко- и крупнобитый лед от 4 до 9 баллов с отдельными полями до побережья Новой Земли	Нет карты	На всем море лед и битый лед от 1 до 8 баллов. Крупнобитый лед 9 баллов в устье Обской губы. Чисто только у Новой Земли, южнее 75°
Конец июля — начало августа	Чистая вода от Байдарачкой губы по всему побережью до полуострова Таймыра. К северу чистая вода доходит до $74^{\circ}-76^{\circ}30'$. Крупно- и мелкобитый лед в 4 балла у острова Белого, к западу от полуострова Ямала и в Байдарачкой губе, — в 3 балла у Новой Земли в районе Маточкина Шара	Чисто от острова Белого почти до острова Диксона. Северная граница чистой воды доходит до $73^{\circ}30'-74^{\circ}$. Между островом Шокальского и островом Вилькицкого очень редкий мелко- и крупнобитый лед. Кругом острова Диксона мелко- и крупнобитый лед в 5 баллов. Чисто у устья реки Пясины. Чисто в Байдарачкой губе и чистая полоса к западу от полуострова Ямала	В Байдарачкой губе крупно- и мелкобитый лед с полями, отогнанный к северу до 74° . Чистая вода между Новой Землей и полуостровом Ямалом. У устья Обской губы, острова Белого и на север до $74^{\circ}30'$ редкий мелкобитый лед. Около острова Диксона и к западу от него, за исключением устья реки Пясины, по всему побережью мелко- и крупнобитый лед от 2 до 10 баллов с полями

Таблица 3

Время, для которого составлена карта	1935 год	1936 год
Конец июля — начало августа	Чисто в южной части до параллели 75° , только к востоку от губы Борхая (от линии Омолой — остров Столбовой) крупно- и мелкобитый лед с отдельными полями	От Таймырского полуострова до устья реки Оленек мелко- и крупнобитый лед с полями; далее на восток вдоль берега полоса чистой воды, доходящая на север до $74^{\circ}30'$ против дельты реки Лены и до $72^{\circ}30'$ — против устья реки Яны
Середина августа	Во всем море и в проливе Дм. Лаптева чистая вода	В районе Восточного Таймыра лед спускается широким языком к югу (от устья реки Анабара до дельты реки Лены); далее на восток чистая вода, доходящая на севере до 76°

МОРСКОЙ ЗВЕРЬ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

С глубокой древности Новая Земля славились обилием морского зверя.

Большой спрос на моржовые клыки — „рыбью кость“ — толкал промышленников на опасные для того времени плавания к Новой Земле. Иногда они даже достигали ее северной оконечности — мыса Желания.

Интерес к новоземельским промыслам особенно возрос во второй половине XIX столетия, когда резко сократился китобойный промысел в Северной Атлантике и Баренцовом море. На Новую Землю устремились преимущественно норвежские промышленники.

Бесконтрольный, хищнический убой морского зверя, продолжавшийся на Новой Земле и в начале XX столетия, сильно подорвал его основные запасы (в особенности моржа). Южная граница обитания значительно отступила к северу.

Советский период освоения Новой Земли в корне отличается от дореволюционной хищнической эксплуатации промыслов. Под промысел подведена научная база для отдельных промысловых животных, исходя из их запасов и биологии; установлены нормы убоя. Новая Земля становится обжитым участком Арктики. При царском правительстве там было только 3 становища. Теперь там имеется 23 населенных пункта, в том числе 8 полярных радиостанций.

Береговая линия Баренцова моря сильно изрезана, там много мест, защищенных от действия морской волны; у берегов всюду значительная глубина; в губах, заливах и кутах лед образуется поздно и держится долго. Эти условия благоприятны как для биологических особенностей морского зверя, так и для промысла.

Побережье Карского моря, наоборот, менее удобно для промысла, так как имеет очень мало защищенных мест.

Длительных наблюдений над промысловыми животными в основных промысловых пунктах не проводилось. Поэтому нельзя вывести какой-либо закономерности в подходе морского зверя в определенное время. Установлено только, что массовое появление морского зверя связано с массовым „подходом“ сайки.

Например, кормовой режим северо-западной части Карского моря зимой 1936/37 года и весной 1937 года для морского зверя был неблагоприятен. Это уменьшило количество белух, морских зайцев, нерп, моржей (не было массовых подходов). В свою очередь, это отразилось и на белом медведе. Он в этом районе не задерживался, а добытые экземпляры были чрезвычайно плохой упитанности. Единичные же экземпляры нерп и морского зайца у берегов Новой Земли можно встретить в течение всего года.

Зверь, появляющийся в массовом количестве на непродолжительный срок в данном районе, называется промышленниками „проходным“ или „ходовым“ зверем. Нерпа, постоянно держащаяся около определенного района, называется „местной“ или „жировой“. Термин „кутовой“ зверь относится исключительно к морскому зайцу и происходит от слова „кут“ — вершина губы или залива, где морские зайцы предпочитают жировать в летний период. Иногда „кутового“ зайца называют „черным“, так как старые морские зайцы имеют темную окраску, в отличие от молодых, более светлых.

Нерпа

Промысел нерпы обычно начинается осенью, но сроки изменяются для каждого становища в отдельности, в зависимости от наличия зверя.

Осенью нерп добывают сетями (размер ячей 21×21 см). Длина сетки зависит от глубины данного промыслового участка. Стену сетки (основа ее ставится перпендикулярно к берегу) обычно соединяют из 3 или 5 кусков общей длиной от 36 до 60 м. Нерпа чаще всего попадает в сетку ночью (днем она замечает сетку и обходит ее).

После образования припая промысел ведут уже с него, посредством отстрела из винтовок на расстоянии от 10 до 50 м. Бьют нерпу в голову или шею — это ранение для нее смертельно. Убитая нерпа не тонет (за исключением летних месяцев) благодаря толстому подкожному жировому слою. Достают ее гарпуном или же выезжают на маленькой „стрельной“ лодке, сделанной из тонких досок и затем просмоленной. Нерпу зацепляют ремнем из морского зайца и подтягивают ее к припаю. На лед нерпу вытаскивают только в том случае, если ее сейчас же будут разделять, иначе она быстро замерзает.

В весенние месяцы, когда нерпа выходит на лед и образует большие залежи, промысел ее также ведется на льду.

Нерпа обычно залегает на ровном льду заливов или губ вокруг лунок. Она очень осторожна, поэтому промысел на залежках требует большой выдержки и маскировки.

К нерпе, лежащей на льду, промышленники подходят с подсолнечной стороны и для маскировки одевают белый халат или на нартах устраивают белый щит с бойницей посредине. Такой способ позволяет подходить еще ближе и стрелять лежа с упора. При наличии дальнобойной винтовки маскировка не нужна.

В летние месяцы нерпу почти совсем не промышленляют.

Белуха

Промысел белухи приходится, главным образом, на осень и тянется с конца августа по ноябрь включительно. Промысел ведется белухими сетками („половинками“), а когда сетки уже сняты — ружьем.

Обычно промышленники, поставив сетку, ждут, когда белуха сама зайдет в нее и запутается. Наблюдения же показали, что белуха попадает в сеть только ночью и во время прибоя, когда вода делается мутной. Днем она сетку обходит. Такой пассивный промысел является, конечно, мало продуктивным.

Совершенно другие результаты получаются, когда промышленники переходят к активному промыслу. Он заключается в том, что промышленники не ждут, когда белуха сама запутается, а стараются принудить ее к этому. Стрельбой из винтовок в соответствующем направлении можно заставить белуху идти туда, где стоят сети, и вернуть ее обратно, если она от них удалится.

В 1936 году на косе Серебрянникова наблюдался массовый подход белухи, но промысел был пассивный: добыто всего 28 штук. В 1937 году массового подхода зверя не было, но промысел был активный, и в результате добыто 94 штуки.

Тактика действия промышленников при активном промысле белухи должна заключаться в следующем. Заметив белуху, дают ей возможность подойти ближе к сеткам, и если она идет мористее их, то стрельбой из винтовок стараются загнать ее к сеткам

(см. схему, где цифрой 1 обозначены эти выстрелы). Обычно достаточно 5—6 выстрелов в соответствующем направлении, чтобы белуха подошла к самому берегу. Во время нахождения белухи под водой стрелять не рекомендуется, чтобы не отклонить ее в сторону. У самого берега стрелять нужно реже, чтобы белуха спокойно заходила в сетку. Но запутывается там не все юро, часть его поворачивает обратно. В таком случае, проводя стрельбу прежней тактикой, направляют белуху к следующей сетке.

Активный промысел белухи применяется еще не на всех промысловых пунктах, хотя он себя оправдал, и его нужно широко распространить.

Естественные запасы белухи позволяют вести интенсивный промысел в течение десятка лет, не опасаясь подрывать ее основных запасов.

Активный лов белухи нужно распространить и на другие промысловые пункты Крайнего Севера, например на промыслы Обской губы и Енисейского залива.

Белый медведь

На западном побережье Новой Земли белый медведь стал редким явлением и встречается здесь только весной. На Карской стороне острова медведя можно встретить в течение всего года, особенно в северо-восточной части.

Промышляют его круглый год. Но летом вследствие линки шкура его не ценна, поэтому в этот период нужно запретить промысел медведя.

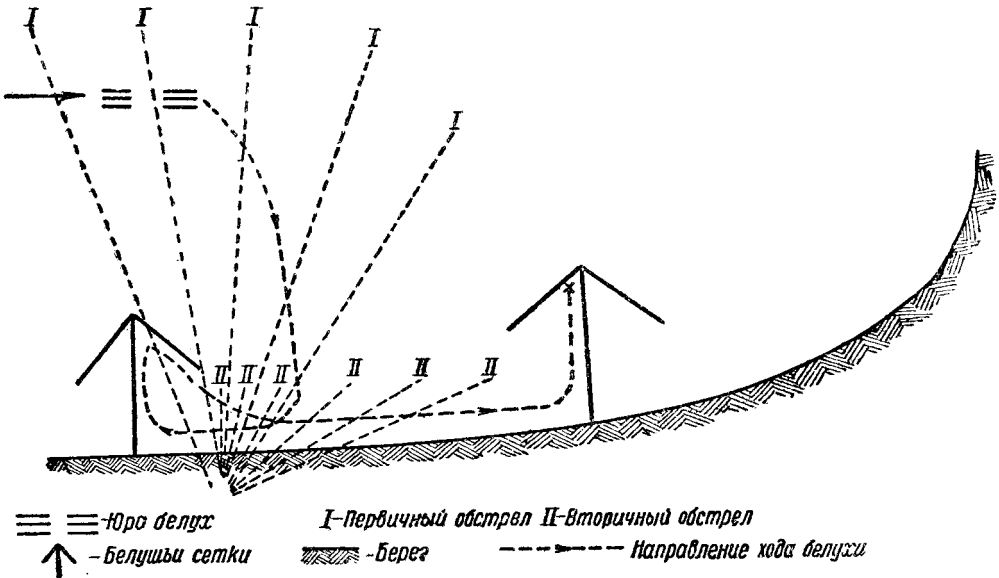

Схема загона белухи

Зимой его промысел носит случайный характер, так как промышленники в это время заняты промыслом песца.

Заметив на льду медведя, промышленники обычно оставляют собак, а сами, маскируясь за торосами или надев белый халат, подходят к медведю с подветренной стороны. Бить стараются в голову или шею, так как даже тяжело раненный медведь быстро скрывается среди торосов, где его трудно догнать.

В феврале и марте наблюдается массовый выход медведей. Они идут преимущественно на север.

В это время промышленники высматривают и караулят медведей на выдающихся в море мысах или же в тех местах, где имеется тонкий лед — „пайда“, на котором обычно залегает нерпа.

При нахождении берлоги промышленники стараются определить, кто в ней лежит, и уже после этого принимают дальнейшее решение. Берлога у медведицы с новорожденными медвежатами имеет очень маленькое отверстие. Поэтому медведица обычно не реагирует на лай собак. Такую берлогу промышленники не трогают, оставляя ее до конца марта — начала апреля, т. е. до момента выхода медведя из берлоги, чтобы, убив мать, забрать уже подросших медвежат.

Если же медведица залегла с „лончаками“ (медвежатами-второгодками), то отверстие у берлоги большое и вблизи берлоги снежные склоны бугров обкатаны и испараны медвежатами. В таких случаях, если при приближении охотников медведи не вышли из берлоги сами, их выгоняют хореем. Медведь „казак“ (т. е. самец) при приближении к берлоге обычно сам из нее выскакивает.

Лысун

Подходы гренландского тюленя к берегам Новой Земли не постоянны. Большей частью это одиночные экземпляры или небольшие юры. Удельный вес гренландского тюленя в общем промысле невелик. Особых приемов промысла на него не существует. Осенью он попадает в звериные сети, поставленные на нерпу и морского зайца, а зимой и весной его быют так же, как нерп.

Морской заяц

Осенью, с середины сентября, на морского зайца ставят сети, а зимой его стреляют так же, как нерп и лысунов на припайке. Зимой численность его меньше, чем осенью и весной.

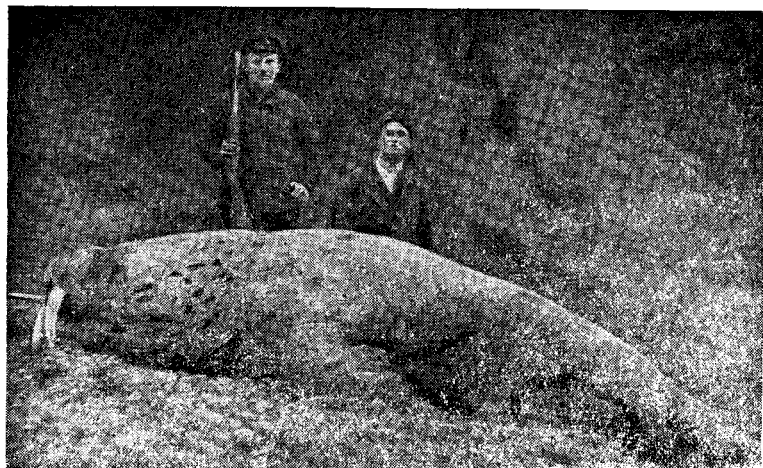
Массовых залежек у морских зайцев не бывает. Весной отдельные особи лежат на небольших льдинах или по кромке больших льдин припая.

Лежит морской заяц, по выражению промышленников, очень „крепко“, поэтому стрелять по нему можно с близкого расстояния — с 20—30 м.

Морж

В настоящее время моржа на Новой Земле промысляют только в 4 пунктах (Русская Гавань, коса Серебренникова, Гемскерк, Русаново), и то промысел там не постоянный.

Осенью морж случайно попадает в бедуши сетки, большей же частью его быют на залежках или на воде. Зверь очень напуган и залежку покидает с первого же выстрела. Обычно убой совершается беспо-

Морж, убитый на острове Гемскерк

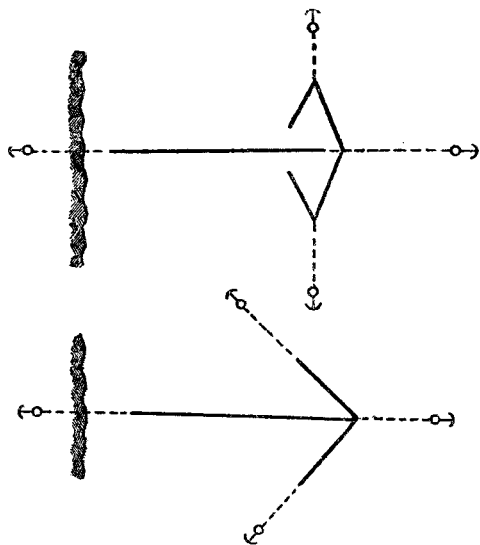

Схема установки сетей на морского зверя

рядочной стрельбой, и многие смертельно раненные животные отплывают и тонут. Техника убоя не совершенна, ее надо резко улучшить.

Численные запасы моржа внушают серьезную тревогу за его будущность. Необходимо полный запрет промысла на 10—15 лет.

* * *

Остановимся на дальнейших путях развития промысла. Существующие промысловые участки на Новой Земле нужно максимально осваивать и улучшать, а также добиться снижения себестоимости продукции промысла. Для этого необходимо: закрепить кадры промышленников, активизировать промысел, проводить обработку продукции на месте, электрифицировать промыслы.

Подбор кадров промышленников в настоящее время неудовлетворителен. Иногда вербуют людей, которые не только не слышали о нерпе и белухе, но даже и моря не видели.

Закрепить старые хорошие кадры, заботливо растить новые, улучшить жилищно-бытовые условия там, где они не на вы-

соте, — вот основные требования в этом направлении.

Северные промысловые пункты оборудованы неудовлетворительно. Например, на промпункте коса Серебренникова нет теплого разделочного помещения, и из-за этого 4/5 добытого зверя осталось неразделанным до весны, и в результате — 30—40% утечки жира. Для наиболее рациональной обработки шкур необходимо устроить теплые разделочные помещения.

Нужно расширить вопрос также о транспортировке жировой продукции. До последнего времени шельяга перевозилась в бочках, без всякой консервировки. В результате получался значительный отход, что удорожало себестоимость. Делались попытки топить жир на месте, но жир от промышленников принимался по цене, мало отличающейся от цены на шельягу; им это было невыгодно, и жир топить перестали. В настоящее время изучаются наилучшие способы консервировки шельяги, но, по нашему мнению, это не решает вопроса. Шельяга должна обрабатываться на месте, а для этого нужно создать необходимые условия. Основным мотивом для отказа от переработки шельяги на месте была дороговизна перевозки топлива на Новую Землю. Но это возражение совершенно неосновательно, так как, во-первых, берега Новой Земли буквально завалены плавником, а во-вторых — Новая Земля славится своими ветрами, и, следовательно, очень легко электрифицировать промыслы, так как ветер — даровой источник электроэнергии. На полярных станциях электроэнергию дают ветродвигатели, которые целиком себя оправдали.

Электрификация таких промыслов, как Русская Гавань, коса Серебренникова, которые находятся поблизости от полярных станций, должна быть проведена в первую очередь и тесно увязана с электрификацией радиостанции, с использованием ее технических средств и кадров.

Для других промысловых пунктов можно поставить ветряки мощностью в 10—15 киловатт. Такие ветряки обслуживают жилищно-бытовые нужды промышленников (отопление, освещение, баня, снеготайка), жиротопку и разделочные помещения, оборудование, промыслов (электродебелка, динамомоторы с аккумуляторной установкой на промысловых судах) и радиосвязь. Электрификация промысловых пунктов Новой Земли сильно повысит их производительность.

ПОХОДНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ДЛЯ ПОЛЯРНИКОВ

Одежда на Севере имеет большое значение, из-за какого-нибудь недостатка в обмундировании иногда может сорваться выполнение серьезных работ. Поэтому начинание «Советской Арктики» в обсуждении этого вопроса должно быть поддержано товарищами, имеющими полярный опыт.

На основании своего 14-летнего стажа работы в тайге и тундре я могу поделиться своим опытом, так как снабжение полярной одеждой у нас еще отстает от требований жизни.

Для успеха экспедиционной работы на Севере работникам нужно обеспечить спокойный ночлег, т. е. предохранить их от холода, сырости и комаров. Поэтому снабжение спальными принадлежностями — вопрос очень важный.

Удобный полог — необходимая принадлежность летней ночевки на Севере. Обычно его делают низким и узким, это — большая ошибка.

Полог на одного человека (в пологе в крайнем случае могут ночевать даже двое) шьется из шестнадцати метров легкой светлой бумажной материи, можно даже из ситца, но ни в коем случае не из тюля и не из марли. Эти материалы легко рвутся, а дырка в пологе сводит на-нет все его значение.

Полог делается в виде прямоугольника (рис. 1), длиной в 2 м, высотой в 1 м и шириной в две полосы. Снизу к боковым стенкам пришивается полоса холста, шириною в 15 см, которая подвешивается под постель. Сверху, по коротким плечам, нашивается по три петли, шириной в 5 и длиной в 10 см. В эти петли продеваются палки, за которые подвешивается полог.

В таком пологе удобно спать, — не беспокоят комары, свободно можно раздеваться и одеваться, а днем прекрасно можно работать и отдыхать, в то время как в палатке или на зимовье жарко,

а на открытом воздухе нет покоя от комаров.

Постель. В походных условиях можно употреблять не только меховой спальный мешок, но также и простыню и одеяло, сшитые в форме мешка. Это отвечает, во-первых, гигиеническим требованиям, а во-вторых — повышает сопротивляемость холоду.

Простыня-мешок, сшитая из 8 метров ситца, достаточно поместительна для того, чтобы в ней можно было снимать и надевать белье и платье (в походных условиях, даже в любые морозы, сон без всякой одежды — основное условие полного отдыха).

Незаменимым материалом для спальных мешков являются олени шкуры, так как собачьи холоднее и тяжелее, а бараньи совершенно не годятся. На мешок для рослого человека идут две больших бычьих шкуры или три маленьких. Мешок лучше шить шерстью наружу. При наличии суконного одеяла-мешка дополнительного одеяла не нужно; для очень чувствительных к холоду людей достаточно сделать полумешок для ног из простеганного, обшитого сатином заячьего одеяла.

Олений мешок служит долго, но не выносит сырости. Поэтому в него недопустимо залезать в заснеженной или обледенелой одежде.

Летом и осенью под мешок необходимо подстилать войлок, обшитый сверху тиком, а снизу — холстом или легким брезентом.

Сетка от комаров. Для летних экспедиционных работ большое значение имеет головной убор с тюлевой сеткой.

Авиационный шлем летом, как это некоторые рекомендуют, по моему не пригоден: в нем очень жарко.

Лучший головной убор для летних работ — суконная панама с широкими простроченными полями. Твердые шляпы

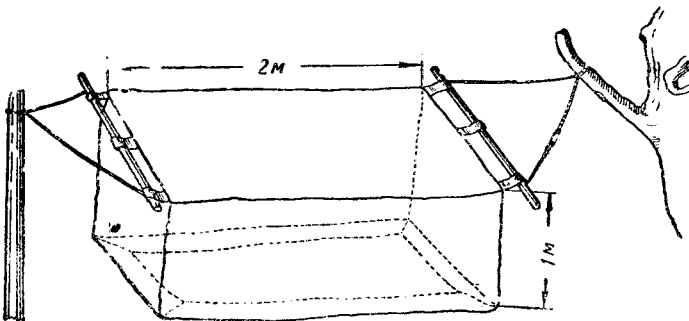

Рис. 1. Полог

непригодны из-за их непортативности.

На сетку (рис. 2) идет около 2 м тюля. Верхушка ее делается из тонкой плотной материи — например, из коленкора. К верхушке пришивается тюль, а к его нижнему краю также из коленкора пришивается полоса в 15—20 см. Такая сетка покрывает голову и плечи. Плотная полоска материи внизу не дает сетке развеваться.

Для защиты от мошки, свободно проходящей через тюль, сетка пропитывается чистым дегтем, который действует также и на комаров. Деготь, кроме того, предохраняет сетку от сырости, а к неудобству, доставляемому легким запахом, можно легко привыкнуть.

Ангарские промышленники делают из ситца глухой капюшон, спускающийся на грудь и спину, с лямками, проходящими подмышками (рис. 3). В отверстие для лица вставляется волосная сетка — донышко от сита.

Этот тип сетки прекрасно предохраняет от комаров, а если сетка частая, то и от мошки (кроме микроскопически малого «мокреца», от которого спасает только деготь). Но при ходьбе в этой сетке бывает очень душно.

Поэтому полезно иметь сетки обоих типов и комбинировать их употребление.

Обувь. При полевой работе больше всего недоразумений бывает с обувью.

Болотные и полуболотные сапоги тяжелы, жарки и крайне неудобны при сидении без стульев. Этот вид обуви пригоден только при путешествии в лодке и вовсе не годится для тех, кому приходится ходить пешком. Только халатностью хозяйственников можно объяснить тот факт, что ими до сих пор не использованы прекрасные модели разнообразной обуви, применение которых в тайге и тундре апробировано вековым опытом коренных обитателей Севера.

Хорошо шитые сибирские бродни (или ичиги) гораздо удобнее всяких сапог: они легкие, гибкие, и в них никогда не собьешь ноги. Якутские «сары» (в особенности верхоянской «дымленной» выделки из конской кожи) не только легки и удобны, но, будучи хорошо шиты, совершенно непромокаемы.

Самым лучшим видом таежной обуви являются эвенкийские «хамчуры» — короткие, с разрезом и шнуровкой, чулки из лосевой кожи, с прочной, но мягкой подошвой. Они идеально легки и в то же время очень прочны. Они никогда не скользят, в них можно уверенно пры-

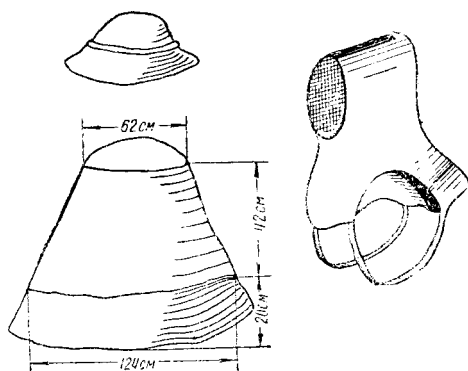

Рис. 2 и 3. Сетки от комаров

гать по качающимся камням россыпи; к тому же они почти не боятся воды.

Опыт коренных северных жителей должен быть всесторонне использован нашими снабженческими организациями. Но это, конечно, не исключает применения разных типов фабричной обуви. Например, когда приходится подолгу стоять в воде, необходимы высокие резиновые сапоги, настолько просторные, чтобы можно было надевать шерстяной чулок и навернуть толстую суконную портянку. Для длительной ходьбы по ровному месту очень хороши ботинки военного образца.

Если позволяют условия, следует иметь различную обувь. Например, на орнитологической работе в тундре я комбинировал различные виды обуви: для хождения по озерам и лайдам за гнездами я надевал высокие резиновые сапоги, для дальних походов — олочи, а, кроме того, имел легкие валенки с калошами, в которых хорошо отдыхают усталые, продрогшие ноги.

Из верхней одежды отмечу только удобный во многих отношениях суконый сакуй, распространенную демисезонную одежду коренных жителей Севера в Западной и Средней Сибири.

Поднимая вопрос о наилучших формах походной одежды, мы должны всерьез поучиться у людей, всю жизнь проводящих в тайге и тундре, умеющих применяться к этим суровым условиям. Этот опыт нужно усовершенствовать достижениями современной техники, и тогда получим те формы одежды, которые полностью удовлетворяют требованиям полярников.

ШКОЛЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

В 1930/31 году на Севере было 150 школ, в 1936/37 году — 550. На 1 января 1938 года, по приблизительным подсчетам, на Севере обучались 12—13 тысяч детей коренного населения. Такова официальная статистика Наркомпроса. Заметим, что она допускает колебания точности в пределах тысячи учащихся. Для Севера с его столетидесятитысячным коренным населением такое колебание весьма ощутительно.

Это факт, что Наркомпрос, работая на Севере десятки лет, до сих пор не знает точно, сколько у него там школ и сколько учащихся. По ориентировочным данным, начальным обучением на Севере школами Наркомпроса охвачено 73% детей, около 30% оставлены вне школы. Если отнести к этим процентам заведомо доверчиво, то и тогда выходит, что Наркомпрос далеко не осуществляет всеобщего начального обучения на Севере. Несомненно, это является прямым следствием вредительства

троцкистско-бухаринской агентуры фашизма, долгое время орудовавшей в органах Наркомпроса.

Нельзя сказать, что работники Наркомпроса не сознают этого. В своих докладах всюду они отмечают слабость постановки школьного дела на Севере. И этим все ограничивается. Нет настоящей тревоги за школу Севера.

Практически делами северной школы в Наркомпросе ведает так называемый Отдел нерусских школ Управления начальными школами. Отдел возглавляется т. Григорьяном. Мы не беремся судить о его общей работе, но то, что делается в части северных школ, иначе как безобразием назвать нельзя.

С каким бы вопросом о северной школе вы к т. Григорьяну ни обратились, он отсылает к старшему инспектору Джамбиновой. Северным же школам т. Джамбинова уделяет столько внимания, сколько позволяют ее обязанности старшего инспектора всех нерусских школ.

Занятия студентов второго курса Хантэ-Мансийского педагогического училища

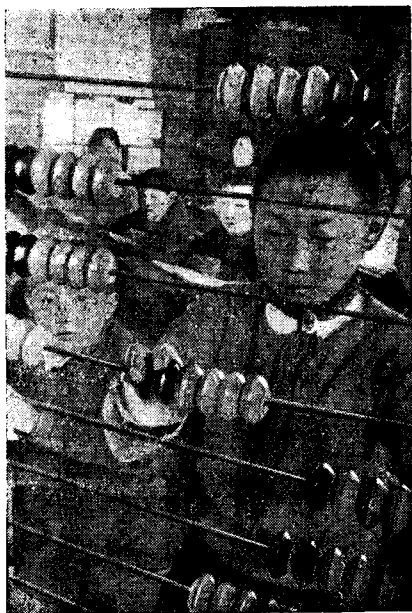
В свое время Совет Национальностей ЦИК Союза ССР по докладу О. Ю. Шмидта вынес решение об организации северных групп при Наркомздраве и Наркомпросе РСФСР. Наркомздрав это решение выполнил. Он имеет северную группу в составе руководителя группы и двух инспекторов.

Что же касается Наркомпроса, то здесь все еще продолжают смотреть на северные школы как на некий придаток к другим нерусским школам.

Вот факты. В 1937 году Наркомпрос получил для школьного строительства на Севере 4,8 млн. руб. Как использованы эти средства, он до сих пор не знает. 22 марта этого года Совнарком РСФСР в своем решении „О культурно-бытовом строительстве и бытовом обслуживании народов Крайнего Севера“ предложил Наркомпросу построить в 1938 году на Севере 14 школ, 1 школу с интернатом, 8 интернатов для существующих школ, 7 бань-прачечных при школах. По титульному списку новые школы намечаются: по Ямало-Ненецкому округу в Пуровском районе на реке Пур; по Таймырскому округу в Хатангском районе, на Подигае; по Чукотскому округу в Чаунском и Корякском районах; по Якутской АССР в Анабарском, Усть-Янском, Момском районах. Кроме того, из переходящего строительства в 1938 году должны быть закончены постройкой школы: по Якутской АССР в Момском, Среднеколымском и Нижнеколымском районах; по Дальневосточному краю в Корякском округе и на Чукотке. Это решение обязывало Наркомпрос немедленно взяться за школьное строительство, передать его, как было предложено Совнаркомом РСФСР, территориальным управлениям Главсевморпути, чтобы последние с начала навигации могли бы забросить строительные материалы и людей к объектам школьного строительства. Но Наркомпросу понадобилось три месяца на размышления, в мае он еще и не думал заключать соглашения на постройку школ. Только после заключения соглашения Наркомздрова с Главсевморпути в Наркомпросе вспомнили о доле своих обязанностей по решению Совнаркома и послали в Главсевморпуть проект соглашения. Когда этот проект готов был к утверждению... поступило требование Наркомпроса вернуть его обратно, так как, оказывается, проект не был рассмотрен наркомом.

Возьмем школьные помещения на Севере. Только 85 школ из 550 имеют специальные школьные здания. Остальные помещаются в простых рубленых избах, а часто и в землянках, юртах, чумах. Строительство школьных зданий на Севере играет первостепенную роль, и его надо всячески форсировать.

Отдел нерусских школ Наркомпроса

Урок арифметики в Хаптагайской образцовой начальной школе (ЯАССР)

Фото Е. Федотова

недооценивает школ-передвижек, школ-чумов. Между тем опыт показал, что на данном этапе такой тип школ среди кочевых народностей тайги и тундры имеет ряд преимуществ. Учитель, кочующий вместе со стойбищем, должен занять большое место в культурной работе на Севере в данных условиях. Мы знаем многих молодых учителей, которые с энтузиазмом посвящают себя этой работе и добиваются наилучших результатов. Мало того, что они обучают молодежь тут же, на стойбище, не отрывая ее от производственных занятий, они являются подлинными носителями культуры и для взрослого населения. Хороший учитель передвижки, не отчуждаясь от стойбища, живя его интересами, быстро осваивается в своеобразной обстановке. Как правило, такие учителя сравнительно легко овладевают языком националов.

Недооценка этого типа школ происходит от того, что работники Наркомпроса имеют очень смутное представление о Севере. Старший инспектор Отдела нерусских школ по обязанности должен иметь тесную связь с местами, непрерывно контролировать работу школ, направлять, на-ходу исправлять те или иные ошибки. Этого нет. Старший инспектор ни разу даже в краевые органы Наркомпроса не выезжал, не знает, как они работают.

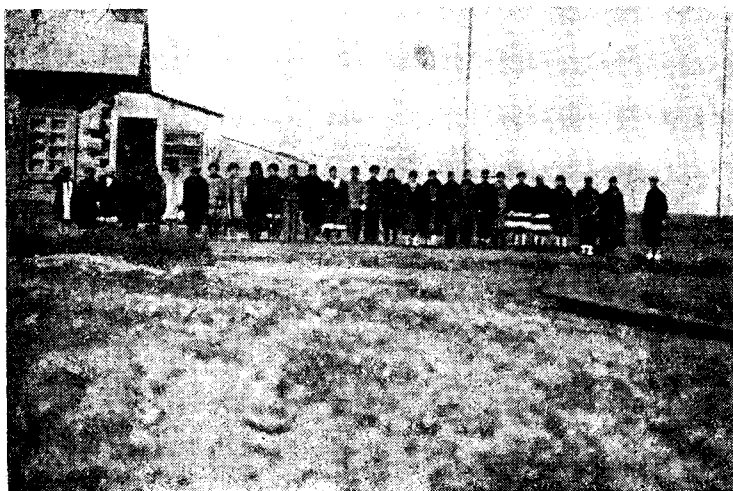
Враги народа много „потрудились“, чтобы запутать вопрос с алфавитом, методикой преподавания. И выходило так, что целые контингенты оканчивающих школы детей националов оказывались неграмотными, незнакомыми с русским языком.

11 февраля 1937 года Совет Национальностей ЦИК Союза ССР принял постановление о переводе письменности всех народов Крайнего Севера на основу русского алфавита. Это постановление клало конец дискуссиям и бесконечным опытам с разработкой алфавитов для народов Крайнего Севера. На основе этого постановления были разработаны проекты алфавитов для следующих тринадцати народностей: саамского, ненецкого, хантэйского, мансийского, селькупского, эвенкийского, эвенкского, нанайского, удэгейского, луораветланского, нымыланского, юйтского, нивхского. Планам Учпедгиза предусматривалось уже в 1937 году первые классы школ насытить новыми учебниками. Но издание этих учебников передвинулось на 1938/39 год, причем издаются учебники не на 13, а на 9 языках. Совершенно нет в издательском плане книги для внешкольного чтения. Дело издания учебников для северных школ поставлено так, что и этой зимой школы целиком не будут обеспечены ими. Мало того, лингвистическая секция Института народов Севера, представив Наркомпросу проект новой орфографии для школ девяти народностей, прямо заявила, что „орфографиями остальных языков народов Севера институт заняться не может за отсутствием соответствующих специалистов“. Быть может, это заявление в какой-то степени обеспокоило работников Наркомпроса? Ничуть не бывало. В Наркомпросе все „спокойно“. И в Научно-исследовательском

институте языка и письменности народов СССР при Наркомпросе, в институте, который за последнее время неоднократно подвергался критике на страницах „Правды“, тоже спокойно. Этот институт совершенно не занимается письменностью и разработкой орфографии для народов Севера; нет ни одной программы родного языка для школ Севера, утвержденной Наркомпросом РСФСР.

Сейчас подготовка учителей для школ Севера ведется в следующих специальных училищах: в Тигиле — Корякского национального округа; в Николаевске на Амуре — Дальневосточного края; в Остяко-Вогульске — Омской области, в Енисейске — Красноярского края, Салегарде — Ямало-Ненецкого округа. Но самым важным учебным заведением для педагогов нужно считать годичные курсы по повышению квалификации, работающие при педагогическом институте им. Герцена в Ленинграде. Это единственные в Советском Союзе курсы подобного типа. Как же обстоит дело на Северных педагогических курсах?

На курсах созданы лишь шесть секций по языковому признаку — эвенкийская, ненецкая, нымыланская, луораветланская, манси, хантэйская. Программа курсов была составлена явно вредительски. В ней совершенно нет математики и социально-экономических дисциплин. 10 предметов, намеченных программой, проходились с большими перебоями. Во втором семестре к 1 апреля только курс этнографии и географии был закончен полностью, остальные — обречены на провал. В особенности это относится к русскому языку и его методике, предметам, которые, несмотря на специальные указания правительства, проходились „галопом по учебникам“.

Пионерлагерь в заливе Лаврентия на Чукотке

Пионерский отряд в Моме

Фото
С. Мокровского

На курсах создалась нездоровая обстановка, плохая дисциплина. Один из слушателей, Гайдин, писал „Учительской газете*: „Уезжая на курсы, я надеялся пополнить свои знания по русскому языку и методике преподавания. Однако нет. С первых дней учебы на курсах начались безобразия. Русский язык преподается от случая к случаю. Методику начали только по географии... С курсов начинают уезжать!...“

После неоднократных напоминаний Ленинградский наробраз взялся за это дело и обнаружил на курсах все те дефекты, которые приводились в письме. Что же, может быть это вызвало тревогу в Отделе нерусских школ? Нет. На письме Ленинградского наробраза появляется лаконическая резолюция: „К сведению“. Резолюция пребывала в папках Наркомпроса без исполнения вплоть до окончания работы курсов.

— Можно было полагать, что опыт прошлогодней работы курсов чему-нибудь научил. Нет. Отдел нерусских школ пребывает в чинном спокойствии, полагая, видимо, что с этим делом спешить нечего.

До тех пор, пока в Наркомпросе будет существовать порочная система функционалки, когда северными школами занимаются все управления и фактически никто, пока в аппарате Наркомпроса не будет создан отдел или группа северных школ, а при областных и краевых отделах народного образования инспектора по северным школам, — мы не решим проблемы проведения всеобщего начального обучения в тайге и тундре. Пора это понять. И пора решительно взяться за выкорчевывание корней вредительства в области строительства школы Крайнего Севера.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ

Неизмерима роль врача на Севере. Шаманству нанесен сокрушительный удар не только агитацией, но и практическим делом внедрения медицины в отдаленные пункты северных кочевий. Мы имеем сотни примеров, когда работа врача в чуме, на стойбище, в районной тундровой больнице оказывала на местное население огромное влияние.

Медицинской помощи населению — как и всем вопросам культурно-бытового обслуживания — партия и правительство уделяют большое внимание. В апреле 1938 года Совнарком Союза принял специальное решение „О культурно-бытовом строительстве и обслуживании народов Крайнего Севера“. В этом решении в ряде крупнейших мероприятий намечено: „Открыть в 1938 году зубо-врачебные и глазные кабинеты в окружных центрах Чукотского, Корякского, Витимо-Олекминского, Таймырского, Эвенкийского, Ямальского, Остяко-Вогульского и Ненецкого национальных округов. Направить на Север 14 врачей по зубным болезням, 6 — по глазным“. Нам сообщили в Наркомздраве РСФСР, что в июле-августе эти врачи выедут на Север.

Советский Север вступил в такую фазу своего развития, когда он требует уже не просто больницы или амбулаторий, а специальных лечебных учреждений — зубных кабинетов, родильных домов, яслей и т. д. В Наркомздраве РСФСР создана специальная „Северная группа“, которая занимается вопросами медицины на Крайнем Севере.

По данным Наркомздрава, у нас на Севере сейчас 540 медицинских учреждений. Из

них — 20 городских больниц, 182 — типа сельских, 71 врачебно-амбулаторный пункт и 231 фельдшерский пункт. Цифры значительные, если учесть, что все медицинские учреждения на Севере созданы буквально на голом месте, там, где их никогда не было.

Но условия на Севере таковы, что они требуют от любого мероприятия максимальной эффективности. Нужно каждую больницу, каждую амбулаторию, каждый медицинский пункт ставить в таком месте, которое обеспечивало бы возможно широкий охват населения. Между тем до сих пор органы Наркомздрава, говоря фигурально, жмутся к лесной зоне, то есть к обжитым уже местам, и очень незначительно захватывают кочевья. Кочевники Обской губы, Таймыра, Анабары, Оленека, Яны, Индигирки, Омолона, Чукотки в особенности испытывают неудобства от того, что медицинские учреждения отстоят от них слишком далеко, а потому они порой им недоступны.

В генеральном соглашении на строительство новых больниц, заключенном между Главсевморпути и Наркомздравом РСФСР, между прочим значится постройка фельдшерского пункта в Часовне (Таймырский национальный округ). Часовня граничит со строительством Норильского полиметаллического комбината. Часовня, кроме того, в связи с действующей железнодорожной веткой Норильск — Дудинка, оказалась в непосредственной близости от Дудинки, располагающей медицинской помощью, как и Норильск. Другое дело район, скажем, фактории Долганы. Он совершенно оторван от Дудинки, отстоит от нее за несколько сот километров, расположен в так называемой чистой тундре. Фельдшерский пункт нужен именно здесь, потому что тут вполне ясно наметились контуры будущего оседлого поселения. Это не значит, что фельдшерский пункт нет надобности строить в Часовне, но если приходится выбирать — все говорит за район фактории Долганы.

Зубоврачебный кабинет в Ямальной больнице Главсевморпути

Ошибка Наркомздрава заключается в том, что он базируется в своей деятельности на сравнительно обжитые районы, между тем Наркомздрав — как и все наркоматы, работающие на Севере, — должен сопутствовать движению полярников глубже на Север.

Мы можем также сказать о недооценке Наркомздравом постановки родовспомогательного дела на Крайнем Севере. До сих пор в тундре еще нередко существует варварский обычай выделения для рожениц чума, где женщина рождает без посторонней помощи.

Физический, моральный, интеллектуальный расцвет народностей Севера в значительной степени зависит от образцовой постановки и родовспомогательного дела. Мы должны подготовить кадры среднего и низшего медицинского персонала для Крайнего Севера, причем кадры из местного населения. Мы должны иметь акушеров, фельдшериц, санитарок — ненок, эвенкиек, дуораветланок, начасек и т. д., т. е. из среды всех 26 народностей Севера.

Опыт постановки этого дела у Наркомздрава есть. В Остяко-Вогульске работает фельдшерская акушерская школа, в которой учатся 93 ученика — манси и ханты. Первый выпуск состоится уже в этом году. В Петропавловске на Камчатке работает школа медицинских сестер, на 40% укомплектованная из коренного населения. В этом году организуются курсы для среднего медицинского персонала в Туре (Эвенкия) и Анадыре (Чукотка). Такие курсы нужно организовывать смелее.

Совершенно выпал из поля деятельности Наркомздрава на Севере такой важный вопрос, как применение авиации. Нет нужды доказывать, какое значение имели бы для Севера специальные санитарные самолеты. Опыт, практика работы на Севере со всей убедительностью показали незаменимость авиации на огромном и в значительной части бездорожном Севере. Санитарные самолеты, базируясь на вполне приспособленных авиапунктах Главсевморпути, сделали бы большое оздоровительное дело и могли бы стать своеобразной „скорой помощью“ на Севере.

Надо отметить как крупнейший недостаток Наркомздрава, что его научно-исследовательские институты не занимаются Севером. На Севере много специфических заболеваний, требующих пристального изучения. За все время были только три экспедиции на Север: Института экспериментальной медицины, Туберкулезного и Тропического институтов. Этого явно недостаточно. Есть решение Ученого медицинского совета Наркомздрава СССР о посылке новых экспедиций: на Индигирку, комплексной научно-исследовательской экспедиции на Чукотку и одной экспедиции Курортологического института. Это решение нужно выполнить скорее.

НАШИ КУЛЬТБАЗЫ

Перед культбазами Главсевморпути стоят большие задачи. Однако большинство территориальных управлений Главсевморпути относится к деятельности культбаз менее внимательно, чем к любому своему учреждению. Это видно из цифр. В 1937 году 38% средств, ассигнованных на строительство культбаз, не были использованы. 11 млн. 500 тыс. рублей, отпущенных территориальным управлениям для содержания культбаз, давали полную возможность сделать их образцовыми, но теруправления даже зарплату обслуживающему персоналу выплачивали с опозданием. На каждого ученика школы культбазы было ассигновано 160 руб. в месяц. Эта сумма давала возможность в полной мере организовать питание, но задержка средств теруправлениями и скверная организация работы на культбазах создали такое положение, что в Хоседохардской и Хатангской культбазах учащиеся были снабжены недостаточно.

Школьному делу на культбазах свойственны все те пороки, которыми болеют северные школы Наркомпроса. Успешность низкая. Второгодничество в 1936/37 году достигало 12,2%. Основная причина — незнание языка коренного населения преподавательским составом. Нет методических указаний для школ культбаз. Нет программ преподавания родного языка и других предметов. Нет учебников на языках народов Севера. В результате были случаи, когда оканчивающие школу культбаз оставались неграмотными (культбаза на Ямале).

В 1927 году в школах культбаз было 48 учеников, а в 1937/38 году уже 923 ученика коренного населения. Северные кочевники на опыте убедились в значении культбаз, они охотно отдают своих детей в школы; но получилось так, что некоторые культбазы даже в районе своей деятельности оказались неспособными охватить всеобщим начальным обучением всех детей школьного возраста. Они часто отказывают в приеме детей коренного населения.

Так было в Тазовском районе, где учащихся в школе культбазы было 45, а детей школьного возраста — 103 (по приблизительным подсчетам); в Сосвинском районе учеников школы культбазы 97, а детей школьного возраста — 124.

На культбазах работают 30 врачей и 20 человек среднего медицинского состава. Но только 7 больниц из 13 имеют специальные помещения, остальные ютятся в зданиях, не отвечающих требованиям медицинского учреждения.

Работа культбаз в области медицинского обслуживания населения проделана большая. В 1935 году амбулаторных посещений было 37 605, из них 13 234 падало на коренное население. В 1937 году — 60 280 амбулатор-

Сестра-нунка Некучи Тусида ставит больному банки в Ямальской больнице

ных посещений, из них 32 232 падают на коренное население. Эти цифры показывают расширение охвата медицинской помощью населения тайги и тундры. Однако нельзя не признать самым отрицательным моментом в деятельности культбаз то обстоятельство, что из 600 работников мы имеем на культбазах только 37 националов. Этого слишком мало. Культбаза для успешной работы среди местного населения должна иметь более высокий процент работников-националов. Отделу культуры Главсевморпути следует это учесть в своей работе.

Нельзя не обратить внимания на многообразие функций культбаз. Здесь насчитывается 29 специальностей.

Культбаза возникла как тип культурной организации на Дальнем Севере много лет назад, когда мы только-только нащупывали формы работы среди национального населения. С тех пор положение коренным образом изменилось. На Севере создана сеть специальных учреждений — школы, интернаты, больницы, даже клубы, театры и кино. Нужно ли нам и теперь придерживаться такого многофункционального типа культбазы, — сомнительно. Ясно одно, что разнообразная деятельность порождает некую кустарщину.

Нужно перестроить работу культбаз в сторону большей специализации их, освободив культбазы от некоторых несвойственных им функций. Нужно вообще посмотреть сеть культбаз и некоторые из них превратить в типовые стационарные культурные организации. В Чаунском районе, в Березове, в Архангельске районные организации уже давно поднимают вопрос о передаче культбаз в их ведение. С точки зрения правильного освоения Севера это требование вполне разумно. Чем характерно освоение Севера для нашей системы? Тем, что мы, осваивая определенные территории,

не задерживаемся на них, а двигаемся дальше, предоставляя работать на этих территориях районным и краевым организациям.

Те культбазы, которые сейчас представляют солидные учреждения, вокруг которых уже выросли массивы кочевников, культбазы, вошедшие в быт стойбищ, необходимо передать районным организациям. Новые же культбазы должны двинуться дальше на Север, в места, где культработа еще не начиналась, либо находится в зачаточном состоянии. Над этим следует серьезно подумать Отделу культуры Главсевморпути.

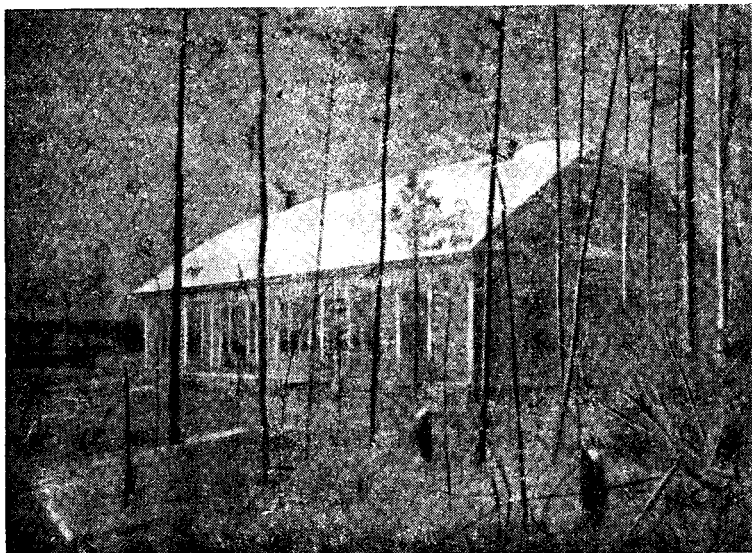
СТАНЦИЯ „СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС“ НА ВЫСТАВКЕ

В Москве в зале Политехнического музея открылась выставка подлинного оборудования станции „Северный полюс“. Большой зал выставки представляет собой дрейфующую льдину. В центре установлена палатка папанинцев так, как она стояла на знаменитой льдине. Из гипса сделан лед, окружающий палатку. Дюралевые телескопические трубки мачт радиостанции Кренделя. Нарта с велосипедной передачей. Когда день стоял безветренный и ветряк не в силах был подавать энергию для радиостанции, папанинцы поочередно садились на велосипед и, работая ногами, „добывали“ энергию.

Подле палатки стоит ветряк. Следы долгого пребывания на льдине чернеют на его допаях. Ветряк на папанинской льдине показал себя с самой лучшей стороны. Он был основным источником энергии.

Поодаль от „льдины“ в зале музея стоит палатка, в свое время демонстрировавшаяся на Парижской международной выставке. Одна сторона откинута, и в ней видно оборудование палатки. Все сделано предусмотрительно, добротно, с максимальными удобствами. Вдоль стен музея — витрины с различным имуществом станции „Северный полюс“. Одежда, пищевые концентраты, оружие, научные приборы и радиооборудование. В витрине радиооборудования выставлены три аппаратных журнала радиостанции. Один из них раскрыт на исторической странице. — „Восемь часов утра первого февраля районе станции поле разорвало трещинами... Случае обрыва связи просим не беспокоиться“. Радиограмма, переданная в эфир — с адресом: „Экватор. Москва. ГУСМП. Шмидту“ — вызвала в свое время горячий отклик в нашей стране. Правительство мобилизовало все средства для немедленного снятия папанинцев со льдины. Вся страна следила за продвижением ледоколов к льдине героической четверки...

Эта выставка ценна не только своими экспонатами, ставшими историческими. Она для работников Арктики имеет глубоко познавательную ценность. Снаряжение экспедиций полярных станций очень часто у нас подбирается случайно, наспех, непродуманно, что впоследствии значительно снижает научную и практическую ценность добытых с непомерно большим трудом материалов. Выставка показывает, как подбирать снаряжение экспедиции с максимальной целесообразностью. Папанинцы были строго ограничены весом снаряжения.

Мансийско-сосвинская культбаза

Каждый грамм учитывался, поэтому все сделано и подобрано очень портативно, с учетом всех потребностей — и научных и бытовых.

МУЗЕЙ В ЕНИСЕЙСКЕ

Достопримечательностью старинного сибирского города Енисейска является его городской музей. Он основан в 1883 году.

Музей разбит на разделы, отражающие историю развития так называемого Енисейского Севера.

В музее можно увидеть хорошо сохранившийся скелет овцебыка с оухты Широкой, череп мускусного быка с Пясины, части скелета мамонта.

В геологическом отделе показана история ископаемых. Хорошо подобраны исторические справки о самом Енисейске. Мы узнаем следующие подробности из истории города Енисейска.

В 1618 году на месте теперешнего Енисейска был заложен острог. В 1646 году здесь появились первые ссыльные. Это были царский стольник князь Иван Хованский и боярин Плещеев-Подпреза.

В 1689 году на Сибири была учреждена „государева почта“. Она проходила через Енисейск три раза в лето.

Оказывается, Енисейск положил начало каменному зодчеству на Сибири. Первые каменный дом был построен в Енисейске в 1722 году.

1768 год знаменателен для Енисейска тем, что здесь открылась ярмарка, на которой можно было видеть изделия железнорудной промышленности, зарождавшейся возле Енисейска.

Купцы, стяжавшие большие барыши на эксплуатации национального населения тайги и тундры, всеми силами старались превратить Енисейск в базу своего продвижения на Север. Вполне понятно было их стремление придать Енисейску черты настоящего города. Именно с этой целью они в 1790 году открыли в Енисейске школу, а позже, в 1797 году, добились учреждения в Енисейске должности уездного лекаря.

27 августа 1809 года Енисейск горел. Вокруг города расположены торфяные болота. Они вспыхнули неизвестно отчего. Подул ветер. Горящие хлопья торфа полетели на деревянный город, и через четыре часа от него почти ничего не осталось. На месте сгоревшего был вскоре построен новый город.

Енисейск „славился“ своими кабаками. Воевода Бирнин в 1620 году взял от продажи вина и меда более 8 тысяч рублей дохода.

Енисейск был оплотом поповщины на Крайнем Севере. Здесь существовало 12 церквей и 2 монастыря. Монастыри — женский и мужской — имели тюремные под-земелья, куда бросали узников. Так,

в 1827 году в Троицком монастыре томился в заключении декабрист Бобринцев-Пушкин. Он погиб в одном из подземелий.

Открытие золотых приисков сыграло большую роль в экономике города. Если раньше Енисейск был по преимуществу городом купцов, мелких ремесленников, рыбаков и охотников, то потом он стал крупным городом старателей.

Целый раздел музея посвящен развитию сельского хозяйства на Енисейском Севере.

Первые русские „населенники“ в бывшем Туруханском крае мало придавали значения хлебопашеству. Жизнь здесь была настолько сурова, что никто и не помышлял серьезно заняться земледелием, да и земля, казалось, не могла плодоносить, хотя кругом, вплоть до полярного круга, стояла густая первобытная тайга. Декабристы, сосланные на берега Енисея, впервые занялись разведением огородов вокруг станков. Опыты их были удачными, и декабристы оказались пионерами сельского хозяйства на Енисейском Севере. Они привили культуру сельского хозяйства на Севере.

Нечего было и помышлять серьезно заняться этим делом в те времена. Особые условия Севера требовали особых сортов семян, углубленной научной работы, машин. Всего этого у бедного енисейского станочного крестьянства не было.

В 1917 году под Енисейском было 5148 гектаров посевов. Но уже в годы советской власти, в годы развертывания освоения Севера сельское хозяйство интенсивно проникает на Север. К 1937 году под Енисейском было 11 870 гектаров различных посевов.

Почти весь верхний этаж музея посвящен экономике, быту национального населения тайги и тундры и развитию идеи Северного морского пути.

Здесь мы видим документы пребывания экспедиции Норденшельда в Енисейске в 1875 году, затем хорошо сохранившиеся фотографии Шваненберга и Виггинса, в 1893 году прошедших через Баренцево и Карское море к Енисейску. В сентябре 1913 года Нансен прибыл в Енисейск на судне „Коррект“. Его тепло встречали енисейцы. Побывал Нансен и в городском музее. Снимок его посещения музея сейчас висит тут на стене.

Помимо экспонатов, выставленных в двух этажах музея, он располагает архивной литературой, представляющей значительную историческую ценность. Тут есть дневники, записки, исторические данные о пребывании декабристов в ссылке на Енисейском Севере и другие материалы. Сейчас они приводятся в порядок, учитываются, изучаются.

Нужно сказать, что музею не хватает культурного стиля работы. Он не умеет показывать для широких слоев населения не только Енисейска, но и Красноярска, а может быть и других городов своих

богатства. В музее орудовали враги. Они тратили время и деньги на изучение таких „проблем“, как „опись церковного имущества на всем Енисее“. Основная же работа — тщательное собирание материалов исторического развития района, пропаганда успехов советского строительства — была предана забвению.

В Красноярске функционирует краевой музей. Работники его не только не помогают Енисейскому музею, а, наоборот, считают своим долгом при всяком удобном случае перетасать редкие экспонаты из Енисейска в Красноярск.

Музей организовывается в Дудинке. Надо полагать, музеи будут и в Туре, и в Туруханске. Прямая задача и обязанность краевых организаций — и прежде всего Красноярского краевого музея — всемерно поддержать это культурное мероприятие, помогать музеям Севера.

СТРОИТЕЛЬСТВО БОЛЬНИЦ НА СЕВЕРЕ ПЕРЕДАНО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

На основе постановления Совнаркома РСФСР между Главсевморпути и Наркомздравом РСФСР подписано генеральное соглашение о передаче строительства больниц, фельдшерских пунктов и жилых домов для медработников Архангельскому, Омскому, Красноярскому, дальневосточному, Якутскому территориальным управлениям Главсевморпути.

В 1938 году строительными конторами Главсевморпути должны быть построены следующие объекты: больница на острове Колгуеве на 10 коек, стоимостью в 150 тысяч руб.; такая же больница на Пяко — в Ямало-Ненецком национальном округе; в Дудинке — больница на 5 коек, стоимостью

в 80 тыс.; в Часовне, Попигае и Туруханском районе фельдшерские пункты, стоимостью по 80 тыс.; по Якутии — в Сыркыре, Моме, Булуе — больницы, каждая по 10 коек, стоимостью по 150 тыс., там же в Булуе — жилой дом для медицинских работников, стоимостью в 50 тыс.

Постройка медицинских учреждений будет вестись в соответствии с проектами Наркомздрава. По окончании постройки — больницы будут переданы органам Наркомздрава на местах.

ЭВЕНКИЙСКИЕ И НАНАЙСКИЕ ПЕСНИ НА ПЛАСТИНКЕ

По предложению отдела культуры Главсевморпути московская фабрика Грампластреста записала на пластинки эвенкийскую и нанайскую национальные песни.

В Ленинграде записываются песни других национальностей тундры в исполнении студентов Института народов Севера. Творчество народов Севера будет размножено на пластинках. Мы очень мало знаем об этом самобытном творчестве, и поэтому работа Грампластреста заслуживает всяческого одобрения.

СТО УЗКОПЛОЩАДНЫХ ПЕРЕДВИЖЕК

Совнарком РСФСР в своем решении от 22 марта обязал киноорганизацию укомплектовать и направить на Крайний Север сто узкоплощадных кинопередвижек с ручным приводом.

Эти кинопередвижки будут обслуживать отдаленные районы и стойбища тайги и тундры. Кинопередвижки направлены по назначению.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 12 „Советской Арктики“ за 1937 г. в статье „Небольшевистский стиль работы“ бывший редактор газеты Обдорского политотдела „Ударник Арктики“ Б. Вронский охарактеризован как не оправдавший политического доверия. Основанием для этого послужило то, что, якобы, по его распоряжению была изъята из печати заметка о вредительстве на строительстве радио-

центра и замаринованы другие аналогичные материалы.

Редакция сообщает, что это обвинение, выдвинутое против т. Вронского, не обосновано. Принимая во внимание необоснованность фактов, Политуправление Главсевморпути своим решением от 10 февраля с/г. это обвинение с т. Вронского сняло. Самый же факт опубликования этой статьи в журнале редакция считает своей ошибкой.

Адрес редакции:

Москва, улица Коминтерна, 4/7. Тел. 4-35-95

Редакционная коллегия

Технический редактор Ю. А. Таубер

Сдано в набор 17 мая 1938 г.
Фум. 70 × 108 см. 7 печ. л.
Уполн. Главлита № Б-45498

3 1/2 бум. л.
Заказ № 1750

Подписано к печати 21 июля 1938 г.
120 000 тир. зн. в бум. л.
Изд. № 47 Тираж 10 000 экз.

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Красная ул., 1

